СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Москва
«Художественная литература»
1987

ББК 84 Р1
С 48

Классики и современники

Поэтическая библиотека

Вступительная статья и
подготовка древнерусского текста
Д. Лихачева

Составление, статья и комментарии
Л. Дмитриева

Художник
В. А. Фаворский

С $\frac{4702010100\text{-}016}{028(01)\text{-}87}$ 33-87

ЗОЛОТОЕ СЛОВО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Весна 1185 года. Огромная, бескрайняя, поросшая буйной травой дикая степь. Бесконечные отлогие спуски к далеким рекам. Скрытые от глаз кустарники и рощи по оврагам. Со всех сторон опасность: степь принадлежит тем, кто в ней кочует, кто идет весной с юга от зимовий на богатые северные пастбища, на села и города русских, чтобы захватить детей, женщин, мужчин, поживиться золотом, мехами, тканями, оружием. Степняки объединены, сплочены, у них быстрые кони, осадные катапульты, чтобы брать города, огромные, передвигающиеся на великих возах самострелы, тетиву которых натягивают пятьдесят человек. Есть даже «греческий огонь». Они воюют и в Средней Азии и на Балканах. Именно в этот год они сражаются в Болгарии. Воюя, они движутся всем народом: их жены и дети — в походных войлочных домах на телегах. Это страшный враг, ужас и проклятие Руси — половцы.

Медленно движется в этой «незнаемой стране», в «диком поле» небольшое войско новгород-северского князя Игоря Святославича и его немногих союзников. Они идут уже давно, идут навстречу врагу. Это небольшой движущийся островок Русской земли[1]. Со всех сторон — с фронта, с флангов и с тыла — войско окружено таинственной и враждебной неизвест-

---

[1] *Русской землей* в те времена называли не только Русскую страну, но и русский народ и русское войско.

ностью. Высылаемая вперед разведка не может принести надежных вестей о передвижениях быстрого степного врага. Каждый день пути увеличивает опасность.

Воины помнят о грозном предзнаменовании — солнечном затмении 1 мая, застигшем их в самом начале похода у берегов Оскола. Игорь Святославич сказал тогда боярам своим и дружине: «Видите ли, что есть знамение се?» Те опустили головы: «Княже! се есть не на добро знамение се». Игорь возразил: «Братья и дружино! Тайны божия никто же не весть, а знамению творець бог и всему миру своему. А нам что створить бог, — или на добро, или на наше зло, — а то же нам видети». Иными словами: мы сами увидим нашу судьбу и нечего о ней думать раньше времени.

Тяжело было прощание с родиной, скрывшейся за пограничным холмом: «О Руская земле, уже за шеломянем еси!»

Войско идет, сопровождаемое зловещим вниманием хищников, следующих по пятам за войском и ждущих добычи на полях будущих сражений. Хищные птицы то отстают, то обгоняют полки. Волки прячутся по оврагам. Люди и звери, ожидающие их гибели, идут вместе все дальше на юг.

Во время ночевок многим не спится. Короткие переходы от дня к ночи и от ночи к утру кажутся томительно длинными. Долго догорают зори. В темноте и опасности слух обостряется до крайности. Кажется, слышен скрип половецких телег, мчащихся навстречу русским. Или это клик лебедей, вспугнутых движением войска?

Когда высланная вперед разведка донесла, что захватить половцев врасплох не удалось, что половцы вооружены и готовы к бою, Игорь не поворотил коней, но и не стал уверять своих воинов в близкой победе. Он сказал: «Оже ны будеть не бившися возворотитися, то сором ны будеть пущеи смерти, — но како ны бог дасть». Перед первой битвой Игорь снова обратился к своим войскам с кратким словом: «Братья, сего есмы искали, а потягнем». Поразительно, что Игорь ни-

чего не сулит своим воинам и не ободряет их призраком победы. Он только обращается к их чувству чести, к их чувству долга и мужеству. Когда после первой легкой победы над передовыми отрядами половцев небольшое русское войско вскоре увидело, что оно собрало против себя «всю половецкую землю», что оно окружено, что половецкие полки наступают со всех сторон, «ак борове» (подобно лесу), и русские князья не знали — кому куда выступать со своими полками, Игорь снова ободрил своих: «Се ведаюче собрахом на ся землю всю: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобица Колобича, и Етебича, и Терьтробича». Иными словами: мы знали, что делали, выступая в поход.

Чувство чести диктует и тактику боя. В войске Игоря были не только профессиональные воины-дружинники, но и крестьянское ополчение — «черные люди». Княжеская дружина была на конях, крестьяне шли в пешем строю. Игорь приказал дружине сойти с коней, чтобы сражаться всем вместе, не опережая друг друга. Речь Игоря напоминает речи Владимира Мономаха своею заботой о «черных людях». Он сказал: «Оже побегнемь, утечемь сами, а черные люди оставим, то от бога ны будеть грех, сих выдавше. Поидем, но или умремь, или живи будемь на единомь месте».

Наконец, в последнем акте развернувшейся трагедии, когда русские потерпели страшное поражение и раненный в руку Игорь был схвачен и связан, он мужественно принял вину на себя и в тяжелом раздумье о судьбах своего народа каялся в преступлениях, совершенных им против простых крестьян во время междоусобных войн. Его покаянная речь трагична. Игорь вспоминает, сколько убийств сотворил он в своих междоусобных войнах с другими русскими князьями, сколько пролил крови, когда взял приступом Переяславль у князя Глеба Святославича, сколько тогда горя приняли невинные люди, как дети были разлучены с отцами, брат с братом, друг с другом, дочери с матерями, подруги с подругами. Все было

тогда смятено пленом и скорбью. Живые завидовали мертвым... Юноши приняли тогда немилостивые раны, мужи были посечены и разрублены на части, жены осквернены. «И все то совершил я, — говорит Игорь. — Недостоин я жить». Ставя в непосредственную связь нынешнее свое поражение с междоусобицами прошлого, Игорь так вспоминал потери в битве: «Где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо рожения моего? где бояре думающеи, где мужи храборьствующеи, где ряд полъчный? где кони и оружья многоценьная?»[1]

Игорь был глубоко прав, объясняя поражение от половцев предшествующими междоусобными войнами с другими русскими князьями. Русским князьям не хватало единства в борьбе с врагом, они выступали против степи с немногими разрозненными силами. Враждовавшие между собой князья не могли сопротивляться страшному врагу Руси, объединившемуся тогда под властью хана Кончака.

Есть что-то общее в этом мужественном, прямом взгляде Игоря на действительность, о котором мы узнаем из летописей, с мужественностью и прямотой лучшего древнерусского произведения, созданного об этом походе, — «Слова о полку Игореве».

В самом деле, величайшая патриотическая поэма Древней Руси посвящена не одной из побед, которых немало знало русское оружие, а страшному поражению, в котором впервые за всю русскую историю князь оказался плененным, а войско почти совсем уничтоженным! Автор «Слова» смотрит в глаза опасности, суровой действительности, видит перед собой всю Русь, страдающую от вековых усобиц князей и опустошительных набегов половцев. Он обращается ко всем русским князь-

[1] Здесь и выше цитируется по изданию: «Летопись по Ипатскому списку». Издание Археографической комиссии, СПб., 1871 (см. под соответствующими годами с. 430—434).

ям поочередно, как бы призывая их к ответу и требовательно напоминая им об их долге перед родиной. Он зовет их защитить Русскую землю, загородить полю ворота своими острыми стрелами. И поэтому, хотя автор и пишет о поражении, в «Слове» нет и тени уныния. «Слово» так же лаконично и немногословно, как обращения Игоря к своей дружине. Это зов перед боем. Вся поэма как бы обращена к будущему, пронизана заботой об этом будущем. Для автора «Слова» битва со степным врагом еще не кончилась. Поэма о победе была бы поэмой торжества и радости. Победа — это конец сражения, поражение же для автора «Слова» — это только начало битвы. Поражение должно объединить русских. Не к пиру-торжеству зовет автор «Слова», а к пиру-битве.

Автор «Слова» не чувствует себя человеком зависимым, подневольным, выполняющим чей-то заказ. Это не придворный льстец и не угодливый сочинитель славы своему князю. Это и не составитель печальной элегии, оплакивающей поражение русских. Автор мужественно и прямо обличает крамолу князей — своих современников и их предков. Родоначальник князей Ольговичей, дед Игоря Святославича — знаменитый противник Владимира Мономаха — Олег Святославич, мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. При Олеге Святославиче Русская земля засевалась и прорастала усобицами, погибало достояние русского народа — «Даждьбожьего внука», в княжеских крамолах сокращались жизни человеческие, редко слышались покрикивания пахарей, но часто граяли вороны, деля между собой человеческие трупы. При родоначальнике полоцких князей — Всеславе Полоцком, — говорит автор «Слова», — кровавые берега Немиги не добром были посеяны — посеяны костьми русских сынов. Бориса Вячеславича Киевского похвальба на суд судьбы привела, уложила его на смертное ложе — на зеленую «паполому» реки Канины. Потомки этих князей не лучше. Автор «Слова» гордится смелостью и мужеством Игоря Святославича, радуется его возвращению из

плена, но вместе с тем смело упрекает его за безрассудство, за ослушание Святослава Киевского. С поражением Игоря «не веселая година настала», прекратилась борьба князей с половцами и сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» говорить и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую. И застонал Киев от горя, а Чернигов от напастей; тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная потекла среди земли Русской, князья сами на себя крамолу ковали, и поганые с победами нарыскивали на Русскую землю, беря дань по белке от двора. Игорь и Всеволод своим непослушанием пробудили коварство половцев. Словами Святослава Киевского автор упрекает Игоря и Всеволода за поиски личной славы.

Он смело требует от князей согласованных действий против врагов Руси, укоряет их за бездеятельность. Всеволод Суздальский могуществен, но он не хочет прилететь издалека на юг, поблюсти здесь золотой киевский стол своего отца Юрия Долгорукого. Рюрик и Давыд обладают храброй дружиной, но и их нужно призывать вступить в золотые стремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря. Ярослав Осмомысл высоко сидит на своем златокованом престоле, подперев Венгерские горы своими железными полками, заступив путь венгерскому королю, суды рядя до Дуная, ведя могущественную политику на Ближнем Востоке и повелевая даже Киевом, но и его нужно призывать выступить против Кончака, за землю Русскую, за раны Игоревы. Роман и Мстислав храбры и отважны, но для Игоря-князя тем не менее померк солнца свет, половцы по Роси и Суле города поделили. Ингварь, и Всеволод, и все три Мстиславича не по праву побед захватили себе владения. Автор «Слова» стыдит этих князей: «Где же ваши золотые шеломы, и сулицы лядские, и щиты! Загородите степи ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!»

Особенно гневные слова обращает автор к полоцким Всеславичам — ближайшим родственникам Святослава Киевского (Святослав был женат на полоцкой княжне). Автор требует, чтобы Всеславичи склонили свои стяги, вложили в ножны свои поврежденные мечи, ибо лишились они дедовской славы и своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую.

Автор «Слова» чувствует себя власть имущим, как чувствовали себя власть имущими и все последующие русские писатели. Мы узнаем в «Слове» замечательный героический дух всей последующей русской литературы, высокое сознание своей ответственности, своего писательского призвания, своего общественного долга. Он говорит как равный со всеми, требует, а не молит. Голос его поднимается до обличительного пафоса. Есть что-то пророческое в его обличениях. Вот почему К. Маркс писал: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием... монгольских полчищ»[1].

Надо было быть очень смелым человеком, чтобы выступать так, как автор «Слова о полку Игореве». Уже в XI веке среди писателей того времени, несмотря на всю скудость сведений о них, мы можем различить первые жертвы княжеского произвола против литературы: княжеский гнев обрушился против одного из первых русских проповедников — киево-печерского игумена Феодосия; автора «Слова о законе» митрополита Илариона смещают, летописца Никона принуждают бежать в Тмуторокань. Служение литературе с самого начала приобрело черты жертвенности и мученичества. Так было и в последующие века: автора «Моления» Даниила заточают, Максима Грека переводят из одной монастырской тюрьмы в другую, Аввакума и его друга Епифания сжигают за «великие на царский дом хулы».

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29. М., 1962, с. 16.

В страстном и требовательном обращении автора «Слова» к русским князьям есть что-то предвещающее властные и гневные обращения к царям Радищева, Пушкина, Лермонтова, Рылеева, Льва Толстого и многих, многих других русских писателей нового времени. Русские писатели всегда осознавали себя независимыми, ответственными только перед народом, более высокими по своему призванию, чем князья и цари.

Страстность, с которой написано «Слово», поразительна. Оно полно сильных и волнующих чувств. Рассказывая о походе русского войска, автор «Слова» преисполнен такой сильной скорби, что как бы не может удержать себя от вмешательства в действия Игоря. Он прерывает самого себя горестными восклицаниями: «О, далеко залетел сокол, птиц избивая, к морю! А Игорева храброго полку уже не воскресить!», «О, стонать Русской земле, поминая прежнее время и прежних князей!» Автор «Слова» одухотворяет природу, заставляет ее отзываться на все происходящее среди людей. Чувства автора «Слова» так велики, его понимание чужого горя и чужих радостей так остро, что ему кажется, что этими же чувствами, этими же переживаниями наделено и все окружающее. Животные, деревья, трава, цветы, вся природа и даже городские стены щедро наделяются им человеческими чувствами, способностью различать добро и зло, сочувствовать первому и ненавидеть второе, они предупреждают русских о несчастьях, переживают с ними горе и радости. Это слияние автора и природы усиливает значительность и драматизм происходящего. Чувства автора, находящие отклик в природе, как бы удесятерены в силе.

С осязательной живостью рисует автор «Слова» удаление русского войска и дважды восклицает: «О Руская земле, уже за шеломянем (за пограничным холмом) еси!» Только бывавший в походах мог с такою точностью передать душевные переживания воинов, уходящих за пределы родной земли, прощающихся с родиной.

Автор «Слова» как бы слышит издалека шум битвы, но в сильном душевном волнении не хочет и не может осознать внезапно надвинувшегося поражения, несмотря на всю его очевидность. Он восклицает: «Что шумит, что звенит на рассвете рано перед зорями?» Только переживший сам душевную утрату мог с такой психологической верностью передать свое смятенное состояние, свое нежелание поверить в случившееся несчастье.

С исключительной глубиной проникает автор «Слова» и в душевные переживания своих героев. Во всей сложности предстают перед нами противоречивые чувства Святослава Всеволодовича Киевского при известии о поражении Игоря и Всеволода. Он отечески любит их и отечески упрекает за безрассудную затею похода без сговора с остальными русскими князьями: «Что же сотворили вы моей серебряной седине!»

Автор «Слова» понимает молодецкое презрение к роскоши воинов Игоря, которые, потоптав «поганые» полки половецкие, «помчали красных девок половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. Ортмами, япончицами и кожухами стали мосты мостить по болотам и топким местам — и всяким узорочьем половецким». И одновременно с этим сочувственным пониманием удали воинов автор «Слова» с ласковой чуткостью приоткрывает нам душевные переживания юной жены Игоря — Ярославны, плачущей по своем муже. Нежность Ярославны и суровость воинов доступны и близки ему в равной мере. С удивительной человечностью говорит автор «Слова» об одинокой (именно одинокой!) смерти Изяслава Васильковича на поле битвы, на кровавой траве: не было с ним его братьев, в одиночестве изронил он свою жемчужную душу через золотое ожерелье.

Человечность «Слова» проявляется разнообразно и сильно. Она сказывается и в характеристиках действующих лиц: выразительных, кратких и удивительно различных. При всей мимолетности замечаний, которые автор «Слова» в своей лириче-

ской торопливости бросает о действующих лицах, в «Слове» нет и двух одинаковых персонажей. Каждый из многочисленных героев «Слова» наделен собственными чертами. В них подмечено самое существенное, и это существенное воплощено в произведении самыми различными художественными средствами. Образ «соловья старого времени» Бояна раскрыт характеристикой его художественной манеры. Характеристика Ярославны воплощена в ее плаче. Описание воинской готовности «сведомых кметей», курских воинов Всеволода буй-тура, является одновременно и их лучшей характеристикой.

Но истинным, главным героем произведения является вся Русская земля, и в описании ее, в создании ее образа автор поднимается до необычайного мастерства. Образ родины пронизывает собой все произведение и создан с необыкновенным темпераментом, с чувством страстной любви к ней.

В действие «Слова» втянуты огромные географические пространства. Половецкая степь («страна незнаема»), Дон, Черное и Азовское моря, Волга, Рось и Сула, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Стугна, Немига, а из городов — Корсунь, Тмуторокань, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и др. — вся Русская земля находится в поле зрения автора, введена в круг его повествования. При этом автор «Слова» не выключает Русскую землю из состава окружающих ее народов, заставляя прислушиваться к происходящим в ней событиям немцев и венецианцев, греков и моравов, а литву, половцев, ятвягов и деремелу (литовское племя) быть непосредственно вовлеченными в ход русской истории.

Подобно Ярославу Галицкому, прозванному Осмомыслом, престол которого господствует над Венгрией и Киевом, откуда он обозревает все происходящее, автор «Слова» видит Русь как бы с идеальной высоты. Огромность Русской земли подчеркивается им одновременностью действия в разных ее концах: «девицы поют на Дунае, вьются голоса через море до Кие-

ва»; «трубы трубят в Новегороде, стоят стязи в Путивле», «кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве» и т. д. Одновременно с походом Игорева войска двигаются к Дону половцы «неготовыми дорогами», скрипят их немазаные телеги.

Таким же, как у него самого, обостренным слухом и зрением, способным прозревать пространство, наделяет автор и своих героев: когда Всеславу в Полоцке позвонят к заутрени рано у святой Софии в колокола — он в Киеве уже звон слышал, а когда Олег вступал в золотое стремя в городе Тмуторокани — тот звон слышал, бывало, великий Ярослав, а Владимир (Мономах) всякое утро уши себе закладывал в Чернигове.

Широкое пространство действия объединяется гиперболической быстротой передвижения в нем действующих лиц. Всеслав, по выражению «Слова», хитростями подперся на коней и скакнул ко городу Киеву и доткнулся копьем до золотого престола киевского. Отскочил от него лютым зверем. В полночь из Белгорода скрылся в синем облаке, наутро же, поднявшись, оружием отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава... Всеслав-князь людей судил, князьям города уряжал, а сам в ночи волком рыскал, из города дорыскивал до петухов до Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перерыскивал. Святослав, словно вихрь, исторгнул поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой.

В обширных пространствах Руси могущество героев «Слова» приобретает гиперболические размеры: Владимира Мономаха нельзя было пригвоздить к горам Киевским; Галицкий Ярослав подпер горы, затворил Дунаю ворота.

Такою же грандиозностью отличается и пейзаж «Слова», всегда тем не менее конкретный и взятый как бы в движении: перед битвой с половцами кровавые зори свет поведают, черные тучи с моря идут... быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого. Земля гудит, реки мутно текут, прах

над полями несется. После поражения Игоря широкая печаль течет по Руси.

Ветер, солнце, грозовые тучи, в которых трепещут синие молнии, утренний туман, дождевые облака, щекот соловьиный по ночам и галочий крик утром, вечерние зори и утренние восходы, море, овраги, реки составляют огромный необычайно широкий фон, на котором развертывается действие «Слова», передают ощущение бескрайних просторов родины.

Ярославна в плаче обращается к ветру, веющему под облаками, лелеющему корабли на синем море; к Днепру, который пробил каменные горы сквозь землю Половецкую и лелеял на себе Святославовы насады до Кобякова стана; к солнцу, которое для всех тепло и прекрасно, а в степи безводной простерло жгучие свои лучи на русских воинов, жаждою им луки скрутило, истомою им колчаны заткнуло.

Чем шире охватывает автор Русскую землю, тем конкретнее и жизненнее становится ее образ, в котором оживают реки, вступающие в беседу с Игорем, наделяются человеческим разумом звери и птицы, принимающие участие в судьбе Игоря.

Ощущение пространства и простора, постоянно присутствующее в «Слове», усиливается многочисленными образами соколиной охоты, участием в действии птиц (гуси, гоголи, вороны, галки, соловьи, кукушки, лебеди, кречеты), совершающих большие перелеты («не буря соколов занесла через поля широкие, галок стаи летят к Дону великому», вороны несутся к синему морю и пр.); ветры и отдаленное море также подчеркивают это ощущение.

Наблюдая Русскую землю с такой высоты, с которой он может охватить все ее пространство, автор тем не менее видит и слышит ее во всех деталях. Разнообразная наблюдательность автора «Слова» охватывает подробности походной жизни, степных переходов, приемы защиты и нападения, детали вооружения, поведение птиц и зверей.

Образ родины, полной городов, рек и многочисленных обитателей, как бы противостоит образу пустынной половецкой степи — «стране незнаемой», ее яругам (оврагам), холмам, болотам и «грязивым» местам.

Вся художественная система «Слова» построена на контрастах.

Один из самых острых контрастов, пронизывающих все «Слово», — это контраст книжных элементов стиля с народно-поэтическими. Элементы книжные и устные, переплетаясь, создают своеобразие и разнообразие стиля этого небольшого, но исключительно богатого по форме и содержанию произведения.

В «Слове» можно заметить многочисленные связи с современными ему произведениями переводной и оригинальной книжности домонгольского времени. Отдельные образы «Слова» близки к образам летописи, «Слова о погибели русской земли», проповедей Кирилла Туровского, переводных хроник Манассии и Георгия Амартола, к «Повести о разорении Иерусалима» и к Девгениеву Деянию. Так, например, начальные размышления автора «Слова» о том, какой избрать стиль для описания событий и самое обращение к певцу — своему предшественнику, — имеют аналогии в переводной хронике Манассии. Книжного происхождения выражение «старыми словесы» или образ «мысленного древа», выражения «истягнуть умь крепостию своею» — и «поострить сердца своего мужеством», «свивать славы оба полы сего времени» и «летать умом под облакы».

Широко представлена в «Слове» и феодальная символика. В военнодружинной среде определенное символическое значение имел меч (символ войны), стяг, копье, стремя. Выражение «вступить в стремя» означало выступить в поход, «понизить стяг» означало признать себя побежденным, «испить шлемом воду из какой-либо реки» значило покорить земли на ее берегах.

Но ближе всего «Слово» к народной поэзии.

Народны в «Слове» образы дерева, приклоняющегося до земли от горя, никнущей от жалости травы, сравнений битвы с пиром, с жатвой. Близок к народному плачу плач Ярославны. В народных плачах постоянны те же обращения к ветру, к реке, к солнцу, которые имеются и в плаче Ярославны. Сон Святослава полон народных поэтических символов. Описание бегства Игоря из плена имеет сказочные мотивы: в сказках нередко герой, спасающийся от преследующего его колдуна, также обращается в животных. Подобно Игорю, обернувшемуся соколом и бившему гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину, в былине о Волхе Всеславьевиче последний, обернувшись соколом, бьет гусей и лебедей для своей дружины. Воспитание курских дружинников напоминает воспитание Волха Всеславьевича. Народен и образ «девы Обиды», встречающийся в устной поэзии. Народного богатыря напоминает Всеволод буй-тур, когда он прыщет на врагов стрелами, гремит об их шлемы мечами харалужными. Подобно Илье Муромцу, Всеволод буй-тур сражается с врагами, и куда поскачет — там лежат поганые головы половецкие.

Народная стихия в «Слове» выражается в излюбленных народной поэзией отрицательных метафорах («у Немиги кровавые берега не добром были засеяны — засеяны костьми русских сынов»), в фольклорных эпитетах (чистое поле, острые мечи, каленые стрелы, синее море, черный ворон, красные девы и др.), в некоторых гиперболах, сравнениях и т. д.

Соединение письменной, литературной традиции и народной, устной делает «Слово» особенно богатым, сложным, многогранным.

Остро контрастно в «Слове» и сочетание прозы с ритмически организованными строками.

Бодрый и энергичный ритм мчащихся воинов чувствуется в описании черниговских кметей:

под трубами повити,
под шеломы възлелеяни,

конець копия въскормлени;
пути имь ведоми,
яругы имь знаеми,
луци у них напряжени,
тули отворени,
сабли изострени.

Иной ритм — ритм большого свободного дыхания народного плача ощущается в обращениях Ярославны к солнцу, к ветру, к Днепру:

О Днепре Словутицю!
Ты пробил еси каменныя горы сквозе землю Половецкую.
Ты лелеял еси на себе Святославли носады до полку Кобякова.
Возлелей, господине, мою ладу ко мне, а бых не слала к нему
слез на море рано!

Ритмичность речи подчеркивают одинаковые начала фраз: «ту», «уже» и проч. Достигается ритмичность и сочетаниями однотипно построенных предложений, составляющих единое целое:

притопта холми и яругы,
взмути реки и озеры,
иссуши потоки и болота.

Ритм речи создают и излюбленные в «Слове» парные сочетания: «чти и живота», «свычая и обычая», «туга и тоска», «от Дона и от моря», «в ты рати и в ты полкы».

Ритм «Слова» часто меняется, близко следует смыслу, содержанию произведения. В точном соответствии ритмической формы и идейного содержания «Слова» — одно из важнейших оснований своеобразной музыкальности его языка.

Поразительно, что столь небольшое произведение так богато и даже роскошно по языку. Автор «Слова» очень точно и метко подбирает слова и выражения. Соловьиное пение не прекратилось — оно «уснуло»; синие молнии не просто блестят — они «трепещут»; трава не просто полегла — она «ник-

нет» («ничить»). Персты не просто кладут на струны — их «воскладают». Славу можно «расшибить» и «притрепать». Тоска «разливается». Печаль «течет» посреди Русской земли. Веселье «развеивается по ковылю».

Автор «Слова» очень скуп на эпитеты, но зато употребленные им — метки. Сравните, например, такие эпитеты: «жемчужная» душа, «теплые» туманы («мглы»), «живые» струны. Первый эпитет связан со всем повествованием о князе Изяславе Васильковиче. Этот князь в одиночестве на поле битвы, умирая от ран, «изронил» свою «жемчужную» душу через золотое ожерелье (то есть через расшитый золотом ворот своей княжеской одежды). Перед нами очень сложный образ, в котором эпитет «жемчужная» (о душе Изяслава Васильковича) входит как часть в целое. Эпитет «теплый» (о туманах) наблюдательно передает существенную деталь в бегстве Игоря из плена: туманные ночи теплее ясных, и Донец во время ночлегов Игоря как бы одевал его теплыми туманами, берег его. Струны Бояна «живые» — этим подчеркивается искусство игры Бояна. Эпитет этот согласуется с тем, что о них говорится дальше: они «сами» рокочут славу, инструмент как бы оживает в руках мастера.

Богато и разнообразно слуховое восприятие автора «Слова». Голоса девиц на Дунае не просто доносятся до Киева — они «вьются». Телеги у него не скрипят, а «кричат», как лебеди. Кликом можно даже «перегородить» поля. Слава «звенит», и в славу «звонят». Соловьи «щекочут», их песни «веселые», орлы «клекчут», лисицы «брешут», волки «въсрожать», галки «говорят», кони «ржут», див «кличет», вороны «грают», туры «рыкают», сороки «втроскоташа», дятлы «тектом» поведают путь Игорю, ночью встает звериный «свист» (свист степных сусликов) и т. д.

Зрительная четкость образов «Слова» поразительна. Автор «Слова» обладал повышенным чувством цвета, характерным для эпохи высокого развития древнерусской живописи, на-

ступившего в XII веке. Зрительно эффектны образы плавающих в красной крови золотых шлемов, зеленой травы на серебряных берегах Донца, черной земли, политой красной кровью.

Очень богата оружейная терминология «Слова», типичная для средневековой любви к оружию. Сабли в «Слове» «гремлют» о шлемы, ими можно «поскепать» оварские шлемы и «потручать» о шлемы. Сабли «припешивают» крылья соколам. Сабли «каленые» и «изостренные». Мечи «цвелят» Половецкую землю, ими «гремят» и «позванивают» о шлемы, «притрепывают» врагов. Копья «трещат» и «приламываются», «поют» в полете. Стружием (древком) можно «доткнутися» до престола. Стрелы «каленые», «острые» и «золоченые». Они «летят», ими «прыщут» и их «сеют» по земле. Ветры «веют» и «мчат» стрелами. Автор «Слова» обращает внимание на то, где сделано оружие. Мечи у него литовские, сулицы (короткие копья) лядские, шлемы литовские и оварские, стрелы «хиновские». Он обращает особое внимание на закалку мечей, сабель и наконечников стрел («каленые», «харалужные»). Скупой на сравнения, автор «Слова» часто тем не менее прибегает к сравнениям с оружием: дождь идет «стрелами», «стрелами» же рассеялись по полю русские. Сердца воинов скованы и закалены, крамола куется.

Созданное вскоре после описываемых событий, «Слово о полку Игореве» «не затерялось, — по выражению академика А. С. Орлова, — на границе дикого поля». Во все эпохи «Слово» было живым явлением русской литературы, всегда сохраняло свою идейную и эстетическую действенность. В 1307 году скромный писец Пантелеймонова монастыря в Пскове переписывал «Апостол» и захотел в приписке выразить свое возмущение усобицами князей, своих современников — Михаила Тверского и Георгия Даниловича Московского, — он сделал это словами «Слова о полку Игореве»: «При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша в князех которы, и веци скоротишася человеком!» Впечатления от

Куликовской битвы Сафоний-рязанец выразил в произведении, подражающем «Слову», — «Задонщине». Отдельные образы и выражения «Слова» отразились и в «Сказании о Мамаевом побоище».

«Слово» дошло до нас в единственном списке XVI века. Трагична его судьба: в 1812 году этот единственный список сгорел вместе со всеми другими ценнейшими рукописями собрания А. И. Мусина-Пушкина в большом московском пожаре. Но, по счастью, в 1800 году Мусин-Пушкин успел издать его. Благодаря этому «Слово о полку Игореве» стало живым явлением не только древней русской литературы, но и новой, и в особенности современной.

Небольшой памятник, посвященный горестному поражению русских в походе против половцев 1185 года, оказался одной из самых больших и радостных побед русского слова.

Красотой «Слова» были упоены люди безукоризненного вкуса: Жуковский, Пушкин, Белинский, Гоголь, а в XX веке — Блок, Бунин и многие советские поэты и писатели.

Сила любви к родине, к Русской земле, покоряет читателей «Слова». Чувство это пронизывает собой все произведение, проступает в каждой строке. Оно наполняет сердце читателя жгучим горем при описании поражения русского войска, гордостью за свою родину при описании силы и смелости ее князей, острой ненавистью к ее врагам в рассказе о разорении Русской земли. Любовь к родине и русскому народу определила выбор художественных средств в «Слове», близких к народному творчеству, усилила наблюдательность ее автора, вдохнула в него подлинное поэтическое одушевление, придала высокую идейность его произведению.

Вот почему значение «Слова» так безмерно возросло в наше время. Вот почему оно находит такой горячий отклик в сердцах всех людей, беззаветно преданных своей родине.

Д. Лихачев

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Из двух сохранившихся воспроизведений погибшей рукописи «Слова о полку Игореве»: писарской копии, составленной для Екатерины II, и издания 1800 года, лучшим является издание 1800 года. Оно и положено в основу издаваемого ниже древнерусского текста «Слова о полку Игореве». Однако в текст этого первого издания внесен ряд поправок: во-первых, тогда, когда текст копии, составленный для Екатерины II, лучше передает погибшую рукопись, и, во-вторых, тогда, когда текст первого издания явно ошибочен.

Буква «i» заменена в нашем издании буквой «и» («i» была проставлена в первом издании по правилам орфографии XVIII века). Буква «ѣ» (ять) сохранена; ее следует произносить как «е». Читая «Слово», следует иметь в виду, что орфография в древнерусском языке не была окончательно устоявшейся, что одно и то же слово писалось иногда по-разному. Пунктуация проставлена современная (в древнерусских рукописях пунктуация не похожа на нашу; она не была воспроизведена ни в первом издании, ни в копии). Текст «Слова о полку Игореве» разбит на абзацы и на ритмические единицы. Этой разбивки в подлинной рукописи «Слова» также не было. В русских рукописях XI—XVII веков текст писался в сплошную строку — в том числе и текст поэтический.

Каждая строка перевода «Слова» соответствует строке подлинного древнерусского текста. Ни подлинный текст, ни перевод не следует читать так, как читают современные

стихи. Ритм «Слова» синтаксически-смысловой: в отдельные строки выделяются синтаксические и смысловые части; этим подчеркиваются синтаксические и смысловые повторения, схожие по грамматическому построению места.

При чтении древнерусского текста «Слова о полку Игореве» следует иметь в виду, что сочетания «лъ» и «ръ» в середине слов следует по большей части читать как «ол», «ел» и «ор», «ер». Например, слово «плъкы» читается «полкы», «пръсты» — «персты», «бръзыя» — «борзыя», «чрълеными»— «черлеными» и т. д.

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ,
ВНУКА ОЛЬГОВА

Не лѣпо ли ны бяшеть братие,
начяти старыми словесы
трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ,
Игоря Святъславлича?
Начати же ся тъй пѣсни
по былинамь сего времени,
а не по замышлению Бояню.
Боянъ бо вѣщий,
аще кому хотяше пѣснь творити,
то растѣкашется мыслию по древу,
сѣрымъ вълкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.
Помняшеть бо, рече,
първыхъ временъ усобицѣ.
Тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣй;
который дотечаше,
та преди пѣснь пояше —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми,
красному Романови Святъславличю.
Боянъ же, братие, не 10 соколовь
на стадо лебедѣй пущаше,

нъ своя вѣщиа пръсты
на живая струны въскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию
отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря,
иже истягну умь крѣпостию своею
и поостри сердца своего мужествомъ;
наплънився ратнаго духа,
наведе своя храбрыя плъкы
на землю Половѣцькую
за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ
на свѣтлое солнце
и видѣ отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь
къ дружинѣ своей:
«Братие и дружино!
Луце жъ бы потяту быти,
неже полонену быти;
а всядемъ, братие,
на свои бръзыя комони,
да позримъ
синего Дону».
Спалъ князю умь
похоти
и жалость ему знамение заступи
искусити Дону великаго.

«Хощу бо,— рече,— копие приломити
конець поля Половецкаго,
съ вами, русици, хощу главу свою приложити,
а любо испити шеломомь Дону».

О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сиа плъкы ущекоталъ,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подъ облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню
чресъ поля на горы.
Пѣти было пѣснь Игореви,
того внуку:
«Не буря соколы занесе
чрезъ поля широкая —
галици стады бѣжать
къ Дону великому».
Чи ли въспѣти было,
вѣщей Бояне,
Велесовь внуче:
«Комони ржуть за Сулою —
звенить слава въ Кыевѣ;
трубы трубять въ Новѣградѣ —
стоять стязи въ Путивлѣ!»

Игорь ждетъ мила брата Всеволода.
И рече ему буй туръ Всеволодъ:
«Одинъ братъ,
одинъ свѣтъ свѣтлый —
ты, Игорю!
оба есвѣ Святъславличя!
Сѣдлай, брате,
свои бръзыи комони,
а мои ти готови,
осѣдлани у Курьска напереди.
А мои ти куряни свѣдоми къмети:
подъ трубами повити,
подъ шеломы възлѣлѣяни,
конець копия въскръмлени,
пути имь вѣдоми,
яругы имь знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъострени;
сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ,
ищучи себе чти, а князю славѣ».

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень
и поѣха по чистому полю.
Солнце ему тъмою путь заступаше;
нощь стонущи ему грозою птичь убуди;
свистъ звѣринъ въста,
збися дивъ —
кличетъ връху древа,
велитъ послушати — земли незнаемѣ,
Влъзѣ,
и Поморию,
и Посулию,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебѣ, Тьмутороканьскый блъванъ!
А половци неготовами дорогами
побѣгоша къ Дону великому:
крычатъ тѣлѣгы полунощы,
рци, лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ!

Уже бо бѣды его пасетъ птиць
по дубию;
влъци грозу въсрожатъ
по яругамъ;
орли клектомъ на кости звѣри зовутъ;
лисици брешутъ на чръленыя щиты.

О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!

Длъго ночь мрькнетъ.
Заря свѣтъ запала,
мъгла поля покрыла.
Щекотъ славий успе;
говоръ галичь убуди.
Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша,
ищучи себѣ чти, а князю — славы.

Съ зарания въ пятокъ
потопташа поганыя плъкы половецкыя,
и рассушясь стрѣлами по полю,
помчаша красныя дѣвкы половецкыя,
а съ ними злато,
и паволокы,
и драгыя оксамиты.
Орьтъмами,
и япончицами,
и кожухы
начашя мосты мостити по болотомъ
и грязивымъ мѣстомъ,
и всякыми узорочьи половѣцкыми.
Чрьленъ стягъ,
бѣла хорюговь,
чрьлена чолка,
сребрено стружие —
храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.
Далече залетѣло!

Не было оно обидѣ порождено,
ни соколу,
ни кречету,
ни тебѣ, чръный воронъ,
поганый половчине!
Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ,
Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано
кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ;
чръныя тучя съ моря идутъ,
хотятъ прикрыти 4 солнца,
а въ нихъ трепещуть синии млънии.
Быти грому великому,
итти дождю стрѣлами съ Дону великаго!
Ту ся копиемъ приламати,
ту ся саблямъ потручяти
о шеломы половецкыя,
на рѣцѣ на Каялѣ,
у Дону великаго!

О Руская землѣ! уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами
на храбрыя плъкы Игоревы.
Земля тутнетъ,
рѣкы мутно текуть,
пороси поля прикрываютъ,

стязи глаголютъ:
половци идуть отъ Дона,
и отъ моря,
и отъ всѣхъ странъ рускыя плъкы оступиша.
Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ туре Всеволодѣ!
Стоиши на борони,
прыщеши на вои стрѣлами,
гремлеши о шеломы мечи харалужными!
Камо, туръ, поскочяше,
своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
тамо лежатъ поганыя головы половецкыя.
Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя,
отъ тебе, яръ туре Всеволоде!
Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота,
и града Чрънигова отня злата стола,
и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны
свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни,
минула лѣта Ярославля;
были плъци Олговы,
Ольга Святьславличя.
Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше
и стрѣлы по земли сѣяше.
Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ,
той же звонъ слыша давный великый Ярославь,
а сынъ Всеволожь, Владимиръ,
по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе
и на Канину зелену паполому постла
за обиду Олгову
храбра и млада князя.
Съ тоя же Каялы Святоплъкь повелья отца своего
междю угорьскими иноходьцы
ко святѣй Софии къ Киеву.
Тогда, при Олзѣ Гориславличи,
сѣяшется и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Даждьбожа внука;
въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась.
Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нъ часто врани граяхуть,
трупиа себѣ дѣляче,
а галици свою рѣчь говоряхуть,
хотять полетѣти на уедие.

То было въ ты рати и въ ты плъкы,
а сицей рати не слышано!
Съ зараниа до вечера,
съ вечера до свѣта
летять стрѣлы каленыя,
гримлють сабли о шеломы,
трещать копиа харалужныя
въ полѣ незнаемѣ,
среди земли Половецкыи.
Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна,
а кровию польяна:
тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить,
что ми звенить —
далече рано предъ зорями?
Игорь плъкы заворочаетъ:
жаль бо ему мила брата Всеволода.
Бишася день,
бишася другый;
третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пиръ докончаша храбрии русичи:
сваты попоиша, а сами полегоша
за землю Рускую.
Ничить трава жалощами,
а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, не веселая година въстала,
уже пустыни силу прикрыла.
Въстала обида въ силахъ Даждьбожа внука,
вступила дѣвою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы
на синѣмъ море у Дону;
плещучи, упуди жирня времена.
Усобица княземъ на поганыя погыбе,
рекоста бо братъ брату:
«Се мое, а то мое же».
И начяша князи про малое
«се великое» млъвити,
а сами на себѣ крамолу ковати.
А погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами
на землю Рускую.

О, далече зайде соколъ, птиць бья,— къ морю!
А Игорева храбраго плъку не крьсити!
За нимъ кликну Карна,
и Жля поскочи по Руской земли,
смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ.
Жены руския въсплакашась, аркучи:
«Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
ни мыслию смыслити,
ни думою сдумати,
ни очима съглядати,
а злата и сребра ни мало того потрепати».

А въстона бо, братие, Киевъ тугою,
а Черниговъ напастьми.
Тоска разлияся по Руской земли;
печаль жирна тече средь земли Рускыи.
А князи сами на себе крамолу коваху,
а погании сами,
побѣдами нарищуще на Рускую землю,
емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича,—
Игорь и Всеволодъ —
уже лжу убудиста которою,
ту бяше успилъ отецъ ихъ —
Святъславь грозный великый киевскый—
грозою:
бяшеть притрепалъ своими сильными плъкы
и харалужными мечи,

наступи на землю Половецкую,
притопта хлъми и яругы,
взмути рѣкы и озеры,
иссуши потокы и болота.
А поганаго Кобяка изъ луку моря,
отъ желѣзныхъ великыхъ плъковъ половецкыхъ,
яко вихръ, выторже:
и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ,
въ гридницѣ Святъславли.
Ту нѣмци и венедици,
ту греци и морава
поютъ славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жиръ во днѣ Каялы — рѣкы половецкыя,—
рускаго злата насыпаша.
Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата,
а въ сѣдло кощиево.
Уныша бо градомъ забралы,
а веселие пониче.

А Святъславь мутенъ сонъ видѣ
въ Киевѣ на горахъ.
«Си ночь съ вечера одѣвахуть мя,— рече,—
чръною паполомою
на кроваты тисовѣ;
чръпахуть ми синее вино,
съ трудомъ смѣшено;
сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ
великый женчюгь на лоно
и нѣгуютъ мя.
Уже дьскы безъ кнѣса
в моемъ теремѣ златовръсѣмъ.
Всю нощь съ вечера
бусови врани възграяху у Плѣсньска,
на болони бѣша дебрь Кияня
и несошася къ синему морю».
И ркоша бояре князю:
«Уже, княже, туга умь полонила;
се бо два сокола слѣтѣста
съ отня стола злата
поискати града Тьмутороканя,
а любо испити шеломомь Дону.

Уже соколома крильца припѣшали
поганыхъ саблями,
а самаю опуташа
въ путины желѣзны».

Темно бо бѣ въ 3 день:
два солнца помѣркоста,
оба багряная стлъпа погасоста,
и съ нима молодая мѣсяца —
Олегъ и Святъславъ —
тъмою ся поволокоста
и въ морѣ погрузиста,
и великое буйство подаста хинови.
На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла —
по Руской земли прострошася половци,
акы пардуже гнѣздо.
Уже снесеся хула на хвалу;
уже тресну нужда на волю;
уже връжеса дивь на землю.
Се бо готьскыя красныя дѣвы
въспѣша на брезѣ синему морю:
звоня рускымъ златомъ,
поютъ время Бусово,
лелѣютъ месть Шароканю.
А мы уже, дружина, жадни веселия!
Тогда великый Святъславъ
изрони злато слово
с слезами смѣшено
и рече:
«О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала Половецкую землю
мечи цвѣлити,
а себѣ славы искати.

Нъ нечестно одолѣсте,
нечестно бо кровь поганую пролиясте.
Ваю храбрая сердца
въ жестоцемъ харалузѣ скована
а въ буести закалена.
Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ?
А уже не вижду власти
сильнаго,
и богатаго,
и многовоя
брата моего Ярослава,
съ черниговьскими былями,
съ могуты,
и съ татраны,
и съ шельбиры,
и съ топчакы,
и съ ревугы,
и съ ольберы.
Тии бо бес щитовь, съ засапожникы
кликомъ плъкы побѣждаютъ,
звонячи въ прадѣднюю славу.
Нъ рекосте: «Мужаимѣся сами:
преднюю славу сами похитимъ,
а заднюю си сами подѣлимъ!»
А чи диво ся, братие, стару помолодити?
Коли соколъ въ мытехъ бываетъ,
высоко птицъ възбиваетъ;
не дастъ гнѣзда своего въ обиду.
Нъ се зло — княже ми непособие:
наниче ся годины обратиша.
Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми,
а Володимиръ подъ ранами.
Туга и тоска сыну Глѣбову!»

Великый княже Всеволоде!
Не мыслию ти прелетѣти издалеча
отня злата стола поблюсти?
Ты бо можеши Волгу веслы раскропити,
а Донъ шеломы выльяти!
Аже бы ты былъ,
то была бы чага по ногатѣ,
а кощей по резанѣ.
Ты бо можеши посуху
живыми шереширы стрѣляти —
удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!
Не ваю ли вои
злачеными шеломы по крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дружина
рыкаютъ, акы тури,
ранены саблями калеными
на полѣ незнаемѣ?
Вступита, господина, въ злата стремень
за обиду сего времени,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!
Высоко сѣдиши
на своемъ златокованнѣмъ столѣ,
подперъ горы Угорскыи
своими желѣзными плъки,

заступивъ королеви путь,
затворивъ Дунаю ворота,
меча бремены чрезъ облакы,
суды рядя до Дуная.
Грозы твоя по землямъ текутъ,
отворяеши Киеву врата,
стрѣляеши съ отня злата стола
салътани за землями.
Стрѣляй, господине, Кончака,
поганого кощея,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе!
Храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дѣло.
Высоко плаваеши на дѣло въ буести,
яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся,
хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.
Суть бо у ваю желѣзныи паворозы
подъ шеломы латиньскыми.
Тѣми тресну земля,
и многы страны —
Хинова,
Литва,
Ятвязи,
Деремела,
и половци сулици своя поврьгоша,
а главы своя подклониша
подъ тыи мечи харалужныи.

Нъ уже, княже Игорю,
утръпѣ солнцю свѣтъ,
а древо не бологомъ листвие срони:
по Рси и по Сули гради подѣлиша.
А Игорева храбраго плъку не крѣсити!
Донъ ти, княже, кличетъ
и зоветь князи на побѣду.
Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань...

Инъгварь и Всеволодъ,
и вси три Мстиславичи,
не худа гнѣзда шестокрилци!
Не побѣдными жребии
собѣ власти расхытисте!
Кое ваши златыи шеломы
и сулицы ляцкыи
и щиты?
Загородите полю ворота
своими острыми стрѣлами
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями
къ граду Переяславлю,
и Двина болотомъ течетъ
онымъ грознымъ полочаномъ
подъ кликомъ поганыхъ.
Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,

позвони своими острыми мечи
о шеломы литовьскыя,
притрепа славу дѣду своему Всеславу,
а самъ подъ чрълеными щиты
на кровавѣ травѣ
притрепанъ литовскыми мечи
и с хотию на кров,
а тъи рекъ:
«Дружину твою, княже,
птиць крилы приодѣ,
а звѣри кровь полизаша».
Не бысть ту брата Брячяслава,
ни другаго — Всеволода.
Единъ же изрони жемчюжну душу
изъ храбра тѣла
чресъ злато ожерелие.
Уныли голоси,
пониче веселие,
трубы трубятъ городеньскии!

Ярославли вси внуце и Всеславли!
Уже понизите стязи свои,
вонзите свои мечи вережени.
Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.
Вы бо своими крамолами
начясте наводити поганыя
на землю Рускую,
на жизнь Всеславлю.
Которою бо бѣше насилие
отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни
връже Всеславъ жребий
о дѣвицю себѣ любу.
Тъй клюками подпръ ся о кони
и скочи къ граду Кыеву
и дотчеся стружиемъ
злата стола киевьскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
въ плъночи изъ Бѣлаграда,
объсися синѣ мьглѣ утръже вазни,
с три кусы отвори врата Новуграду,
разшибе славу Ярославу,
скочи влъкомъ
до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами,
молотятъ чепи харалужными,
на тоцѣ животъ кладутъ,
вѣютъ душу отъ тѣла.
Немизѣ кровави брезѣ
не бологомъ бяхуть посѣяни —
посѣяни костьми рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше,
княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше:
изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя,
великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше.
Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано
у Святыя Софеи въ колоколы,

а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.
Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ,
нъ часто бѣды страдаше.
Тому вѣщей Боянъ
и пръвое припѣвку, смысленый, рече:
«Ни хытру,
ни горазду,
ни птицю горазду
суда божиа не минути».

О, стонати Руской земли,
помянувше пръвую годину
и пръвыхъ князей!
Того стараго Владимира
нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевьскымъ:
сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,
а друзии — Давидовы,
нъ розно ся имъ хоботы пашутъ.
Копиа поютъ!

На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ,
зегзицею незнаема рано кычеть:
«Полечю,— рече,— зегзицею по Дунаеви,
омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
утру князю кровавыя его раны
на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ
въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:
«О вѣтрѣ, вѣтрило!
Чему, господине, насильно вѣеши?
Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы
на своею нетрудною крилцю
на моея лады вои?
Мало ли ти бяшетъ горѣ подъ облакы вѣяти,
лелѣючи корабли на синѣ морѣ?
Чему, господине, мое веселие
по ковылию развѣя?»

Ярославна рано плачеть
Путивлю городу на забороле, аркучи:
«О Днепре Словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
сквозѣ землю Половецкую.

Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады
до плъку Кобякова.
Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ,
а быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано».

Ярославна рано плачетъ
въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:
«Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!
Всѣмъ тепло и красно еси:
чему, господине, простре горячюю свою лучю
на ладѣ вои?
Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже,
тугою имъ тули затче?»

Прысну море полунощи,
идутъ сморци мьглами.
Игореви князю богъ путь кажетъ
изъ земли Половецкой
на землю Рускую,
къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зори.
Игорь спитъ,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслию поля мѣритъ
отъ великаго Дону до малаго Донца.

Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою:
велить князю разумѣти:
князю Игорю не быть!
Кликну,
стукну земля,
въшумѣ трава,
вежи ся половецкии подвизашася.
А Игорь князь поскочи
горнастаемъ къ тростию
и бѣлымъ гоголемъ на воду.
Въвръжеся на бързъ комонь
и скочи съ него бусымъ влъкомъ.
И потече къ лугу Донца,
и полетѣ соколомъ подъ мьглами,
избивая гуси и лебеди
завтроку,
и обѣду,
и ужинѣ.
Коли Игорь соколомъ полетѣ,
тогда Влуръ влъкомъ потече,
труся собою студеную росу:
претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече:
«Княже Игорю!
Не мало ти величия,
а Кончаку нелюбия,
а Руской земли веселиа».
Игорь рече:
«О Донче!
не мало ти величия,
лелѣявшу князя на влънахъ,

стлавшу ему зелѣну траву
на своихъ сребреныхъ брезѣхъ,
одѣвавшу его теплыми мъглами
подъ сѣнию зелену древу;
стрежаше его гоголемъ на водѣ,
чайцами на струяхъ,
чрьнядьми на ветрѣхъ».
Не тако ти, рече, рѣка Стугна:
худу струю имѣя,
пожръши чужи ручьи и стругы,
рострена къ устью,
уношу князю Ростиславу затвори.
Днѣпрь темнѣ березѣ
плачется мати Ростиславля
по уноши князи Ростиславѣ.
Уныша цвѣты жалобою,
и древо с тугою къ земли прѣклонилось.

А не сорокы втроскоташа —
на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.
Тогда врани не граахуть,
галици помлъкоша;
сорокы не троскоташа,
полозие ползаша только.
Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ,
соловии веселыми пѣсньми
свѣтъ повѣдаютъ.

Млъвитъ Гзакъ Кончакови:
«Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,

соколича ростръляевъ
        своими злачеными стрълами».
Рече Кончакъ ко Гзъ:
«Аже соколъ къ гнъзду летитъ,
а въ соколца опутаевъ
        красною дъвицею».

И рече Гзакъ къ Кончакови:
«Аще его опутаевъ красною дъвицею,
ни нама будетъ сокольца,
ни нама красны дъвице,
то почнутъ наю птици бити
        въ полъ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и Ходына,
Святъславля пъснотворца
        стараго времени Ярославля,
        Ольгова коганя хоти:
«Тяжко ти головы кромъ плечю,
зло ти тълу кромъ головы»—
Руской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтится на небесѣ,—
Игорь князь въ Руской земли;
дѣвици поютъ на Дунаи,—
вьются голоси чрезъ море до Киева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву
къ святѣй богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пѣти:

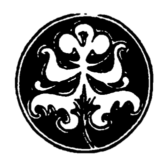
«Слава Игорю Святъславличю,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны
на поганыя плъки!

Княземъ слава а дружинѣ!
Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Пусть начнется же песнь эта
по былинам нашего времени,
а не по замышлению Бояна.
Боян же вещий,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.
Помнил он, как говорил,
первых времен усобицы.
Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей:
какую лебедь настигали,
та первой и пела песнь —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Редедю пред полками касожскими,
красному Роману Святославичу.
Боян же, братья, не десять соколов
на стадо лебедей напускал,

но свои вещие персты
на живые струны воскладал;
они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и поострил сердце свое мужеством;
исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце
и увидел воинов своих
тьмою прикрытых.
И сказал Игорь
дружине своей:
«О дружина моя и братья!
Лучше ведь убитым быть,
чем плененным быть;
сядем же, братья,
на борзых коней
да посмотрим
синий Дон».
Ум князя уступил
желанию,
и охота отведать Дон великий
заслонила ему предзнаменование.

«Хочу,— сказал,— копье преломить
на границе поля Половецкого;
с вами, русичи, хочу либо голову свою сложить,
либо шлемом испить из Дону».

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по мысленному дереву,
летая умом по подоблачью,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыща по тропе Трояна
через поля на горы.
Так бы пришлось внуку Велеса
воспеть песнь Игорю:
«Не буря соколов занесла
через поля широкие —
стаи галок летят
к Дону великому».
Или так бы начать тебе петь,
вещий Боян,
Велесов внук:
«Кони ржут за Сулой —
звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде —
стоят стяги в Путивле!»

Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй тур Всеволод:
«Один брат,
один свет светлый —
ты, Игорь!
Оба мы — Святославичи!
Седлай же, брат,
своих борзы́х коней,
а мои-то готовы,
оседланы у Курска еще раньше.
А мои-то куряне — опытны́е воины:
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли изо́стрены;
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в златое стремя
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало;
ночь стонами грозы птиц пробудила;
свист звериный встал,
встрепенулся див —
кличет на вершине дерева,
велит прислушаться — земле незнаемой,
Волге,
и Поморью,
и Посулью,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский идол!
И половцы непроложенными дорогами
побежали к Дону великому:
кричат телеги в полуночи,
словно лебеди преследуемые.

А Игорь к Дону воинов ведет!

Уже несчастий его подстерегают птицы
по дубравам;
волки грозу подымают
по оврагам;
орлы клектом на кости зверей зовут;
лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет.
Заря свет уронила,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный уснул,
говор галок пробудился.
Русичи великие поля червлеными щитами перегородили,
ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу
потоптали они поганые полки половецкие
и, разлетевшись стрелами по полю,
помчали красных девушек половецких,
а с ними золото,
и пáволоки,
и дорогие оксамúты.
Покрывалами,
и плащами,
и кожухами
стали мосты мостить по болотам
и по топким местам,
и всякими узорочьями половецкими.
Червлен стяг,
белая хоругвь,
червлена чёлка,
серебряно древко —
храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.
Далеко залетело!

Не было оно в обиду порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, черный ворон,
поганый половчине!
Гзак бежит серым волком,
а Кончак ему путь указывает к Дону великому.

На другой день спозаранок
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому,
пойти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям изломиться,
тут саблям побиться
о шлемы половецкие
на реке на Каяле,
у Дона великого!

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.
Земля гудит,
реки мутно текут,
пыль поля прикрывает,

стяги говорят:
половцы идут от Дона,
и от моря,
и со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Ярый тур Всеволод!
Стоишь ты на обороне,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шлемы мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
своим златым шлемом посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие.
Рассечены саблями калеными шлемы аварские
тобою, ярый тур Всеволод!
Какой раны, братья, побоится тот, кто забыл честь, и богатство,
и города Чернигова отцов золотой стол,
и своей милой, желанной прекрасной Глебовны
свычаи и обычаи?

Были века Трояна,
минули годы Ярославовы;
были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.
Вступает в златое стремя в граде Тмуторокане,
а звон тот уже слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволода, Владимир,
каждое утро уши закладывал в Чернигове.

Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела
и на Канину зеленое погребальное покрывало постлала
храброму и молодому князю
за обиду Олега.
С той же Каялы Святополк полелеял отца своего
между венгерскими иноходцами
ко святой Софии к Киеву.
Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалось и прорастало усобицами,
погибало достояние Даждьбожа внука;
в княжеских крамолах сокращались жизни людские.
Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны грáяли,
трупы между собой деля,
а галки свою речь говорили,
собираясь полететь на добычу.

То было в те рати и в те походы,
а такой рати не слыхано!
С раннего утра до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шлемы,
трещат копья булатные
в поле незнаемом,
среди земли Половецкой.
Чернá земля под копытами костьми была засеяна
и кровью полита:
горем взошли они по Русской земле.

Что мне шумит,
что мне звенит —
 в дали рано до зари?
Игорь полки заворачивает,
ибо жаль ему мила брата Всеволода.
Билися день,
билися другой;
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на бреге быстрой Каялы;
тут кровавого вина недостало;
тут пир закончили храбрые русичи:
сватов напоили, а сами полегли
 за землю Русскую.
Никнет трава от жалости,
а дерево с тоскою к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало,
уже пустыня войско прикрыла.
Встала обида в войсках Даждьбожьего внука,
вступила девою на землю Трояню,
восплескала лебедиными крылами
 на синем море у Дона;
плеща, прогнала времена изобилия.
Борьба князей против поганых прекратилась,
ибо сказал брат брату:
 «Это мое, и то мое же».
И стали князья про малое
 «это великое» говорить
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон приходили с победами
 на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц побивая, — к морю!
Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнула Ка́рна,
и Жё́ля поскакала по Русской земле,
огонь мыкая в пламенном роге.
Жены русские восплакались, приговаривая:
«Уже нам своих милых лад
ни мыслию не смыслить,
ни думою не сдумать,
ни глазами не повидать,
а злата и сребра совсем не погладить».

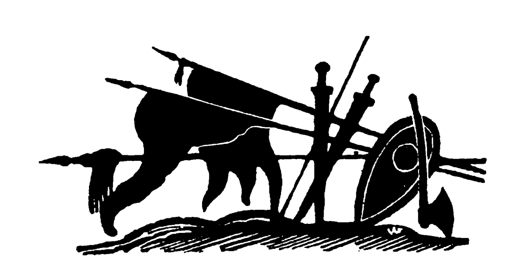
И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от напастей.
Тоска разлилась по Русской земле;
печаль обильная потекла посреди земли Русской.
А князи сами на себя крамолу ковали,
а поганые,
с победами нарыскивая на Русскую землю,
сами брали дань по белке от двора.

Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже коварство пробудили раздором,
а его усыпил было отец их —
Святослав грозный великий киевский —
грозою:
прибил своими сильными полками
и булатными мечами,

наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота.
А поганого Кобяка от лукоморья,
из железных великих полков половецких,
как вихрь исторг:
и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовой.
Тут немцы и венецианцы,
тут греки и моравы
поют славу Святославу,
корят князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы — реки половецкой,—
просыпав русского злата.
Тут Игорь-князь пересел из седла злата
в седло рабское.
Приуныли у городов забралы,
а веселие поникло.

А Святослав смутный сон видел
в Киеве на горах.
«Этой ночью с вечера одевают меня,— говорит,—
черным покрывалом
на кровати тисовой;
черпают мне синее вино,
с горем смешанное;
сыплют мне из пустых колчанов поганых иноземцев
крупный жемчуг на грудь
и нежат меня.
Уже доски без князька
в моем тереме златоверхом.
Всю ночь с вечера
серые вороны каркают у Плесеньска,
в предградье стоял лес Кияни,
понесли меня вороны к синему морю».
И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе ум полонило;
это ведь два сокола слетели
с отчего престола злата
добыть града Тмутороканя,
а либо испить шлемом Дона.

Уже соколам крыльца подсекли
сабли поганых,
а самих опутали
в путы железные».

Темно было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столба погасли,
и с ними два молодых месяца —
Олег и Святослав —
тьмою заволоклись
и в море погрузились,
и великую смелость возбудили в хиновах.
На реке на Каяле тьма свет покрыла —
по Русской земле простерлись половцы,
точно выводок гепардов.
Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился див на землю.
И вот готские красные девы
запели на берегу синего моря:
звеня русским золотом,
воспевают время Бусово,
лелеют месть за Шарукана.
А мы уже, дружина, лишились веселья!
Тогда великий Святослав
изронил злато слово,
со слезами смешано,
и сказал:
«О мои дети, Игорь и Всеволод!
Рано начали вы Половецкой земле
мечами обиду творить,
а себе славы искать.

Но не с честью вы одолели,
не с честью кровь поганую пролили.
Ваши храбрые сердца
из крепкого булата скованы
и в смелости закалены.
Что же сотворили вы моей серебряной седине?
Уже не вижу власти
сильного,
и богатого,
и обильного воинами
брата моего Ярослава,
с черниговскими боярами,
с воеводами,
и с татранами,
и с шельбирами,
и с топчаками,
и с ревугами,
и с ольберами.
Те ведь без щитов, с засапожными ножами
кликом полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу.
Но сказали вы: «Помужествуем сами:
прошлую славу себе похитим,
а будущую сами поделим!»
А разве дивно, братья, старому помолодеть?
Когда сокол линяет,
высоко птиц взбивает:
не даст гнезда своего в обиду.
Но вот зло — князья мне не помогают:
худо времена обернулись.
Вот у Римова кричат под саблями половецкими,
а Владимир под ранами.
Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод!
Неужели и мысленно тебе не прилететь издалека
отчий златой стол поблюсти?
Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать,
а Дон шлемами вычерпать!
Если бы ты был здесь,
  то была бы раба по ногáте,
  а раб по рéзани.
Ты ведь можешь посуху
  живые копья метать —
  удалых сыновей Глебовых.

Ты, буйный Рюрик, и Давыд!
Не ваши ли воины
  злачеными шлемами по крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина
  рыкает, как туры,
  раненные саблями калеными
  на пóле незнаемом?
Вступите же, господа, в златые стремена
  за обиду сего времени,
  за землю Русскую,
  за раны Игоревы,
    буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты
  на своем златокованом престоле,
подпер горы Венгерские
  своими железными полками,

заступив королю путь,
затворив Дунаю ворота,
меча тяжести через облака,
суды творя до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
отворяешь Киеву врата,
стреляешь с отчего златого престола
салтанов за землями.
Стреляй же, господин, в Кончака,
поганого раба,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг.
Высоко взмываешь на подвиг в отваге,
точно сокол на ветрах паря,
стремясь птицу храбро одолеть.
Есть ведь у вас железные подвязи
под шлемами латинскими.
От них дрогнула земля,
и многие страны —
Хйнова,
Литва,
Ятвя́ги,
Деремéла,
и половцы копья свои повергли,
а головы свои подклонили
под те мечи булатные.

Но уже, о князь Игорь,
померк солнца свет,
а дерево не к добру листву сронило:
по Рóси и по Сулé города поделили.
А Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет
и зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князья, подоспели на брань...

Ингварь и Всеволод,
и все три Мстиславича,
не худого гнезда соколы!
Не по праву побед
расхитили вы себе владения!
Где же ваши златые шлемы
и копья польские
и щиты?
Загородите полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями
для града Переяславля,
и Двина болотом течет
для тех грозных полочан
под кликом поганых.
Один только Изяслав, сын Васильков,

позвенел своими острыми мечами
о шлемы литовские,
прибил славу деда своего Всеслава,
а сам под червлеными щитами
на кровавой траве
был прибит литовскими мечами
на кровь со своим любимцем-песнотворцем,
а тот и изрёк:
«Дружину твою, князь,
крылья птиц приодели,
а звери кровь полизали».
Не было тут брата Брячислава,
ни другого — Всеволода.
Так в одиночестве изронил он жемчужную душу
из храброго тела
через златое ожерелье.
Приуныли голоса,
поникло веселие,
трубы трубят городенские!

Ярослава все внуки и Всеслава!
Склоните стяги свои,
вложите в ножны свои мечи поврежденные,
ибо лишились вы славы дедов.
Вы ведь своими крамолами
начали наводить поганых
на землю Русскую,
на богатства Всеслава.
Из-за усобицы ведь настало насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна
кинул Всеслав жребий
　　　　о девице ему милой.
Он хитростями оперся на коней
и скакнул к граду Киеву
и коснулся древком
　　　　злата престола киевского.
Скакнул от них лютым зверем
　　　　в полночь из Белгорода,
объятый синей мглой, добыл он счастье,
с трех попыток отворил ворота Новгорода,
расшиб славу Ярославу,
скакнул волком
　　　　до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют головами,
молотят цепами булатными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.
У Немиги кровавые берега
　　　　не добром были посеяны —
　　　　посеяны костьми русских сынов.

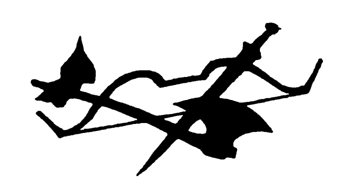
Всеслав-князь людям суд правил,
князьям города рядил,
а сам в ночи волком рыскал:
из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя,
великому Хорсу волком путь перерыскивал.
Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано
　　　　у святой Софии в колокола,

а он в Киеве звон тот слышал.
Хоть и вещая душа у него в храбром теле,
но часто от бед страдал.
Ему вещий Боян
давно припевку, разумный, сказал:
«Ни хитрому,
ни умелому,
ни птице умелой
суда божьего не миновать».

О, стонать Русской земле,
вспоминая первые времена
и первых князей!
Того старого Владимира
нельзя было пригвоздить к горам киевским:
теперь же встали стяги Рюриковы,
а другие — Давыдовы,
но врозь у них полотнища развеваются.
Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушкою безвестною рано кукует:
«Полечу,— говорит,— кукушкою по Дунаю,
омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«О ветер, ветрило!
Зачем, господин, веешь ты навстречу?
Зачем мчишь хиновские стрелочки
на своих легких крыльицах
на воинов моего милого?
Разве мало тебе было под облаками веять,
лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселье
по ковылю ты развеял?»

Ярославна рано плачет
в Путивле-городе на забрале, приговаривая:
«О Днепр Словутич!
Ты пробил каменные горы
сквозь землю Половецкую.

Ты лелеял на себе Святославовы насады
до стана Кобякова.
Прилелей же, господин, моего милого ко мне,
чтобы не слала я к нему слез
на море рано».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«Светлое и трижды светлое солнце!
Всем ты тепло и прекрасно:
зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи
на воинов моего лады?
В поле безводном жаждою им луки скрутило,
горем им колчаны заткнуло?»

Прыснуло море в полуночи,
идут смерчи тучами.
Игорю-князю бог путь указывает
из земли Половецкой
в землю Русскую,
к отчему златому столу.

Погасли вечером зори.
Игорь спит,
Игорь бдит,
Игорь мыслью поля мерит
от великого Дона до малого Донца.

Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
велит князю разуметь:
князю Игорю не быть в плену!
Кликнула,
стукнула земля,
зашумела трава,
вежи половецкие всколыхнулись.
А Игорь-князь поскакал
горностаем к тростнику
и белым гоголем на воду.
Вскочил на борзого коня
и соскочил с него серым волком.
И побежал к излучине Донца,
и полетел соколом под облаками,
избивая гусей и лебедей
к завтраку,
и обеду,
и ужину.
Коли Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
стряхивая собою студеную росу:
оба ведь надорвали своих борзых коней.

Донец говорит:
«О князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле веселия».
Игорь говорит:
«О Донец!
Немало тебе величия,
что лелеял князя на волнах,

постилал ему зеленую траву
на своих серебряных берегах,
одевал его теплыми туманами
под сенью зеленого дерева;
ты стерег его гоголем на воде,
чайками на струях,
чéрнядями на ветрах».
Не такова-то, говорит он, река Стугна:
скудную струю имея,
поглотив чужие ручьи и потоки,
расширенная к устью,
юношу князя Ростислава заключила.
На темном берегу Днепра
плачет мать Ростислава
по юноше князе Ростиславе.
Уныли цветы от жалости,
и дерево с тоской к земле приклонилось.

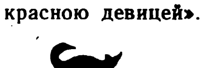

То не сороки застрекотали —
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не граяли,
галки примолкли,
сороки не стрекотали,
только полозы ползали.
Дятлы стуком путь кажут к реке
да соловьи веселыми песнями
рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит,

расстреляем соколенка
своими злачеными стрелами».
Говорит Кончак Гзаку:
«Если сокол к гнезду летит,
То опутаем мы соколенка
красною девицей».

И сказал Гзак Кончаку:
«Если его опутаем красной девицей,
не будет у нас ни соколенка,
ни красной девицы,
и станут нас птицы бить
в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына,
Святославовы песнотворцы
старого времени Ярослава,
Олега-князя любимцы:
«Тяжко голове без плеч,
беда телу без головы» —
так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе, —
а Игорь-князь в Русской земле;
девицы поют на Дунае,—
вьются голоса их через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
ко святой богородице Пирогощей.
Села рады, грады веселы.

Певши песнь старым князьям,
потом и молодым петь:

«Слава Игорю Святославичу,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здравы будьте, князья и дружина,
борясь за христиан
против нашествий поганых!

Князьям слава и дружине!
Амин**ь**.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ
•СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ•

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

«Слово о полку Игореве» замечательно не только само по себе как великий памятник человеческого гения, созданный в XII столетии, но и той ролью, которую сыграло оно в истории развития русской литературы. Мы не знаем, как и где было впервые прочитано это произведение его автором: возможно — на княжеском пиру, может быть — перед каким-нибудь собранием народа. Все это лишь предположения. В последующие годы оно переписывалось древнерусскими книжниками, но, видимо, редко, так как сохранился лишь один список «Слова» XVI в., который к тому же погиб в московском пожаре 1812 г. Но памятник этот был известен в Древней Руси, так как он нашел некоторое отражение в письменности того времени.

По отдельным фразам, отдельным оборотам некоторых произведений древнерусской литературы мы можем догадываться, что «Слово» было известно их авторам. Однако непосредственных свидетельств обращения писателей русского средневековья к «Слову о полку Игореве» сохранилось очень мало, но все же они есть, и они бесспорны.

В 1237 г. на Русь обрушились монголо-татарские полчища, предводительствуемые ханом Батыем. Либо в этом же году, либо в конце 30-х — начале 40-х годов XIII в. было

создано, посвященное нашествию Батыя, «Слово о погибели Русской земли». До нас дошел отрывок «Слова о погибели» — самое начало произведения, в котором автор восхищается красотой и величием Русской земли, грозными и великими правителями ее. По поэтической структуре и в идейном отношении это произведение близко «Слову о полку Игореве». Для обоих произведений характерен высокий патриотизм, публицистическая заостренность, гиперболизация силы и воинской доблести князя-воина, лирическое восприятие природы, ритмический строй текста, сочетание плача и похвалы. В обоих произведениях встречаются сходные стилистические формулы, совпадают некоторые выражения. Фразе «Слова о полку Игореве» «От старого Владимира до нынѣшняго Игоря» параллельна фраза «Слова о погибели» — «От великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшнего Ярослава»[1]. И хотя автор «Слова о погибели» не делал непосредственных выписок из текста своего гениального предшественника, мы имеем достаточно веские основания считать, что «Слово о полку Игореве» он знал.

В 1307 г. писец псковского Пантелеймонова монастыря Домид, закончив переписывание церковной книги «Апостол», в конце ее приписал от себя такую фразу, имея в виду княжеские раздоры этого года: «В лето 6315 (1307)... Сего же лета бысть бой на Русской земли: Михаил с Юрьем о княженье Новгородьское. При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша в князех которы, и веци скоротишася человеком». Домид по-своему передал фразу «Слова»: «Тогда, при Олзѣ Гориславличи, сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука; въ княжихъ

[1] Сходные места между обоими памятниками рассмотрены в статье А. В. Соловьева «Заметки к «Слову о погибели Русской земли».— «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XV. М.—Л., 1958, с. 109—113.

крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась». Запись Домида замечательна не только тем, что она документально подтверждает древность и подлинность «Слова о полку Игореве», но и тем, что она свидетельствует о восприятии этого памятника XII в. в начале XIV столетия, как призыва к князьям прекратить междоусобицы. Пафос и основной идейный смысл «Слова» был хорошо понятен и во время его создания и позже. Об этом же говорит и непосредственно связанное со «Словом о полку Игореве» произведение древнерусской литературы — «Задонщина».

В 1380 г. произошла знаменитая Куликовская битва: объединенные силы русских княжеств, во главе которых стоял великий князь московский Дмитрий Иванович, разгромили большую армию ордынцев, которую вел на Русскую землю Мамай. После полуторавекового монголо-татарского владычества Мамаево побоище явилось первой большой победой русских сил в полевом бою. Куликовская битва произвела огромное впечатление на современников, о чем красноречивее всего свидетельствует интерес к этому событию древнерусских книжников: ему было посвящено несколько литературных произведений. На первом месте среди них, и по времени возникновения, и по поэтическим достоинствам, стоит «Задонщина», которая от начала и до конца перекликается со «Словом о полку Игореве».

Призыв автора «Слова» к русским князьям забыть внутренние раздоры и объединиться для борьбы с иноземными захватчиками прозвучал, как писал К. Маркс,— «как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ»[1]. Этот основной смысл «Слова о полку Игореве» тонко и точно почувствовал и осознал автор «Задонщины». Он увидел в поражении Игоря Новгород-Северского и в распрях русских князей, столь страстно осуждаемых автором «Слова», предвестие тех бед, которые

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29, с. 16.

привели к установлению на Руси монголо-татарского ига. Со времен Каялы, на которой потерпел поражение Игорь, и Калки, где произошло первое столкновение с монголо-татарскими войсками, Русская земля, говорит автор «Задонщины», «сидит невесела... тугою и печалию покрышася». И конец «туге и печали», продолжавшейся полтора века, положила победа Дмитрия Донского над Мамаем. Автор «Задонщины» обратился к «Слову» потому, что в этой победе он увидел осуществление на деле призыва своего гениального предшественника: объединившись, князья смогли нанести сокрушительное поражение врагам Русской земли.

Автор поэтического повествования о Куликовской битве не просто повторяет понравившиеся ему места памятника XII столетия, потому что у него не было своих слов для рассказа о победе Дмитрия Донского. Теми словами, которыми в произведении, посвященном походу Игоря, рассказывалось о бедах Руси, в «Задонщине» описываются беды ее врагов, а те образы, которые там характеризовали торжество половцев, здесь соотнесены с русскими. Текст «Задонщины», таким образом, приобретал двойной смысл: он повторял «Слово о полку Игореве», но содержание его было прямо противоположно содержанию источника: там — поражение русского князя, здесь— победа. Это объединяло оба памятника и противопоставляло их друг другу.

Автор «Задонщины», как пишет Д. С. Лихачев, взяв за образец для своего произведения «Слово о полку Игореве», имел в виду «вполне сознательное сопоставление событий прошлого и настоящего, событий, изображенных в «Слове о полку Игореве», с событиями современной ему действительности. И те и другие символически противопоставлены в «Задонщине»[1]. Такое символическое противопоставление подчеркива-

[1] Д. С. Лихачев. Национальное самосознание Древней Руси. М.— Л., 1945, с. 76.

ло, что Куликовская битва не частный эпизод во взаимоотношениях Руси с Ордой, а великое событие в ее многовековой истории, переломный этап в исторической судьбе страны.

Наиболее популярный и широко распространенный памятник Куликовского цикла — «Сказание о Мамаевом побоище» (до нас дошли многочисленные редакции и варианты этого произведения в списках с XVI по XIX в. включительно). В некоторых случаях можно предполагать, что отдельные его редакторы и переписчики знали «Слово о полку Игореве». Но бесспорными и для авторского текста «Сказания», и для последующих редакций произведения являются вставки из «Задонщины». И в этих вставках, в отдельных редакциях очень многочисленных и обширных (сама «Задонщина» дошла до нас в небольшом числе списков), «Слово о полку Игореве» в отраженном виде продолжало свою литературную жизнь с конца XIV по XVIII в. включительно.

* * *

Известный собиратель русских древностей граф А. И. Мусин-Пушкин в конце 80-х — начале 90-х гг. XVIII в. приобрел рукопись со «Словом о полку Игореве». Произведение это обратило на себя его внимание, но издавать памятник он не торопился, однако и секрета из своей находки он не делал. Уже в начале 90-х гг. по его поручению для императрицы Екатерины II была снята копия с древнерусского текста памятника. Древнерусский текст А. И. Мусин-Пушкин сопроводил своим переводом на современный русский язык. Но не только императрица была удостоена чести познакомиться со «Словом» до публикации. Находка А. И. Мусина-Пушкина и его первоначальный перевод были известны и более широкому кругу лиц. До нас дошел в трех списках XVIII в. перевод «Слова», в основе которого лежит первоначальный, мусин-пушкинский, перевод. За три года до выхода в свет первого издания, в 1797 г., в гамбургском журнале «Spectateur du Nord» была

напечатана небольшая корреспонденция Н. М. Карамзина о находке рукописи «Слова». В самом начале того же 1797 г. поэт М. М. Херасков во втором издании своей поэмы «Владимир» сообщил о «Слове», а в самом тексте, в лирическом отступлении, упомянул Бояна:

О древних лет певец, полночный Оссиян!
В развалинах веков погребшийся Боян!
Тебя нам возвестил незнаемый Писатель,
Когда он был твоих напевов подражатель.

Так еще до выхода в свет первого издания «Слова о полку Игореве» появляется поэтический отклик на этот памятник древнерусской литературы.

В 1800 г. А. И. Мусин-Пушкин, в содружестве с Н. Н. Бантышом-Каменским и А. Ф. Малиновским, издает «Слово о полку Игореве», публикуя параллельно с древнерусским текстом перевод его на современный русский язык и сопровождая издание краткими комментариями. Это было великое событие, ибо со времени выхода в свет первого издания начинается вторая литературная жизнь памятника XII в.: «Слово о полку Игореве» становится неотъемлемой частью русской культуры и литературы XIX—XX вв.

В 1803 г. был издан первый стихотворный перевод «Слова» И. Серякова. С тех пор и до наших дней сосуществуют прозаические и стихотворные переводы памятника. В самом начале XIX в., касаясь вопроса — стихами или прозой написано «Слово», А. Х. Востоков писал, что нельзя отрицать возможности какого-то определенного стихотворного размера в его построении, но, продолжал он, даже если этот размер «и сохранился до нас через столько веков в настоящем своем виде (что уже весьма сомнительно)», то и в этом случае «мы при всем том не только судить об нем, ни даже примерить его теперь не могли бы, за его древностью, ибо через 600 лет, верно, сколько-нибудь переменилась и прозодия языка русского. И по-

тому «Слово о полку Игореве» не может иметь никакого отношения к позднейшему русскому стихотворству и размеру»[1]. Немало вышло с тех пор работ, в которых рассматривался вопрос — стихами или прозой написано это произведение ранней русской литературы. Была предпринята попытка представить его текст в том виде, в каком он мог звучать в XII столетии[2]. И все же, единственное, что мы можем сказать с большей или меньшей уверенностью, это то, что в «Слове» есть определенный ритмический строй, что в отдельных случаях встречается и рифма, но определить, есть ли в этом какая-то задуманная автором система, мы не в состоянии. Видимо, наиболее близкой к авторскому тексту формой перевода «Слова» на современный русский язык является ритмическая проза. Но столь же закономерны и правомочны стихотворные переводы, что объясняется высокой внутренней поэтичностью произведения, краткостью текста, вмещающего огромное содержание. Не случайно первое издание «Слова», в котором перевод был прозаическим, называлось: «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича...»

Вслед за переводом И. Серякова появились стихотворные переложения «Слова» А. Палицына (1808), Н. Язвицкого (1812), И. Левитского (1813). Однако в отношении поэтических достоинств прозаический перевод-пересказ «Слова о полку Игореве», сделанный Н. М. Карамзиным и помещенный им в разделе «Поэзия» в третьем томе «Истории государства Российского» (вышел в свет в 1816 г.), стоит значительно выше всех стихотворных переложений. В 1809—1813 гг. над перево-

[1] А. Востоков. Опыт российского стихосложения, изд. 2-е. СПб., 1817, с. 160.

[2] См.: В. В. Колесов. Ударение в «Слове о полку Игореве». — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XXXI. Л., 1976, с. 23—76.

дом «Слова» работал В. В. Капнист. Но этот, один из ранних прозаических переводов, остался современникам неизвестен, он был опубликован по рукописи в 1950 г.

Открытие и публикация «Слова» оказали огромное влияние на оригинальную русскую литературу первой четверти XIX в. В. В. Сиповский, первым исследовавший литературную историю «Слова о полку Игореве» после 1800 г., писал, что влияние это «чуть было не создало целой школы, вытесненной только в 20-х годах мощным влиянием Вальтера Скотта, под воздействием которого интерес к Древней Руси сменился интересом к Руси Московской и Петровской»[1].

Восприятие «Слова о полку Игореве» в начале XIX в. отражало предромантические интересы времени. Примечательно, что наибольшее внимание было обращено на Бояна — «барда» Древней Руси. Это имя, сравниваемое с Гомером и Оссианом, употреблялось и как личное имя первого «барда» Древней Руси, и как нарицательное обозначение древнерусских поэтов вообще.

Уже в 1801 г. Н. М. Карамзин в «Пантеоне российских авторов» поместил на первой странице «портрет» Бояна с такой подписью: «Мы не знаем, когда жил Боян и что было содержанием его сладких гимнов, но желание сохранить имя и память древнейшего русского поэта заставило нас изобразить его в начале сего издания. Он слушает поющего соловья и старается подражать ему на лире...»

Выше уже приводился отклик на «Слово» М. М. Хераскова, в котором внимание поэта прежде всего привлек образ Бояна. В 1803 г. в поэме «Бахариана» Херасков вновь обращается к Бояну, но здесь отразилось и его отношение к образу Ярославны:

---

[1] В. В. Сиповский. Следы влияния «Слова о полку Игореве» на русскую повествовательную литературу первой половины XIX в. — Ипо РЯС, т. 3, кн. 1. Л., 1930, с. 240.

Живо в песне все рисовано,
Живо, важно и чувствительно;
Плачет, плачет Ярославовна,
Будто Горлица стенящая,
По любезном Святославиче,
Плачет, заставляя плакать нас...

В «Песнях, петых на состязаниях в честь древним славянским божествам», начатых в 1800 г. и опубликованных посмертно в 1807 г., А. Н. Радищев обращается к Бояну. Называя Бояна «сладчайшим певцом», он вместе с тем подчеркивает героический характер его песен: «Певец лет древних славных, певец времени Владимира, коего в громе парящая слава быстро пронеслась до Геллеспонта, Боян, певец сладчайший, коего глас, соловьиному подобный, столь нежно щекотал слухи твоих современников; возложи, Боян, благозвонкие твои персты на одушевленные, на живые твои струны; ниспошли ко мне песнь твою из горних чертогов света, где ты в беседе Омира и Оссиана торжество поешь героев древних или славу богов; ниспошли, и да звук ее раздается во всех краях, населяемых потомками колен славянских».

Во время Отечественной войны 1812 г. большее внимание обращается на патриотическое звучание «Слова о полку Игореве», многие образы и поэтические пассажи памятника XII в. начинают восприниматься в свете событий войны с Наполеоном. Это отразилось в переводах Палицына, Язвицкого, Левитского и дало себя знать в поэтических реминисценциях из «Слова о полку Игореве» как в стихотворных, так и в прозаических произведениях.

Изображая подвиги героев 1812 г., В. А. Жуковский в стихотворении «Певец во стане русских воинов» пользуется образами «Слова». Обращаясь к Платову, он пишет:

Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь.

Не забывает Жуковский и Бояна, для него он — певец ратных деяний, который своей лирой служит общему делу:

Певцы — сотрудники вождям;
Их песни — жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам!
О радость древних лет, Боян!
Ты, арфой ополченный,
Летал пред строями славян,
И гимн гремел священный.

В «Руслане и Людмиле» А. С. Пушкина Боян выступает в традиционном толковании его как романтического певца «давно минувших дней». При этом у Пушкина Боян и имя собственное и вместе с тем — певец вообще:

Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Баяна:
И славит сладостный певец
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелем свитый им венец.
. . . .
Быть может, на холме немом
Поставят тихий гроб Русланов,
И струны громкие Баянов
Не будут говорить о нем!

В творчестве поэтов декабристского круга, обращавшихся к «Слову», превалируют темы патриотизма, воинских подвигов, и к традиционному восприятию Бояна прибавляется характеристика его как певца-гражданина, патриота.

Ф. Глинка видел в «Слове» произведение, которое воспитывает патриотические чувства, возбуждает героические устремления. В «Письмах к другу» он пишет, что писатели и историки должны рассказать о былой славе русских «словами

старых повестей по былинам тех времен». Как образец такого повествования он пересказывает некоторые события, описанные «Словом». Пересказ этот приобретает характер своеобразного переложения. Воображаемый Ф. Глинкой рассказчик приезжает в 1185 г. в Новгород-Северский: «Все княжество в движении; везде брящает оружие и блещут доспехи; готовятся к делу великому: навести полки на землю Половецкую за обиду Русской земли. Уже готово к бранному пиру; «уже ржут кони за Сулою, звенит слава в Киеве; трубят трубы в Новгороде, веют знамена в Путивле; ждет Игорь милого брата Всеволода»— и Всеволод Трубчевский, Святослав князь Рыльский и Владимир Путивльский спешат соединить войски свои с Игоревым и поискать счастья за синим Доном». В свой пересказ-изложение Ф. Глинка включает стихотворный перевод отрывков из плача Ярославны. Своеобразной переработкой этого плача можно назвать стихотворение Глинки «Сетование русской девы», в котором девушка горюет о любимом, ушедшем сражаться в «чуждый край»:

Быстротечный, быстротечный,
Сладководный шумный Днепр!
Говорят, свои ты волны
К морю синему несешь...
Что до моря? — Не напоишь
Ты бездонной глубины;
Потеки, река родная,
К другу сердца в чуждый край.
Там на знойном битвы поле
Жаждет воин молодой:
Окропи уста и раны
Сладкой родины водой!..

К. Ф. Рылеев одну из своих «дум» посвящает Бояну, отзвуки «Слова» отчетливо ощущаются и в других «думах» поэта — «Рогнеде», «Владимире Святом», «Мстиславе Удалом». Об интересе Рылеева к героической стороне древнего памятни-

ка свидетельствует его перевод отрывка с описанием воинов-курян:

Они под звуком труб повиты,
Концом копья воскормлены,—
Луки натянуты — колчаны их открыты,
Путь сведом ко врагам, мечи наточены,
Как волки серые, они по полю рыщут
И чести для себя, для князя славы ищут,
Ничто им ужасы войны!

Образ Бояна — певца свободы и ратных подвигов встречается в целом ряде поэтических произведений Н. М. Языкова: «Баян к русскому воину при Димитрии Донском», «Песнь Барда во время владычества татар», «Песнь Баяна при начатии войны», «Услад».

Отдельные речевые обороты, образы «Слова о полку Игореве» нашли широкое отражение во многих прозаических произведениях первой четверти XIX в. Часто прибегает к ним в своих повестях А. Ф. Вельтман, который в 30-х гг. делает и полный стихотворный перевод «Слова». Реминисценции из «Слова» мы встречаем в «Славянских вечерах» Т. Нарежного, в «Повести о Мстиславе I Владимировиче» П. Львова, в трагедии М. Крюковского «Елизавета, дочь Ярослава», в «Аскольдовой могиле» М. Загоскина и в ряде других романов и повестей этого времени.

В 1817—1819 гг. В. А. Жуковским создается один из лучших поэтических переводов «Слова о полку Игореве», который признается таковым и в наше время. При жизни поэта перевод напечатан не был, он был издан в 1882 г. известным исследователем «Слова о полку Игореве» Е. В. Барсовым. Перевод В. А. Жуковского был обнаружен им среди бумаг А. С. Пушкина, и исследователь посчитал, что это перевод Пушкина.

Ошибка Е. В. Барсова объясняется не только тем, что рукопись Жуковского оказалась среди материалов, принад-

лежавших Пушкину, но и высокими поэтическими достоинствами этого перевода, точностью передачи содержания и смысла «Слова о полку Игореве», наконец, тем, что хорошо был известен неизменный интерес поэта к гениальному произведению русской литературы XII в.

Пушкин оставил нам лишь отдельные небольшие замечания и высказывания о «Слове»: «Наброски статьи о русской литературе» (1830), «О ничтожестве литературы русской» (1834), «Песнь о полку Игореве» (1836). Имеются свидетельства современников об отношении его к «Слову», о его мыслях, связанных с ним. Пушкин очень высоко ценил поэтические достоинства «Слова о полку Игореве», был глубоко убежден в его подлинности. В заметках «Песнь о полку Игореве» он писал: «Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока... Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? Но Карамзин не поэт. Державин? Но Державин не знал и русского языка, не только языка Песни о полку Игореве. Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства»[1]. Поэт интересовался переводами и исследованиями «Слова о полку Игореве». Его не удовлетворяли имевшиеся переводы и предлагаемые переводчиками толкования текста. Он писал: «Первые издатели приложили к ней («Песне о полку Игореве».— *Л. Д.*) перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны... первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, все еще

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. 7. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, с. 503.

остается лучшим. Прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными»[1]. В начале 1833 г. А. Ф. Вельтман прислал Пушкину свой перевод «Слова». В конце этого же года В. А. Жуковский дал ему писарскую копию своего перевода, которая и дошла до нас в бумагах поэта. Как установил Н. К. Гудзий, Пушкин, читая переводы Вельтмана и Жуковского и делая на них свои пометы, сам работал над статьей о «Слове о полку Игореве»[2].

Выше мы уже приводили отрывок из «Бахарианы» Хераскова, посвященный Ярославне. Довольно часто в литературе начала — первой половины XIX в. появляются переводы только плача Ярославны, что неудивительно, если мы вспомним слова Пушкина об особой его поэтичности. Как и у Хераскова, в трактовке Ярославны преобладает элемент слащавой сентиментальности. В большинстве своем это были не столько переводы плача Ярославны, сколько романсы на данную тему. Характерно, что одна из вариаций на этот сюжет прямо названа — «Ярославна — романс» (В. Загорского). Выгодно отличаются близостью к тексту подлинника и поэтичностью «Плач Ярославны» И. И. Козлова, опубликованный в 1825 г. в «Дамском журнале» и посвященный автором З. А. Волконской, и уже упоминавшийся выше отрывок из плача Ярославны в «Письмах к другу» Ф. Глинки.

В 1839 г. в Одессе вышел перевод «Слова», сделанный поэтом М. Д. Деларю размером «русского гекзаметра». Деларю писал в предисловии к переводу: «Песнь Игорю можно передать с точностью не тоническим размером наших народных песен и еще менее ямбом, как сделали то некоторые писатели,

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. 7. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, с. 502.

[2] Н. К. Гудзий. Пушкин в работе над «Словом о полку Игореве». — В кн.: Пушкин. Сборник статей. М., 1941, с. 268.

а поэтической мерной прозою или нашим гекзаметром — мерою столь свойственною строению и духу языка русского». Перевод Деларю получил высокую оценку современников. От всех предшествующих переводов он отличался точностью воспроизведения подлинника и долгое время считался одним из лучших.

Середина XIX в. ознаменовалась выходом в свет трех очень популярных в свое время переводов «Слова о полку Игореве»: Д. Минаева (1846), Л. Мея (1850) и Н. Гербеля (1854).

Перевод Д. Минаева отличается вольным обращением с древнерусским текстом, ошибками и искажениями. Переводчик не только переиначивает оригинал, но и «украшает» текст памятника собственными домыслами и обширными вставками. Так, например, Ярославна становится дочерью киевского князя Святослава, а фраза «Ярославна рано плачет в Путивле на забрале» под пером переводчика преобразуется в такое четверостишие:

Ярославна поет в тишине
И идет, все идет по стене.
И стоны и звуки несутся к нему,
И хочется песню все слушать ему!

Перевод Н. Гербеля, выдержавший семь изданий,— своеобразная «коллекция» стихотворных размеров. Гербель разбил «Слово» на двенадцать песен и для каждой «старался подобрать,— как он пишет сам в предисловии к переводу,— соответствующий ей стихотворный размер, чтобы тем удобнее подделаться под тон его («Слова».— *Л. Д.*) сладко звучащей речи». Деление на «песни» носило произвольный характер, выбор стихотворных размеров весьма субъективен и подчас не только не соответствует духу, содержанию, мыслям памятника, но просто противоречит им. Начало «Слова» в его переводе такое:

Не начать ли нам, ребята,
Складом повестей невзгод
Про поход на супостата,
Князя Игоря поход?
И начать нам без обмана
Эту песню про князей
По былинам наших дней —
Не по замыслам Бояна?
Если был певец — Боян
Вещим духом обоян...

Л. А. Мей в своем переводе, как он пишет сам, попытался «уложить «Слово» в народный сказочный размер». Попытка придать памятнику высокой книжной культуры не свойственный ему фольклорный колорит не могла увенчаться удачей. Несмотря на бесспорно бо́льшую поэтичность перевода Мея, по сравнению с переводами Минаева и Гербеля, и он очень далек от оригинала. «Слово» приобрело псевдонародный характер, весьма далекий от его подлинной народности:

Аль затягивать, ребята, на старинный лад
Песню слезную о полку князя Игоря,
Князя Игоря Святославича!
А и песню нам затягивать
Про недавнюю былинушку —
Не по замыслу Боянову...

Ох, ты гой-еси гремучий соловей Боян!
Кабы ты теперь, соловушка,
Нам защелкал про дружины князя Игоря...

Нельзя не признать, однако, что эти три перевода сыграли заметную роль в развитии переводов «Слова», в понимании поэтической сущности памятника. В свое время они вызвали большой интерес у современников. Много хвалебных откликов появилось в печати на перевод Гербеля, в том числе специа-

листов по «Слову о полку Игореве» и знатоков древнерусской литературы (М. А. Максимовича, И. И. Срезневского, К. Д. Ушинского и др.).

Удачным и для своего времени, и в истории поэтических переложений «Слова о полку Игореве» вообще является перевод белыми стихами и одним размером А. Н. Майкова, над которым поэт работал в течение четырех лет и выпустил в свет в 1870 г. Помимо высоких поэтических достоинств перевод Майкова отличается высоким научным уровнем. Поэт проводит собственные разыскания, консультируется с наиболее крупными специалистами по истории древнерусской культуры и литературы, он прекрасно осведомлен в литературе по «Слову», по истории Древней Руси. Майковский перевод неоднократно переиздавался и заслуженно стоит в ряду лучших переводов.

Глубоким проникновением в поэтику «Слова» отличается небольшая по объему «Песнь гусляров» из «Снегурочки» А. Н. Островского (1873). Это не перевод, а оригинальный, тесно связанный со всем содержанием «Снегурочки» текст, но он целиком восходит к образной системе первоисточника: здесь и вещие рокочущие струны гуслей, и картины битвы, и плачущие по убитым жены. А. Н. Островский тонко почувствовал одну из основных мыслей памятника — противопоставление битвы мирному труду, печаль автора «Слова» о простых ратаях, которые гибнут в княжеских междоусобицах:

Луки напряжены, тулы открыты,
Пашут по ветру червленые стяги,
Рати с зарания по полю скачут.
Плачут
Жены на стенах и башнях высоких:
Лад своих милых не видеть нам боле,
Милые гибнут в незнаемом поле.

. . . .

Чести и славы князьям добывая,
Ломят и гонят дружины дружины,
Топчут комонями, копьями нижут.
Лижут
Звери лесные кровавые трупы,
Крыльями птицы прикрыли побитых,
Тугой поникли деревья и травы.

Веселы грады в стране Берендеев,
Радостны песни по рощам и долам,
Миром красна Берендея держава.
Слава
В роды и роды блюстителю мира!
Струны баянов греметь не престанут
Славу злотому столу Берендея.

Работа Майкова — последний значительный перевод XIX в. С. К. Шамбинаго, которому принадлежит один из лучших обзоров поэтической жизни «Слова» с 1800 по 1934 г., так заканчивает характеристику этого перевода: «Вслед за Майковым в 70-х годах появляется сразу несколько переложений «Слова». Майковская работа была предельной высотой стихотворной поэтизации памятника. Позднейшие перелагатели хотя и следуют за учеными комментаторами, хотя и стремятся, чтобы «переводы» их «отличались буквальностью», но ничего оригинального придумать не могут»[1].

* * *

Самый конец XIX — начало XX в. в поэтическом восприятии «Слова» характеризуется вниманием к трагической стороне памятника — гибели Игоревой дружины в бескрайней дикой

---

[1] С. Шамбинаго. Художественные переложения «Слова». — В кн.: «Слово о полку Игореве». М.—Л., «Academia», 1934, с. 219.

степи. Вместе с тем это произведение XII столетия осмысляется как проявление поэтического гения, как памятник древнерусской литературы, прошедший через столетия и оставшийся таким же неизменно прекрасным, как и при своем создании.

Отдельные реминисценции из «Слова» встречаются в прозе И. А. Бунина. В рассказе 1895 г. «На Донце», с эпиграфом из «Слова о полку Игореве», писатель, описывая свои впечатления от поездки по степи, все время обращается к поэтическим образам памятника XII в. Позже «Слово» найдет у него отражение в «Жизни Арсеньева». Но основным поэтическим откликом Бунина на «Слово» является стихотворение «Ковыль» 1894 г. Ковыльная степь наводит поэта на размышление о далеком прошлом русской истории, он вспоминает поход Игоря. Поэтические образы стихотворения перекликаются с поэтикой «Слова о полку Игореве», И. А. Бунин использует некоторые стилистические обороты своего источника, отдельные его выражения:

А путь бежит... Не тот ли это шлях,
Где Игоря обозы проходили
На синий Дон? Не в этих ли местах,
В глухую ночь, в яругах волки выли,
А днем орлы на медленных крылах
Его в степи безбрежной провожали
И клектом псов на кости созывали,
Грозя ему великою бедой?

— Гей, отзовись, степной орел седой!
Ответь мне, ветер буйный и тоскливый!
...Безмолвна степь. Один ковыль сонливый
Шуршит, склоняясь ровной чередой...

В 1898 г. К. К. Случевский в стихотворении «Ты не гонись за римфой своенравной...» обращается к поэтическому образу плачущей Ярославны, раздумывая о непреходящей ценности поэзии:

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
И все как будто, бедная, тоскует,
И от нее не все, не все схоронено.

. . . .

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!..
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

В том же году на это стихотворение откликается Владимир Соловьев и пишет «Ответ на «Плач Ярославны», в котором говорит о вечности поэтических творений:

Пускай Пергам давно во прахе,
Пусть мирно дремлет тихий Дон:
Все тот же ропот Андромахи,
И над Путивлем тот же стон.

О силе поэтического образа Ярославны, созданного поэтом в «стародавние» времена, но вечно живого, воплощающего в себе образ русской женщины, пишет в своем стихотворении «Певцу «Слова» Валерий Брюсов в 1912 г.:

Стародавней Ярославне тихий ропот струн.
Лик твой древний, лик твой светлый, как и прежде, юн.
Иль певец безвестный, мудрый, тот, кто Слово спел,
Все мечты веков грядущих тайно подсмотрел?
Или русских женщин лики все в тебе слиты?
Ты — Наташа, ты — и Лиза, и Татьяна — ты!
На стене ты плачешь утром... Как светла тоска!
И, крутясь, уносит слезы песнь певца — в века!

У А. Блока непосредственных заимствований из «Слова о полку Игореве» нет. Но отдельные поэтические образы в его произведениях, возможно, восходят к этому древнему памятнику. Так, вероятно, влияние образа «девы Обиды», «плещущей лебедиными крыльями» и прогоняющей счастливые времена, можно видеть в следующей строфе «Скифов»:

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

В цикле стихов Блока «На поле Куликовом» и в стихотворении «Новая Америка» отдельные обороты и строки также перекликаются со «Словом о полку Игореве»:

Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

Опять с вековою тоскою
Пригнулись к земле ковыли,
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

(«На поле Куликовом»)

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...

(«Новая Америка»)

С. Есенин обращается к «Слову о полку Игореве» в «Ключах Марии». Для него это гениальный памятник древнерусской литературы, у которого нужно учиться поэтическому мастерству. По свидетельству многих современников, Есенин знал все «Слово» наизусть, восторгался его поэтическим совершенством[1].

В поэзии и прозе первых революционных лет отдельные образы и поэтические обороты «Слова о полку Игореве» используются при описании героической борьбы за советскую власть.

Повесть Б. Лавренева «Кровный узел» (1919) во многих местах представляет собой своеобразную переработку этого древнерусского произведения. Мотивы «Слова» проявляются и в описании природы, и в батальных сценах, и в символике художественных образов. Белогвардейская конница рисуется как половецкие орды, а зловещий Див трансформируется в двуглавого орла.

Образная система «Слова» используется А. Малышкиным в «Падении Даира» (1921), а реминисценции из него встречаются в книге Н. Никитина «Бунт» (1923), можно отметить обращение к «Слову о полку Игореве» и в ряде других прозаических произведений этого времени[2].

Картины природы, слитой с судьбой людей, сочувствие и участие природы в происходящих событиях и батальные сцены, характерные для «Слова», удачно использованы Эд. Багрицким в поэме «Дума про Опанаса». Затмение солнца предвещает беду — смерть комиссара Когана:

---

[1] См.: «Воспоминания о Сергее Есенине». Сб. под общ. ред. Ю. Л. Прокушева. М., 1965, с. 208—209, 233, 246, 249, 380—381.

[2] См. подробнее: Л. Ф. Ершов. Русский советский роман. Национальные традиции и новаторство. Л., «Наука», 1967.

Смотрите, солнце встает, ребята,
Такое туманное, как в пыли.

Есть в «Думе» и прямое обращение к тексту «Слова о полку Игореве»:

Прыщут стрелами зарницы,
Мгла ползет в ухабы.
Брешут рыжие лисицы
На чумацкий табор.
За широким ревом бычьим
Смутно изголовье.
Див сулит полночным кликом
Гибель Приднестровью.

* * *

Первые советские переводы «Слова» были напечатаны в 1934 г. в книге «Слово о полку Игореве», подготовленной известными исследователями древнерусской литературы В. Ф. Ржигой и С. К. Шамбинаго[1]. Это были переводы Г. Шторма и С. Шервинского, получившие высокую оценку и специалистов и читателей. С этих переводов начинается многолетняя и плодотворная история советских переводов. Нужно отметить, что это издание определило собой тип многих последующих изданий памятника: публикация древнерусского текста, его параллельный перевод издателями, поэтические переводы, научные статьи и комментарии.

В 1938 г., когда отмечалось 750-летие «Слова о полку Игореве», вышло несколько его новых переводов. Часть из них была включена в подготовленный к изданию Н. К. Гуд-

[1] «Слово о полку Игореве». М.—Л., «Academia», 1934. (Серия «Русская литература».)

зием и П. Скосыревым сборник «Слово о плъку Игоревѣ», в котором были собраны наиболее интересные переводы XIX—XX вв. Впервые увидели свет в этом сборнике переводы И. Новикова, С. Басова-Верхоянцева, вольное переложение М. Тарловского. По типу издания эта книга продолжала и развивала издание Ржиги и Шамбинаго: здесь, как уже сказано, давалась подборка целого ряда переводов XIX в. В 1939 г. в Иванове был напечатан перевод Д. Н. Семеновского.

И. Новиков стремился, как он писал сам, дать «перевод поэтический, точный и понятный». Он много работал над «Словом», высказал ряд соображений об авторе памятника, изучал вопрос о влиянии этого произведения древнерусской литературы на творчество А. С. Пушкина. Увлеченность приводила И. Новикова к преувеличению роли «Слова о полку Игореве» в творчестве писателей нового времени, к недостаточно обоснованным выводам и предположениям по его истории. Признавая, что «великая древнерусская поэма открывается далеко не сразу, а потому переводчиком, непрестанно продолжающим свою работу, вносятся порою все новые и новые изменения текста», И. Новиков в каждом новом издании своего перевода делал поправки, вносил изменения, учитывая все то новое, что делалось в изучении «Слова о полку Игореве».

Переложение М. Тарловского встретило резкие замечания критиков. У Тарловского (автор хотел, «чтобы современный читатель получил представление о том впечатлении, которое «Слово» производило в свое время») много неоправданных модернизмов и переосмыслений, наряду с языковыми архаизмами обильно употребляются искусственные словообразования самого Тарловского. Вот начало его «Речи о конном походе Игоря, Игоря Святославовича, внука Олегова» (так назвал он в своем переложении «Слово»):

Товарищи, старую быль взворошить
Не стоит ли нам для почина,
Чтоб Игорев конный марш изложить,
Рейд Святославова сына?

Мы слогом теперешним речь начнем,
    На происшедшее глянув:
Певцу не к лицу изжитый прием,
    Ветхий обычай Боянов...

Едва ли читатель мог получить из такого переложения представление о том, как воспринималось «Слово» в XII в., но все же труд Тарловского интересен как образец особого рода переложений «Слова», не лишенный поэтического своеобразия.

В 1938—1939 гг. над переводом «Слова о полку Игореве» начинает работать В. И. Стеллецкий, стремившийся передать средствами современного русского языка ритмический строй оригинала, каким он представляется переводчику.

С 1929 г. начал работать над переводом «Слова» А. К. Югов. Его перевод представляет бесспорный интерес и занимает достойное место среди поэтических переложений памятника, хотя многие из предложенных им толкований и осмыслений древнерусского текста произведения — плод фантазий автора, и не случайно они вызвали страстную и справедливую критику.

Перевод В. И. Стеллецкого впервые был напечатан в 1944 г., перевод А. К. Югова — в 1945 г. И это не случайно. Патриотический подъем в годы Великой Отечественной войны обострил интерес к героическому прошлому, к памятникам русской старины и в первую очередь к «Слову о полку Игореве», в котором героико-патриотическая тема неразрывно связана с высоким гуманизмом, со страстным призывом прекратить кровопролитные распри.

В это же время, в 1945 г., выступает с чтением своего переложения «Слова о полку Игореве» Н. А. Заболоцкий. В заметке «От переводчика» к первой журнальной публикации своего труда (1946) Н. Заболоцкий писал: «Это свободное воспроизведение древнего памятника средствами современной поэтической речи», он отмечал, что его переложение «не претендует на научную точность строгого перевода и не является результатом новых текстологических изысканий». Тем не менее поэтическая сила и поэтическое совершенство труда Заболоцкого делает его переложение памятника XII столетия одним из самых лучших поэтических переводов «Слова о полку Игореве». Переложение Н. А. Заболоцкого дает современному читателю наиболее яркое и верное представление о «Слове» как о поэтическом произведении древнерусской литературы.

С появлением новых переводов интерес к памятнику, желание вновь и вновь переводить его не только не ослабевает, но, пожалуй, усиливается еще больше, и после далеко не полностью перечисленных переводов, вышедших с 1934 по 1946 г., появилось еще множество переводов и переложений «Слова о полку Игореве» разного характера и разного достоинства. Самыми последними опытами в этой области являются переводы А. Чернова (1979) и И. Шкляревского (1980). Во вступительной заметке к переводу Шкляревского Д. С. Лихачев, спрашивая, «почему вообще нужен новый перевод при наличии других хороших?», так отвечает на этот вопрос: «Как невозможно в любой, самый большой телескоп вместить реальную звезду, так невозможно любым, самым хорошим переводом заменить гениальное произведение. Десятки, сотни телескопов будут направлены на «Слово о полку Игореве», и все они, если они только действительно добросовестны и компетентны, будут открывать в нем что-то новое, не замеченное предшествующими»[1].

[1] «Октябрь», 1980, № 9, с. 3.

Необходимо сказать, что все время параллельно с работой над «Словом о полку Игореве» поэтов и писателей над переводом его работали исследователи древнерусской литературы, те, кто изучали, комментировали памятник, готовили древнерусский текст произведения. И эти переводы, без сомнения, имели не только научное, но и художественное значение. «Слово о полку Игореве» переводилось на современный русский язык такими известными специалистами по истории древнерусской литературы, как А. С. Орлов, С. К. Шамбинаго, В. Ф. Ржига, Н. К. Гудзий, И. П. Еремин, Д. С. Лихачев.

В течение рассмотренного выше периода «Слово о полку Игореве», как и во все предыдущие времена, вдохновляет поэтов на создание оригинальных произведений по его мотивам.

В 1938 г. И. Новиков издает повесть «Сын тысяцкого», в которой пытается воссоздать образ автора «Слова».

В 1939 г. вышла в свет повесть Г. Троицкого «Иду на вы» о походе Игоря. В 1941 г. напечатана пьеса Е. Пермяка, посвященная событиям, воспетым в «Слове», — «Шумите, ратные знамена».

В предвоенные, военные и послевоенные годы появляются переводы плача Ярославны, оригинальные стихотворения, посвященные ей, в которых авторы обращаются к этому образу как к символу женской верности, жены воина.

В 1937, 1938, 1939 гг. А. Прокофьев пишет три стихотворения по мотивам «Слова». Первое из них — перевод плача Ярославны, третье — посвящено образу Ярославны:

Сохранен твой след осенним ливнем,
Грозами и русскою зимой,
Ярославна — свет мой на Путивле,
Свет мой, день мой, век недолгий мой!

Где же, где же он, гонец крылатый,
С доброй вестью с грозных берегов:
Копьями, колчанами, булатом
Заслонен твой Игорь от врагов!..

В 1939 г. стихотворение «Ярославна» пишет В. Звягинцева:

Тихо мерцает серьга голубая,
Косам завидует ива любая,
Ветви купая в озерной воде...

В том же, 1939 году В. Саянов переводит два отрывка из «Слова»— о воинах-курянах и плач Ярославны.

В 1943 г. выходит стихотворение «Ярославна» Л. Татьяничевой, в котором события похода Игоря перекликаются с событиями суровых годов Великой Отечественной войны:

Снова дует неистовый ветер,
Быть кровавому злому дождю.
Сколько дней, сколько длинных столетий
Я тебя, мой единственный жду...

Отрывки из поэмы «Ярославна» публикует в 1944 г. П. Антокольский. У него образ Ярославны предстает как образ русской женщины вообще, во все времена суровых испытаний и бед:

И моя Ярославна, моя красота,
Пусть участвует в нашем бою.
Ибо песня о ней высоко поднята.
Я о верности женской пою...

В 1961 г. стихотворение «Ярославна» публикует Н. Рыленков, который в это же время работает над переводом «Слова»:

Путивльский шлях. Полынная тоска,
Твой ждущий взгляд сквозь слезы — синий-синий.
Вошла ты Ярославною в века,
А в терему осталась Евфросиньей.

Ты подвиг свой свершила в тишине,
Смотрела в горе ясными глазами,
Чтоб в час зари на городской стене
Вздохнуть и душу облегчить слезами.

Давным-давно забыли камыши
И стук мечей, и чарок звон заздравный,
Но, голос твой узнав в родной глуши,
Мы повторим не раз под шум дубравный,
Что вдохновенье тот же вздох души,
Что Евфросинью сделал Ярославной.

В 1962 г. стихотворный цикл по мотивам «Слова» пишет В. Соснора. В своей поэтической интерпретации он хочет показать, что за высокой поэзией памятника стоит реальная, земная жизнь. Приведем в качестве примера одно из стихотворений цикла — «Ночь перед побегом»:

Разве
спрашивает
страх?
Двадцать стражников
у костра.
Двадцать стражников
и Кончак.
И у каждого
колчан.
Круп коняги в жару
груб,
двадцать стражников
жрут
круп
и прихлебывают
кумыс.
Половчане —
палач к палачу,
и похлопывают
— кормись! —
князя Игоря по плечу.
Но у князя дрожит
нога,

князь сегодня бежит,
                                        но как?
Разве спрашивает
                                        страх?
Двадцать стражников
у костра.
Раскорячен
                    сучок в костре.
Что колчан,
                    то пучок

стрел.
Что ни стражник, то глаз
                                        кос

помясистей украсть
кость.
Что ни рот — на одну
                                        мысль:

поядреней хлебнуть
кумыс.
Двадцать стражников.
Ночь.
И у каждого
нож.

Своеобразной поэтической интерпретацией «Слова о полку Игореве» является поэма В. Гончарова «За Русскую землю» (1970). В основном это перевод-пересказ «Слова». Но автор широко использовал в своей поэме и сведения летописных повестей о походе Игоря. Так, например, десятая песня поэмы «Как река Кривель стала Каялой» восходит к покаянной речи плененного Игоря из Ипатьевской летописи. Много места занимают в поэме и собственные авторские отступления. Наглядное представление о характере соединения в едином поэтическом повествовании переложения «Слова о полку Игореве» со сведениями летописных повестей в интерпретации В. Гончарова может дать шестая песня поэмы «Как пали знамена»:

С утра до вечера,
С вечера до рассвета
Летят стрелы каленые,
Гремят о шеломы
Сабли тяжелые,
Трещат копья черносверкающие.
День бились,
Бьются другой
В поле неведомом
Среди половецких земель.

Черная земля под копытами
Черепами засеяна,
Кровью полита —
Беда взошла на Русской земле.

Что там шумит,
Что там звенит далеко
Рано перед зарею?

Дрогнули, побежали ковуи.
Предали Игоря.

Раненый князь к ним кинулся.
От своих оторвался.
Силится полк вернуть.
Снял шелом —
Дышать нечем.
Впустую кричит!

Тут его половцы опознали.
Окружили конями...

* * *

В одной из своих статей, посвященных «Слову о полку Игореве», Д. С. Лихачев пишет: «Этот памятник вечно свеж. Каждая эпоха находит в нем новое и свое. Это предназначение подлинных произведений искусства: они говорят новое

новому, и они всегда современны»[1]. О неизменной современности «Слова» красноречивее всего свидетельствуют многочисленные переводы и переложения, реминисценции из него, обращение к его поэтическим образам писателей разного времени и разных направлений.

Л. Дмитриев

---

[1] Д. С. Лихачев. Слово о походе Игоря Святославича...— В кн.: «Слово о полку Игореве». Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание. Л., 1967, с. 5.

Перевод В. А. Жуковского дошел до нас в двух списках: в автографе автора (рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — ф. 286, оп. 220а, № 27) и в писарской копии, которая находится в бумагах А. С. Пушкина (Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР в Ленинграде — ф. 244, оп. 1, № 1123).

В тексте писарской копии имеются поправки и заметки, сделанные и Жуковским и Пушкиным. Полное воспроизведение перевода Жуковского по этому списку со всеми пометами и поправками см.: «Рукою Пушкина». М.—Л., «Academia», 1935, с. 127—145. В этом, писарском, списке имеются разночтения с автографом. Они полностью приведены в книге: «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд. АН СССР (серия «Литературные памятники»), 1950, с. 373—374.

Переложение В. А. Жуковского печатается по изданию: В. А. Ж у к о в с к и й. Сочинения в трех томах. Том третий. М., «Художественная литература», 1980 (текст сверен с рукописью).

Перевод Н. А. Заболоцкого печатается по изданию: «Слово о полку Игореве». Вступительная статья, редакция текста, дословный и объяснительный перевод с древнерусского, примечания Д. С. Лихачева. М., «Детская литература», 1975, с. 131—156.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Переложение В. ЖУКОВСКОГО

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не по вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земле,
Сизым орлом под облаками.

Вам памятно, как пели о бранях первых времен:
Тогда пускались десять соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал — того и песнь прежде пелась:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редедю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей пускал,
Он вещие персты свои на живыя струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.

Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостью,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воинов своих, тьмой от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем даться в полон.
Сядем же, други, на борзых коней
Да посмотрим синего Дона!»

Вспала князю на ум охота,
А знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
«Хочу,— он рек,— преломить копье
На конце поля Половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или выпить шеломом из Дона».

О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропою Трояновой чрез поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, оного Олега внуку:
Не буря соколов занесла чрез поля широкие —
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов:

Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамёна в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода!

И рек ему буй-тур Всеволод:
«Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь,
Оба мы Святославичи!
Седлай же, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы пред Курском
Метки в стрельбе мои куряне,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концом копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
Луки у них натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил князь Игорь в златое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило;
Ночь, грозою шумя на него, птиц пробудила;
Рев в стадах звериных!
Див кличет на верху древа:
Велит прислушать земле незнаемой,
Волге, Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, истукан тьмутараканский.

И половцы неготовыми дорогами побежали
к Дону великому.
Кричат в полночь телеги, словно распущенны лебеди;
Игорь ратных к Дону ведет!
Уже беда его птиц скликает,
И волки угрозою воют по оврагам,
Клектом орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червленые щиты...
О Русская земля! Уж ты за горами
Далеко!
Ночь меркнет,
Свет-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор затих.
Русские поле великое червлеными щитами прегородили,
Ища себе чести, а князю славы.

В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки
половецкие
И, рассеясь стрелами по полю, помчали
красных дев половецких,
А с ними и злато, и паволоки, и драгие оксамиты!
Ортмами, епанчицами, и кожухами,
и разными узорочьями половецкими
По болотам и грязным местам начали мосты мостить.
А стяг червленый с белою хоругвию,
А чолка червленая с древком серебряным
Храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо —
Далеко залетело!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,

Ни тебе, черный ворон, неверный половчанин!
Гзак бежит серым волком,
А Кончак ему след прокладывает к Дону великому!

И рано на другой день кровавые зори свет поведают;
Черные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца,
И в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дону великого!
Тут-то копьям поломаться,
Тут-то саблям притупиться
О шеломы половецкие,
На реке на Каяле, у Дона великого!
О Русская земля, далеко уж ты за горами!
И ветры, Стрибоговы внуки,
Веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы.
Земля гремит.
Реки текут мутно,
Прахи поля покрывают,
Стяги глаголют!
Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех сторон.
Русские полки отступили.
Бесовы дети кликом поля прегородили,
А храбрые русские щитами червлеными.

Ярый тур Всеволод!
Стоишь на обороне,
Прыщешь на ратных стрелами,
Гремишь по шеломам мечом харалужным;
Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым посвечивая,
Там лежат нечестивые головы половецкие,
Порубленные калеными саблями шлемы аварские

От тебя, ярый тур Всеволод!
Какою раною подорожит он, братие,
Он, позабывший о жизни и почестях,
О граде Чернигове, златом престоле родительском,
О свычае и обычае милой супруги своей,
Глебовны красныя.

Были веки Трояновы,
Миновались лета Ярославовы;
Были битвы Олега,
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в златое стремя в граде Тьмутаракане!
Молву об нем слышал давний великий Ярослав,
сын Всеволодов,
А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела,
И на конскую зеленую попону положили его
За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Каялы Святополк после сечи взял отца своего
Между угорскою конницею ко святой Софии в Киев.
Тогда при Олеге Гориславиче сеялось
и вырастало междоусобием.
Погибала жизнь Даждьбожиих внуков,
Во крамолах княжеских век человеческий сокращался.
Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
Но часто граяли враны,
Трупы деля меж собою;
А галки речь свою говорили:
Хотим полететь на добычу!

То было в тех сечах, в тех битвах,
Но битвы такой и не слыхано!

От утра до вечера,
От вечера до́ света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шеломы,
Трещат харалужные копья
В поле незнаемом
Среди земли Половецкия.
Черна земля под копытами
Костьми была посеяна,
Полита была кровию,
И по Русской земле взошло бедой.

Что мне шумит,
Что мне звенит
Так задолго рано перед зарею?
Игорь полки заворачивает!
Жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы!
Тут разлучилися братья на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина недостало;
Тут пир докончили бесстрашные русские;
Сватов попоили,
А сами легли за Русскую землю!
Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле преклонилось.
Уже невеселое, братья, время настало;
Уже пустыня силу прикрыла!
И встала обида в силах Даждьбожиих внуков,
Девой вступя на Троянову землю,
Крыльями всплеснула лебедиными,

На синем море у Дона плескаяся.
Прошли времена, благоденствием обильные,
Миновалися брани князей на неверных.
Брат сказал брату: то мое, а это мое же!
И стали князья говорить про малое, как про великое,
И сами на себя крамолу ковать,
А неверные со всех сторон приходили
с победами на Русскую землю!..
О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
А храброму полку Игореву уже не воскреснуть!
Вслед за ним крикнули Карна и Жля
и по Русской земле поскакали,
Мча разорение в пламенном роге!
Жены русские всплакали, приговаривая:
«Уж нам своих милых лад
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами сглядеть,
А злата-сребра много утрачено!»
И застонал, друзья, Киев печалию,
Чернигов напастию,
Тоска разлилась по Русской земле,
Обильна печаль потекла среди земли Русския.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А неверные сами с победами набегали
на Русскую землю,
Дань собирая по белке с двора.

Так-то сии два храбрые Святославичи,
Игорь и Всеволод, раздор пробудили,
Едва усыпил его мощный отец их,
Святослав грозный, великий князь киевский.
Гроза был Святослав!
Притрепетал он врагов своими сильными битвами

И мечами булатными;
Наступил он на землю Половецкую,
Притоптал холмы и овраги,
Возмутил озера и реки,
Иссушил потоки, болота;
А Кобяка неверного из луки моря,
От железных великих полков половецких
Вырвал, как вихорь!
И Кобяк очутился в городе Киеве,
В гриднице Святославовой.

Немцы и венеды,
Греки и моравы
Славу поют Святославу,
Кают Игоря-князя,
Погрузившего силу на дне Каялы, реки половецкия,
Насыпая ее золотом русским.
Там Игорь-князь из златого седла пересел
на седло отрока;
Уныли в градах забралы,
И веселие поникло.
И Святославу смутный сон привиделся:
«В Киеве на горах в ночь сию с вечера
Одевали меня,— рек он,— черным покровом
на кровати тесовой;
Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;
Сыпали мне пустыми колчанами
Жемчуг великой в нечистых раковинах на лоно
И меня нежили.
А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.
И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,
Слетевшись на выгон в дебри Кисановой...
Уж не послать ли мне к синему морю?»

И бояре князю в ответ рекли:
«Печаль нам, князь, умы полонила;
Слетели два сокола с золотого престола отцовского,
Поискать города Тьмутараканя
Или выпить шеломом из Дона!
Уж соколам и крылья неверных саблями подрублены,
Сами ж запутаны в железных опутинах.
В третий день тьма наступила.
Два солнца померкли,
Два багряных столпа угасли,
А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав,
Тьмою подернулись.
На реке на Каяле свет темнотою покрылся.
Гнездом леопардов простерлись половцы
по Русской земле

И в море ее погрузили,
И в хана вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,
Неволя грянула на волю,
Вергнулся Див на землю!
Вот уж и готские красные девы
Вспели на бреге синего моря;
Звоня золотом русским,
Поют они время Бусово,
Величают месть Шаруканову.
А наши дружины гладны веселием!»
Тогда изронил Святослав великий слово златое,
со слезами смешанное:

«О сыновья мои, Игорь и Всеволод!
Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
А себе искать славы!
Не с честию вы победили,
С нечестием пролили кровь неверную!

Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
И в буйстве закалено!
То ль сотворили вы моей серебряной седине!
Уж не вижу могущества моего сильного,
богатого, многовойного брата Ярослава
С его черниговскими племенами,
С монгутами, татранами и шелбирами,
С топчаками, ревугами и олберами!
Они без щитов с кинжалами засапожными
Кликом полки побеждали,
Звеня славою прадедов.
Вы же рекли: «Мы одни постоим за себя,
Славу переднюю сами похитим,
Заднюю славу сами поделим!»
И не диво бы, братья, старому стать молодым.
Сокол ученый
Птиц высоко взбивает,
Не даст он в обиду гнезда своего!
Но горе, горе! князья мне не в помощь!
Времена обратились на низкое!
Вот и у Роменя кричат под саблями половецкими,
А князь Владимир под ранами.
Горе и беда сыну Глебову!
Где ж ты, великий князь Всеволод!
Иль не помыслишь прилететь издалеча,
отцовский златой престол защитить?
Силен ты веслами Волгу разбрызгать,
А Дон шеломами вычерпать,
Будь ты с нами, и была бы дева по ногате,
А отрок по резане.
Ты же по суху можешь
Стрелять живыми шереширами с чадами Глеба удалыми;
А вы, бесстрашные Рюрик с Давыдом,
Не ваши ль позлащенные шеломы в крови плавали?

Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
Словно как туры, калеными саблями ранены, в поле незнаемом?
Вступите, вступите в стремя златое
За честь сего времени, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
Ты, галицкий князь Осьмомысл Ярослав,
Высоко ты сидишь на престоле своем златокованом,
Подпер Угрские горы полками железными,
Заступил ты путь королю,
Затворил Дунаю ворота,
Бремена через облаки мечешь,
Рядишь суды до Дуная,
И угроза твоя по землям течет,
Ворота отворяешь к Киеву,
Стреляешь в султанов с златого престола отцовского
через дальние земли.
Стреляй же, князь, в Кончака, неверного Кощея,
за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
А ты, Мстислав, и ты, смелый Роман!
Храбрая мысль носит вас на подвиги,
Высоко возлетаете вы на дело отважное,
Словно как сокол на ветрах ширяется,
Птиц одолеть замышляя в отважности!
Шеломы у вас латинские, под ними железные панцири!
Дрогнули от них земля и многие области хановы,
Литва, деремела, ятвяги,
И половцы, копья свои повергнув,
Главы подклонили
Под ваши мечи харалужные.
Но уже для Игоря-князя солнце свет свой утратило,
И древо свой лист не добром сронило;
По Роси, по Суле грады поделены,
А храброму полку Игоря уже не воскреснуть!

Дон тебя, князя, кличет,
Дон зовет князей на победу!
Ольговичи, храбрые князи, доспели на бой.
Вы же, Ингвар, и Всеволод, и все три Мстиславича,
Не худого гнезда шестокрильцы,
Не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?
На что вам златые шеломы,
Ваши польские копья, щиты?
Заградите в поле врата своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоря, смелого Святославича!
Не течет уже Сула струею сребряной
Ко граду Переяславлю;
Уж и Двина болотом течет
К оным грозным полочанам под кликом неверных.
Один Изяслав, сын Васильков,
Позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские,
Утратил он славу деда своего Всеслава,
Под червлеными щитами на кровавой траве
Положен мечами литовскими,
И на сем одре возгласил он:
«Дружину твою, князь Изяслав,
Крылья птиц приодели,
И звери кровь полизали!»
Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода.
Один изронил ты жемчужную душу
Из храброго тела
Через златое ожерелье!
Голоса приуныли,
Поникло веселие,
Трубят городенские трубы.
И ты, Ярослав, и вы, внуки Всеслава,
Пришлось преклонить вам стяги свои,
Пришлось вам в ножны вонзить мечи поврежденные!
Отскочили вы от дедовской славы,

Навели нечестивых крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславову!
О, какое ж бывало вам прежде насилие от земли Половецкия!
На седьмом веке Трояновом
Бросил Всеслав жребий о девице, ему милой.
Он, подпершись клюками, сел на коня,
Поскакал ко граду Киеву
И коснулся древком копья до златого престола Киевского.
Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,
Синею мглою обвешенный,
К утру ж, вонзивши стрикузы,
раздвигнул врата Новугороду,
Славу расшиб Ярославову,
Волком помчался с Дудуток к Немизе.
На Немизе стелют снопы головами,
Молотят цепами булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
Кровавые бреги Немизы не добром были посеяны,
Посеяны костями русских сынов.
Князь Всеслав людей судил,
Князьям он рядил города,
А сам в ночи волком рыскал;
До петухов он из Киева успевал к Тьмутаракани,
К Херсоню великому волком он путь перерыскивал.
Ему в Полоцке рано к заутрене зазвонили
В колокола у святыя Софии,
А он в Киеве звон слышал!
Пусть и вещая душа была в крепком теле,
Но часто страдал он от беды.
Ему первому и вещий Боян мудрым припевом предрек:
«Будь хитер, будь смышлен,
Будь по птице горазд,
Но божьего суда не минуешь!»

O, стонать тебе, земля Русская,
Вспоминая времена первые и первых князей!
Нельзя было старого Владимира пригвоздить
к горам киевским!
Стяги его стали ныне Рюриковы,
Другие Давыдовы;
Нося на рогах их, волы ныне землю пашут,
И копья славят на Дунае».

Голос Ярославнин слышится, на заре
одинокой чечеткою кличет:
«Полечу,— говорит,— чечеткою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле его».
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене,
приговаривая:
«О ветер, ты, ветер!
К чему же так сильно веешь?
Начто же наносишь ты стрелы ханские
Своими легковейными крыльями
На воинов Лады моей?
Мало ль подоблачных гор твоему веянью?
Мало ль кораблей на синем море твоему лелеянью?
Начто ж, как ковыль-траву, ты развеял мое веселие?»

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене,
припеваючи:
«О ты, Днепр, ты, Днепр, ты, слава-река!
Ты пробил горы каменные
Сквозь землю Половецкую;
Ты, лелея, нес суда Святославовы к рати Кобяковой:
Прилелей же ко мне ты Ладу мою,
Чтоб не слала к нему по утрам, по зорям
слез я на море!»

Ярославна поутру плачет в Путивле
на стене городской, припеваючи:
«Ты, светлое, ты, пресветлое солнышко!
Ты для всех тепло, ты для всех красно!
Что ж так простерло ты свой горячий луч
на воинов Лады моей,
Что в безводной степи луки им сжало жаждой
И заточило им тулы печалию?»

Прыснуло море к полуночи;
Идут мглою туманы;
Игорю-князю бог путь указывает
Из земли Половецкой в Русскую землю,
К златому престолу отцовскому.
Приугасла заря вечерняя.
Игорь-князь спит — не спит:
Игорь мыслию поле меряет
От великого Дона
До малого Донца.
Конь к полуночи;
Овлур свистнул за рекою,
Чтоб князь догадался.
Не быть князю Игорю!
Кликнула, стукнула земля;
Зашумела трава:
Половецкие вежи подвигнулись.
Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
Белым гоголем нá воду;
Взвергнулся князь на быстра коня,
Соскочил с него босым волком,
И помчался он к лугу Донца;
Полетел он, как сокол под мглами,
Избивая гусей-лебедей к завтраку, обеду и ужину.
Когда Игорь-князь соколом полетел,

Тогда Овлур волком потек за ним,
Сбивая с травы студеную росу:
Притомили они своих борзых коней!

Донец говорит: «Ты, Игорь-князь!
Не мало тебе величия,
Кончаку нелюбия,
Русской земле веселия!»
Игорь в ответ: «Ты, Донец-река!
И тебе славы не мало,
Тебе, лелеявшему на волнах князя,
Подстилавшему ему зелену́ траву
На своих берегах серебряных,
Одевавшему его теплыми мглами
Под навесом зеленого древа,
Охранявшему его на воде гоголем,
Чайками на струях,
Чернедями на ветрах.
Не такова,— примолвил он,— Стугна-река:
Худая про нее слава!
Пожирает она чужие ручьи,
Струги меж кустов расторгает.
А юноше князю Ростиславу
Днепр затворил брега зеленые.
Плачет мать Ростислава
По юноше князе Ростиславе.
Увянул цвет жалобою,
А деревья печалию к земле преклонило».

Не сороки защекотали —
Вслед за Игорем едут Гзак и Кончак.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,

Ползком только ползали,
Дятлы стуком путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями свет прорекают.

Молвил Гзак Кончаку:
«Если сокол ко гнезду долетит,
Соколенка мы расстреляем стрелами злачеными!»
Гзак в ответ Кончаку:[1]
«Если сокол ко гнезду долетит,
Соколенка опутаем красной девицей!»

И сказал опять Гзак Кончаку:
«Если опутаем красной девицей,
То соколенка не будет у нас,
Не будет и красной девицы,
И начнут нас бить птицы в поле Половецком!»

Пел Боян, песнотворец старого времени,
Пел он походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Ольгова,
супруга дщери Когановой.
«Тяжко,— сказал он,— быть голове без плеч,
Худо телу, как нет головы!»
Худо Русской земле без Игоря!

Солнце светит на небе —
Игорь-князь в Русской земле!
Девы поют на Дунае,
Голоса долетают через море до Киева,
Игорь едет по Боричеву
Ко святой богородице Пирогощей.
Радостны земли,

[1] Так у В. А. Жуковского, должно быть: Кончак в ответ Гзаку.

Веселы грады!—
Песнь мы спели старым князьям,
Песнь мы спели князьям молодым:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христиан полки неверные!
Слава князьям, а дружине аминь!

1817—1819

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ Н. ЗАБОЛОЦКОГО

ВСТУПЛЕНИЕ

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его —
В похвалу трудам его и ранам —
По былинам времени сего,
Не гоняясь в песне за Бояном.
Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел, под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
Жил он в громе дедовских побед,
Знал немало подвигов и схваток,
И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десяток.
И, встречая в воздухе врага,
Начинали соколы расправу,
И взлетала лебедь в облака,
И трубила славу Ярославу.
Пела древний киевский престол,
Поединок славила старинный,
Где Мстислав Редедю заколол
Перед всей касожскою дружиной,
И Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.

Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые,—
Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князям славу рокотали.

Мы же по иному замышленью
Эту повесть о године бед
Со времен Владимира княженья
Доведем до Игоревых лет
И прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил,
Мужество избрал себе опорой,
Ратным духом сердце поострил
И повел полки родного края,
Половецким землям угрожая.

О Боян, старинный соловей!
Приступая к вещему напеву,
Если б ты о битвах наших дней
Пел, скача по мысленному древу;
Если б ты, взлетев под облака,
Нашу славу с дедовскою славой
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава;
Если б ты Трояновой тропой
Средь полей помчался и курганов,—
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Троянов:
«То не буря соколов несет
За поля широкие и долы,
То не стаи галочьи летят
К Дону на великие просторы!»

Или так воспеть тебе, Боян,
Внук Велесов, наш военный стан:
«За Сулóю кони ржут,
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие трубят,
Во Путивле стяги бранные стоят!»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет.
Молвит буй тур Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои, давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят.

2

А куряне славные —
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли как воины,
С конца копья́ вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,

Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе!»

3

Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И, не зная, что сулит судьбина,
Князь промолвил: «Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей,
Чем от рук поганых полонёну!
Сядем, братья, на лихих коней
Да посмотрим синего мы Дону!»
Вспала князю эта мысль на ум —
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменьем небес пренебрегая:
«Копие хочу я преломить
В половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шеломом!»

4

Игорь-князь во злат стремень вступает,
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло,
Ночь грозою птиц перебудила,

Свист зверей несется, полон гнева,
Кличет Див над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре,
За Сулу, на Сурож, на Поморье,
Корсуню и всей округе ханской,
И тебе, болван тмутороканский!

5

И бегут, заслышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,
И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Дону движется с полками,
А беда несется вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим,
По оврагам волки завывают,
Крик орлов доносится из мглы —
Знать, на кости русские скликают
Зверя кровожадные орлы;
Уж лиса на щит червленый брешет,
Стон и скрежет в сумраке ночном...
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем заклубился,
Говор галок в роще пробудился,
Соловьиный щекот приумолк.

Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе.

7

На рассвете, в пятницу, в туманах,
Стрелами по полю полетев,
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.
Захватили золота без счета,
Груду аксамитов и шелков,
Вымостили топкие болота
Япанчами красными врагов.
А червленый стяг с хоругвью белой,
Челку и копье из серебра
Взял в награду Святославич смелый,
Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега —
Далеко подвинулось оно!
Залетело, храброе, далече,
И никто ему не господин —
Будь то сокол, будь то гордый кречет,
Будь то черный ворон — половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит великий,
И Кончак спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровяные зори
Возвещают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,
Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским преломиться,
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!
    О Русская земля!
    Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели внуки —
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучу стрел на русские полки.
Стоном стонет мать-земля сырая,
Мутно реки быстрые текут,
Пыль несется, поле покрывая,
Стяги плещут: половцы идут!
С Дона, с моря с криками и с воем
Валит враг, но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед боем
Щит к щиту — и степь загородил.

11

Славный яр тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками
О шеломы ратные гремишь.
Где ты ни проскачешь, тур, шеломом.
Золотым посвечивая, там
Шишаки земель аварских с громом
Падают, разбиты пополам.
И слетают головы с поганых,
Саблями порублены в бою,
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
Если жизнь не ценишь ты свою!
Если ты на ратном этом поле
Позабыл о славе прежних дней,
О златом черниговском престоле,
О желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Трояна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Пробираясь к отчему престолу,
Сеял стрелы и, готовясь к брани,
В злат стремень вступал в Тмуторокани,
В злат стремень вступал, готовясь к сече.
Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен саван у Канина брега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,
Укрепив носилки между вьюков,
Святополк отца увез в печали,
На конях угорских убаюкав.
Прозван Гориславичем в народе,
Князь Олег пришел на Русь как ворог.
Внук Дажьбога бедствовал в походе,
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
Вóроны над пашнями кружились,
На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду...
Много битв в те годы отзвучало,
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова
С вечера до самого утра
Бьется войско князя удалого,
И растет кровавых тел гора.
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят,
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные трещат.

Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,
Что там звенит
Далеко во мгле, перед зарею?
Игорь, весь израненный, спешит
Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять.
Бились день, рубились день-другой,
В третий день к полудню стяги пали,
И расстался с братом брат родной
На реке кровавой, на Каяле.
Недостало русичам вина,
Славный пир дружины завершили —
Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили.
Степь поникла, жалости полна,
И деревья ветви приклонили.

16

И настала тяжкая година,
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась Обида от курганов
И вступила девой в край Троянов.

Крыльями лебяжьими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают,
Не идут войной на супостата,
Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
А враги на Русь несутся тучей,
И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушел на сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после грозной сечи!
И явилась Карна и в кручине
Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Желя по дорогам,
Потрясая искрометным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жены русские, рыдая:
«Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам сéребром да златом!»

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный —
Святослава храбрые сыны —
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою
За обиды наших покарав,
Это зло великое грозою
Усыпил отец их, Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил —
Устрашил их сильными полками,
Порубил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил теченье быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал — и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и морава
Что ни день о русичах поют,
Величают князя Святослава,
Игоря отважного клянут.
И смеется гость земли немецкой,
Что, когда не стало больше сил,
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.
И бежит молва про удалого,
Будто он, на Русь накликав зло,
Из седла, несчастный, золотого
Пересел в кощеево седло...
Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

В Киеве далеком, на горах,
Смутный сон приснился Святославу,
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
«С вечера до нынешнего дня,—
Молвил князь, поникнув головою,—
На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою.
Черпали мне синее вино,
Горькое отравленное зелье,
Сыпали жемчуг на полотно
Из колчанов вражьего изделья.

Златоверхий терем мой стоял
Без конька, и, предвещая горе,
Вражий ворон в Плесенске кричал
И летел, шумя, на сине море».

2

И бояре князю отвечали:
«Смутен ум твой, княже, от печали.
Не твои ль два сокола, два чада
Поднялись над полем незнакомым
Поискать Тмуторокани-града
Либо Дону зачерпнуть шеломом?
Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины».

3

В третий день окончилась борьба
На реке кровавой, на Каяле,
И погасли в небе два столба,
Два светила в сумраке пропали.
Вместе с ними, за море упав,
Два прекрасных месяца затмились —
Молодой Олег и Святослав
В темноту ночную погрузились.
И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землею,
И, как барсы лютые, на нас
Кинулись поганые с войною.

И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье,
Прянул Див на землю, и была
Ночь кругом и горя изобилье.

4

Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.
Месть лелеют Шаруканью,
Нет конца их ликованью...
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

5

И тогда великий Святослав
Изронил свое златое слово,
Со слезами смешано, сказав:
«О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Не с великой честию в бою
Вражью кровь на землю проливали.
Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве самочинном.
Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным сединам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав,

Где его черниговские слуги,
Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время — без щитов,
Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,
Чтоб отмстить за наши пепелища.
Вот где славы прáдедовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:
«Нашу славу силой мы возьмем,
А за ней поделим и былую».
Диво ль старцу — мне помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли, двинулось назад?
Ведь под самым Римовом кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой,—
Горе князю в сече боевой!»

6

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчем порадеть?
Ты и Волгу веслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружен.

Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук,—
Продавали б девок по ногате,
А рабов — по резани на круг.

7

Вы, князья буй Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шеломы?
И не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От каленой сабли, от руки
Ратника неведомого края?
Встаньте, государи, в злат стремень
За обиду в этот черный день,
    За Русскую землю,
    За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

8

Ярослав, князь Галицкий! Твой град
Высоко стоит под облаками.
Оседлал вершины ты Карпат
И подпер железными полками.
На своем престоле золотом
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
И народ зовет тебя кругом
Осмомыслом — за великий разум.

Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла,
В киевские входишь ты пределы,
И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы.
Так стреляй в Кончака, государь,
С дальних гор на ворога ударь
    За Русскую землю,
    За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

9

Вы, князья Мстислав и буй Роман!
Мчит ваш ум на подвиг мысль живая,
И несетесь вы на вражий стан,
Соколом ширяясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и Литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копья, пали на траву
И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
Не ко благу дерево листья уронило:
Поганое войско грады поделило.
По Сулé, по Рóси счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингварь, князь Всеволод! И вас
Мы зовем для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас,
Шестокрыльцев княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честном
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копье из ляшской стали?
Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганых в топи утекла.

Но Изяслав, Васильков сын, мечами
В литовские шеломы позвонил,
Один с своими храбрыми полками
Всеславу-деду славы прирубил.
И сам, прирублен саблею каленой,
В чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обагренный,
Упал на щит червленый, простонав:
«Твою дружину, княже, приодели
Лишь птичьи крылья у степных дорог,
И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог».
И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто из братьев в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через златое, братья, ожерелье
Ушла она, покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой прóклятой земли!

14

Шел седьмой по счету век Троянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав
Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.
Замышляя новую крамолу,
Он опору в Киеве нашел,
И примчался к древнему престолу,
И копьем ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем.
И Всеслав, повиснув в синей мгле,
Выскочил из Белгорода зверем —
Не жилец на киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу,
И с Дудуток через лес-дубраву
До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают:
День и ночь снопы кладут на риге —
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом — мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладет он жизнь на поле ратном,
Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав —
Не добром засеял их оратай,
А костями русскими — Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане,
Вечер — в Киеве, до зорь — в Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный путь,
Мог он Хорсу бег пересягнуть.

16

У Софии в Полоцке, бывало,
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вещая душа,
Все ж страданья князя одолели,
И погиб он, местию дыша.
Так свершил он путь свой небывалый.
И сказал Боян ему тогда:
«Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
Не минуют божьего суда».

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние годины вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира уж нет.
Был он храбр, и никакая сила
К Киеву б его не пригвоздила.

Кто же стяги древние хранит?
Эти — Рюрик носит, те — Давыд,
Но не вместе их знамена плещут,
Врозь поют их копия и блещут.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:
　　«Обернусь я, бедная, кукушкой,
　　По Дунаю-речке полечу
　　И рукав с бобровою опушкой,
　　Наклонясь, в Каяле омочу.
　　Улетят, развеются туманы,
　　Приоткроет очи Игорь-князь,
　　И утру кровавые я раны,
　　Над могучим телом наклонясь».
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
　　«Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
　　Что клубишь туманы у реки,
　　Стрелы половецкие вздымаешь,
　　Мечешь их на русские полки?
　　Чем тебе не любо на просторе
　　Высоко под облаком летать,
　　Корабли лелеять в синем море,
　　За кормою волны колыхать?
　　Ты же, стрелы вражеские сея,

Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?»
На заре в Путивле причитая,
Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:
«Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!»
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь промчался к северу родному —
Сам господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.

Уж погасли зори. Игорь спит —
Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно готов.
Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою:
«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула
    Вздрогнула земля,
    Зашумела трава,
Буйным ветром вежи всколыхнуло.

В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь

И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на коне.

Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.

Словно сокол, вьется в облака,
Увидав Донец издалека.

Без дорог летит и без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей.

Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк, бежит,

Все в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

3

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там,
Не трещат сороки боле,
Только скачут по кустам.
Дятлы, Игоря встречая,
Стуком кажут путь к реке,
И, рассвет веселый возвещая,
Соловьи ликуют вдалеке.

4

И, на волнах витязя лелея,
Рек Донец: «Велик ты, Игорь-князь!
Русским землям ты принес веселье,
Из неволи к дому возвратясь».—
«О река! — ответил князь, — немало
И тебе величья! В час ночной
Ты на волнах Игоря качала,
Берег свой серебряный устлала
Для него зеленою травой.
И, когда дремал он под листвою,
Где царила сумрачная мгла,
Страж ему был гоголь над водою,
Чайка князя в небе стерегла.

5

А не всем рекам такая слава.
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав,
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав.

Плачет мать над темною рекою,
Кличет сына-юношу во мгле,
И цветы поникли, и с тоскою
Приклонилось дерево к земле».

6

Не сороки вó поле стрекочут,
Не вороны кличут у Донца —
Кони половецкие топочут,
Гзак с Кончаком ищут беглеца.
И сказал Кончаку старый Гзак:
«Если сокол улетает в терем,
Соколенок попадет впросак —
Золотой стрелой его подстрелим».
И тогда сказал ему Кончак:
«Если сокол к терему стремится,
Соколенок попадет впросак —
Мы его опутаем девицей».—
«Коль его опутаем девицей,—
Отвечал Кончаку старый Гзак,—
Он с девицей в терем свой умчится,
И начнет нас бить любая птица
В половецком поле, хан Кончак!»

7

И изрек Боян, чем кончить речь
Песнотворцу князя Святослава:
«Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглаво».
Мрак стоит над Русскою землей:
Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси —
Игорь-князь явился на Руси.

Вьются песни с дальнего Дуная,
Через море в Киев долетая.

По Боричеву восходит удалой
К Пирогощей богородице святой.

И страны рады,
И веселы грады.

Пели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить нам:

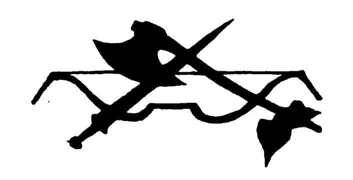
Слава князю Игорю,
Буй тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Слава всем, кто, не жалея сил,
За христиан полки поганых бил!

Здрав будь, князь, и вся дружина здрава!
Слава князям и дружине слава!

1938—1946

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Слово о полку Игореве» написано его автором для современников, у которых события похода Игоря Святославича были еще в памяти. В «Слове» много намеков, много глухих упоминаний, которые были понятны современникам, но которые требуют сейчас многочисленных пояснений. Вот почему обычный перевод «Слова о полку Игореве» оставляет много неясностей, которые не могут быть устранены и обычными примечаниями: примечания не раскрывают последовательности в ходе мыслей автора, дробят цельное впечатление от «Слова», столь важное при чтении художественного произведения.

Объяснительный перевод должен облегчить читателю понимание содержания «Слова», его идейной стороны и композиции. Однако объяснительный перевод не может заменить обычного перевода и не устраняет необходимости в примечаниях, где подробно толкуются исторические упоминания «Слова» и самый его текст.

«Слово о полку Игореве» — произведение исключительно сжатое и содержательное. Оно требует многократного чтения. Читая его вновь и вновь, мы всегда находим в нем новое, не замеченные нами прежде глубины содержания. Для одного из таких чтений и предназначен объяснительный перевод. В скобках помещаются в объяснительном переводе все дополнения и пояснения.

Автор «Слова» отказывается начать свое повествование в старых выражениях и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени; он характеризует старую поэтическую манеру Бояна

Не пристало ли нам, братья, начать старинными выражениями горестное повествование о походе Игоревом, Игоря Святославича?— (Нет,) начать эту песнь надо, следуя за действительными событиями нашего времени, а не по (старинному) замышлению (способу, плану, приему) Бояна. Ибо Боян, вещий, если хотел кому песнь сложить, то (вместо того чтобы следовать «былинам сего времени») растекался мыслию по (воображаемому) дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, как говорил, первоначальных времен войны (и) тогда напускал десять соколов (пальцев) на стадо лебедей (струн): который (из соколов) догонял какую (лебедь), та первая (и) пела песнь («славу») старому Ярославу (Мудрому), храброму Мстиславу (Владимировичу), который зарезал Редедю (касожского князя) перед полками касожскими (в Тмуторокани), прекрасному Роману Святославичу (сыну Святослава Ярославича, князя Тмутороканского). То, братья, Боян не десять соколов на стадо лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал; они же сами собой (без всяких усилий, в привычных старых выражениях, «старыми словесы») князьям славу рокотали.

Автор определяет хронологические границы своего повествования

(Итак,) начнем же, братья, повествование это от старого Владимира (Святославича Киевского) до нынешнего Игоря (Святославича Новгород-Северского), который препоясал ум крепостью своею (подчинил свои мысли своей «крепости» — мужеству, храбрости) и поострил сердце свое мужеством; исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Печальное и тревожное начало похода Игоря

Тогда (в начале того печального похода) Игорь взглянул на светлое солнце и увидел (грозное предзнаменование): от него (Игоря) тьмою (затмения) все его воины покрыты. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше (больше чести) ведь убитым быть (в битве), чем плененным (бесславно дома, бездеятельно дожидаясь половецкого набега); так сядем (же), братья, на своих борзых коней (выступим в поход) да поглядим на синий Дон (в земле Половецкой)». Ум князя (мысль) уступил страстному желанию, и охота отведать великого Дона (дойти с победой до Дона) заслонила ему (недоброе) предзнаменование. «Хочу ведь,— сказал (он),— сам копье преломить (сам вступить в единоборство) на границе поля Половецкого; с вами, сыны русские, хочу (или) сложить свою голову, или испить шлемом Дона (победить половцев на Дону)».

Новое предположение о том, в каких выражениях воспел бы Боян поход Игоря

О Боян, соловей старого времени! Вот бы (уж) ты эти походы (по-соловьиному) воспел, скача, соловей, по воображаемому дереву, летая умом под облаками, соединяя (воедино) славы обеих половин этого времени (славу начальную и конечную времени этого повествования — «от старого Вла-

димира I Святославича до нынешнего Игоря»), рыща по тропе (языческого старого русского бога) Трояна через поля на горы (иначе говоря — переносясь воображением на огромные расстояния). (Пришлось бы) внуку тому (то есть Бояну — внуку бога Велеса, о котором говорится ниже) воспеть песнь (в честь) Игоря (в таких высокопарных старинных выражениях): «Не буря (русских) соколов занесла через поля широкие; стаи (половецких) галок (уже) летят (спасаясь) к Дону великому». Или (так бы) начать петь (тебе), (о) вещий Боян, внук (бога) Велеса: «(«Еще только) кони (вражеские) ржут за (пограничною рекою) Сулою, (а) слава (победы уже) звенит в Киеве; трубы (еще только) трубят (созывая войско) в Новгороде (Северском), а стяги (уже) стоят в Путивле!»

Всеволод одобряет намерение своего брата Игоря выступить в поход

(И вот) ждет Игорь милого брата Всеволода (чтобы идти с ним в поход). И сказал ему буйный тур Всеволод (одобряя его): «Один (ты у меня) брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы — Святославичи (оба мы одного храброго гнезда Святослава Ольговича). (Так) седлай (же), брат (мой), своих борзых коней, а мои-то (уже) готовы, оседланы у Курска раньше. А мои-то куряне — опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, концом копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знакомы, луки у них натянуты (изготовлены к бою), колчаны отворены (приготовлены к бою), сабли изострены; сами скачут, как волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Выступление Игоря в поход и грозные предзнаменования

Тогда (после встречи с Всеволодом) вступил Игорь-князь в золотое стремя (выступил в поход) и поехал по чистому полю. (Хотя незадолго до этого) солнце ему тьмою (затмения)

путь заграждало (предвещая опасность); ночь, стонущи ему грозою, птиц пробудила (как бы стремясь также предупредить его); (зловещий) свист звериный встал (свист степных зверей — сусликов); встрепенулся див (божество восточных народов), кличет на вершине дерева (предупреждая своих о походе русских), велит прислушаться (к походу русских) земле незнаемой (Половецкой степи), Волге, и Поморию, и Посулию (пограничной с Русью земле по реке Суле), и Сурожу (в Крыму), и Корсуню (там же; иными словами — всем враждебным Руси юго-восточным странам), и тебе, Тмутороканский идол (идолу какого-то языческого бога, стоявшему близ Тмутороканн)! И (вот, в ответ на этот клич дива) половцы непроложенными дорогами (дорогами, заранее, как обычно перед походами, не «протеребленными», то есть в крайней спешке) побежали к Дону великому (навстречу войску Игоря); кричат телеги (их) в полночь, словно лебеди преследуемые (соколами). (А) Игорь ведет к Дону воинов (несмотря на все дурные предвестия)!

Ведь уже несчастий его (поражения Игоря) подстерегают (хищные) птицы по дубравам (сопровождая войско в ожидании добычи на поле битвы); волки (воем своим) грозу подымают по оврагам; орлы клектом на кости зверей зовут (предвкушая добычу); лисицы брешут на красные щиты (русских).

О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом!

Ночлег войска Игоря в степи и построение в боевой порядок утром

Долго наступает ночь. (Вечерняя) заря свет уронила (свет зари погас). (Вот и) мгла поля покрыла. (Наконец и) щекот соловьиный уснул; (утренний) говор галок пробудился. Русские сыны (наутро) великие поля красными щитами перегородили (построившись в боевой порядок), ища себе чести, а князю — славы.

Войско Игоря в первой стычке рассеивает передовые отряды половцев. Богатая добыча досталась войску Игоря; сам же Игорь берет себе только боевые знаки врагов

Спозаранку в пятницу потоптали (они — воины Игоря) поганые полки половецкие (рассеяли боевой порядок половецких полков) и, разлетевшись стрелами по полю (за добычей), помчали красных девушек (плененных) половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. (Добыча их была так велика, что) покрывалами, плащами и кожухами стали мосты (гати) мостить через болота и топкие места, и всякими драгоценностями половецкими. (Боевые же знаки:) красный стяг, белая хоругвь, красная челка, серебряное древко (достались) храброму (Игорю) Святославичу.

Снова ночует в поле храбрый выводок князей ольговичей. Лирическое размышление автора о судьбе князей. Движение главных сил половцев к Дону, навстречу Игорю

(И вот) дремлет в поле храбрый (птичий) выводок ольговичей! Далеко залетел! Не был он в обиду порожден ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый (язычник) половец! (А между тем) Гзак бежит серым волком, а Кончак (впереди) ему след правит (указывает следом своего войска путь) к Дону великому (навстречу Игорю).

Войска половцев надвигаются. Сетования автора

На другой день совсем рано кровавые зори свет возвещают; черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца (четырех князей — Игоря, Всеволода, Олега и Святослава), а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! (Быть грому сражения!) Пойти дождю стрелами со стороны Дона великого! Тут копьям изломиться (в рукопашной схватке в

начале битвы), тут саблям побиться о шлемы половецкие, на реке Каяле, у Дона великого.

О Русская земля! Уже ты (осталась) за (пограничным) холмом!

Постепенное развертывание битвы, слитое с изображением надвигающейся грозы

Вот ветры, внуки Стрибога (бога ветров), (уже) веют со стороны моря (с половецкой стороны) стрелами на храбрые полки Игоревы (битва началась перестрелкой из луков). Земля гудит (под копытами конницы, пошедшей в бой), реки мутно текут (взмученные ногами коней, переходящих их вброд), пыль (поднятая множеством половецкой конницы) поля покрывает, стяги (половецкие своим движением) говорят (указывают на то, что) половцы идут от Дона (с востока) и от моря (с юга), и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы (боевым, наступательным) кликом поля перегородили, а храбрые сыны русские перегородили (поля) красными щитами (в сомкнутом оборонительном строю, с плотно составленными щитами, приготовившись к отражению натиска).

Подвиги в битве буй тура Всеволода. В пылу битвы Всеволод не только не чувствует на себе ран — он забыл и феодальную честь, и княжеские обязанности, и любовь к жене

Ярый тур Всеволод! Стоишь ты в (самой) середине боя, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными (своей дружины). Куда (ты), тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая,— там лежат поганые головы половецкие. Рассечены саблями калеными шлемы аварские тобою, ярый тур Всеволод! Какая из ран дорогá (чувствительна) тому, кто (в пылу битвы), братья, забыл (даже) честь (феодальную честь — честь, связанную с выполнением своих феодальных обязательств по отношению к старшему князю — Святославу Киевскому), и достояние (своего княжества), и

отцовский золотой стол города Чернигова, и своей милой-желанной, прекрасной (Ольги) Глебовны (жены Всеволода — дочери Глеба Юрьевича Переяславского) свычаи и обычаи (привычки и обычаи: «любовь и ласку»)!

Лирическое отступление автора. Он как бы не в силах сразу рассказывать о поражении. Автор вспоминает прошлое Руси и говорит о родоначальнике нынешних князей ольговичей — Олеге Святославиче. Олег своими походами положил начало междоусобиям в Русской земле. Страшные последствия междоусобий Олега Святославича для мирного трудового населения Руси

Были века (бога) Трояна (века языческие), (затем) минули годы Ярославовы (Ярослава Мудрого и его сыновей — ярославичей); были (и) походы Олеговы (Олега Святославича — «Гориславича»). Тот ведь Олег мечом крамолу ковал (создавал смуту) и стрелы по земле сеял. (Только что) ступает (он) в золотое стремя (выступая в междоусобный поход) в городе Тмуторокани, как тот звон (звон выступления в междоусобный поход) слышал давний (уже к тому времени умерший) великий Ярослав (Мудрый — противник раздоров и их предвидевший), а сын Всеволода Владимир (Мономах, современник Олега и также противник раздоров) каждое утро уши себе закладывал в Чернигове (где он княжил; настолько тревожил его этот звон). Храброго же и молодого князя Бориса Вячеславича (сына Вячеслава Ярославича) похвальба (перед битвой на Нежатиной Ниве) привела на суд божий и на (реке) Канине постлала ему зеленое погребальное покрывало (зеленую траву) за обиду (за поруганную честь) Олега (Святославича). С такой же (злосчастной, начавшейся по вине Олега Святославича) Каялы (то есть с битвы на Нежатиной Ниве, сравниваемой здесь с битвой на Каяле Игоря) Святополк (Изяславич) полелеял (тело) отца своего (Изяслава Ярославича) между венгерскими иноходцами (как обычно

перевозили раненых и убитых) к (храму) святой Софии в Киеве. (Следовательно, поражение потерпели обе стороны.) Тогда, при Олеге Гориславиче, засевалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажьбожьего внука (русского народа); в княжеских крамолах укорачивались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали (на лошадей, распахивая землю), но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу.

Сравнение тех ратей Олега Святославича с ратью нынешней — его потомков. Ожесточенность битвы Игорева войска

То было в те (давние) рати и в те походы, а такой рати (как эта — Игоря Святославича) еще не слыхано! С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копья булатные в поле незнаемом, среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костями (павших) была засеяна, а кровью полита: горем взошли (они) по Русской земле.

Поражение войск Игоря. Природа сочувствует несчастью русских

Что мне шумит (что за шум до меня доносится), что мне звенит (что за звон мне слышится) в дали (с поля далекой битвы) рано (утром) перед зорями? (То) Игорь (Святославич) возвращает (бегущие) полки (черниговских ковуев), ибо жаль ему милого брата Всеволода. Бились (ведь они) день, бились другой, (но) на третий день к полудню пали стяги Игоревы (Игорь потерпел поражение). Тут два брата (Игорь и Всеволод) разлучились (захваченные в плен и доставшиеся разным ханам) на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина недостало, тут пир (битву) окончили храбрые русичи: сватов (половцев, половецких князей, которые постоянно

вступали в браки с русскими княжнами) напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости (к павшим), а дерево с тоской к земле приклонилось.

Печальные размышления автора по поводу тяжелого положения Русской земли

Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня (нежилое пространство — степь) войско прикрыла (трупы убитых покрыла трава). Встала обида в (этих полегших) войсках Дажьбожья внука (то есть русских), вступила девою на землю Трояню (на Русь), восплескала лебедиными крылами на синем море у Дона; плеща, прогнала времена обилия (довольства). Борьба князей против поганых (язычников) прекратилась, ибо сказал брат брату (князь князю): «Это мое, и то (тоже) мое». И стали князья про (всякую) малость «это великое» говорить и сами (тем самым) на себя крамолу ковать. А поганые (пользуясь этим) со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

Оплакивание погибших в бою ратников Игоря

О! (увы!) далеко залетел сокол (Игорь), птиц (половцев) побивая, — к морю! Игорева храброго полка не воскресить (случившегося не воротишь)! По нем (по погибшем полку Игоря) кликнула (заплакала погребальным плачем) Карна, и Желя (погребальные боги) поскакала по Русской земле, размыкивая огонь в пламенном (погребальном) роге. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих милых, любимых ни мыслию не смыслить, ни думою не сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра (и в руках своих) совсем не погладить».

Последствия поражения Игоря

И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная по-

текла посреди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые (половцы), с победами нарыскивая на Русскую землю, сами брали дань по белке от двора.

Объяснение причин, по которым поражение Игоря оказалось столь тяжелым для всей Русской земли: Игорь своим неудачным походом уничтожил плоды предшествующего победоносного похода на половцев Святослава Киевского

Ибо (потому это все произошло, что) те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже коварство (половцев) пробудили (своим) раздором (со своим главой Святославом и с другими князьями, не захотев сражаться вместе против половцев), а его (это коварство) усыпил было «отец» их (их глава) Святослав (Всеволодович Киевский, двоюродный брат Игоря и Всеволода) грозный великий киевский грозою (страхом, который нагнал на половцев): прибил (половцев) своими сильными полками и булатными мечами, наступил на землю Половецкую (за год перед тем), притоптал холмы и овраги (половецкие), возмутил реки и озера (переходя их вброд), иссушил потоки и болота («мосты мостя» по «грязивым местам»— прокладывая дороги войску). А (самого) поганого (хана) Кобяка от лукоморья (у Азовского моря) из железных великих полков половецких, как вихрь, исторг (захватив в плен): и упал Кобяк в городе Киеве, в Святославовой гриднице (в большой пиршественной палате, которую иногда, в случае большого количества пленных, использовали как тюрьму). Тут-то немцы и венецианцы, тут-то греки и моравы поют славу Святославу, укоряют князя Игоря, потопившего богатство на дне Каялы — реки половецкой,— насыпавшего (на дно Каялы) русского золота (ведь для Руси прошли времена обилия после поражения Игоря). Тут-то Игорь-князь пересел из седла золотого (княжеского) в седло рабское

(стал из князя рабом — пленником). Приуныли у городов забралы (оборонительные переходы поверху городских стен, куда обычно высыпал народ, встречая или провожая войско, где оплакивали павших вдали), и веселье (в городах) поникло.

Автор переносит повествование в Киев, к Святославу Киевскому: Святослав в Киеве видит тяжелый и неясный для него по своему значению сон

А Святослав смутный (непонятный, неясный для него) сон видел в Киеве на горах (где он жил). «В эту ночь с вечера одевают меня, — говорит (он), — черным погребальным покрывалом на кровати тисовой; черпают мне синее вино, с горем смешанное; сыплют мне из пустых (опорожненными от стрел) колчанов поганых иноземцев крупный жемчуг на грудь и нежат меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом (как при покойнике, когда умершего выносят из дому через разобранную крышу). Всю ночь с вечера серые вороны каркают (предвещают несчастье) у Плесеньска (под Киевом), в предградье стоял лес Кияни (Киянь — речка под Киевом), и понесли меня вороны к синему морю (на юг, к местам печальных событий)».

Бояре Святослава объясняют ему значение его сна, рассказывая о поражении Игоря

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум (твой) полонило; ведь вот два сокола (Игорь Святославич и Всеволод Святославич) слетели с отчего престола золотого (как с соколиной колодки, с которой слетают соколы при соколиной охоте), чтобы добыть город Тмуторокань или испить шлемом из Дону (одержать победу на Дону). Уже (этим двум) соколам крыльица подсекли саблями поганых, а самих опутали в путины (надевающиеся соколам, чтобы они не улетели) железные (заковали в кандалы).

С новой силой возникает тема поражения Игоря. Мысленно перенесясь в центр Руси — к Святославу в Киев, автор «Слова» оценивает поражение Игоря на этот раз с точки зрения внешнего, международного положения Руси

Ибо (потому так толковали сон бояре, что) темно было в третий день (битвы Игоря с половцами): два солнца (Игорь и Всеволод) померкли, оба багряные столба (лучей) погасли, и с ними (погасли) два молодых месяца — Олег и Святослав (Олег Игоревич и Святослав Рыльский — сын и племянник Игоря) — тьмою заволоклись и в море погрузились, и великую смелость возбудили (своим поражением) в хиновах (восточных народах). На реке на Каяле (в месте поражения Игоря) тьма свет покрыла (темные силы одолели светлые); по Русской земле простерлись половцы, как выводок гепардов. Уже спустился позор на славу (позор поражения заслонил собою былую славу); уже ударило насилие (половецкое) на свободу (русских); уже бросился див на землю (Русскую). И вот готские красные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают (они) время Боза (антского князя, разбитого готским королем Винитаром), лелеют месть за Шарукана (деда хана Кончака, разбитого Владимиром Мономахом). А мы уже, дружина, без веселия (остались).».

Узнав о поражении Игоря, Святослав произносит свое «золотое слово», в котором упрекает Игоря и Всеволода в нарушении феодального послушания, сетует на «непособие» ему русских князей и указывает на первое последствие поражения Игоря — нападение половцев на Переяславль-Русский

Тогда великий Святослав (Всеволодович Киевский) изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О мои дети (мои младшие князья), Игорь и Всеволод! Рано вы начали (слишком вы поторопились) Половецкой земле мечами

обиду творить, а себе славы искать, но одолели (вы половцев) без чести (для себя), без чести ведь кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата выкованы и в смелости закалены. Что же сотворили (вы) моей серебряной седине? Не вижу я уже (также) власти (не вижу его держащим власть в своих руках) сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава (Всеволодовича Черниговского), с черниговскими боярами, с воеводами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами (то есть со всеми черниговскими ордами ковуев). Те ведь без щитов, с одними засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу (побеждают, наводя ужас только боевым кличем и своей славой храбрых воинов, перешедшей к ним от прадедов). Но вы сказали: «Помужествуем сами (сами проявим мужество, не прибегая ни к чьей помощи), прошлую славу (славу предшествующего похода соединенных русских сил под главенством Святослава Киевского) сами похитим (присвоим себе славу замирителей степи, принадлежащую Святославу Киевскому), а будущую (славу своего собственного похода) сами поделим (между собой только, не привлекая других князей к походу)!» А разве дивно, братья, (мне) старому помолодеть (разве удивительно, что я перед тем победил половцев — в том походе, славу которого вы хотели похитить): когда сокол надел оперение взрослой птицы, высоко (он) птиц взбивает; не даст гнезда своего в обиду. (Следовательно: я-то силен, хоть и стар, защищаю свое гнездо), но вот зло — князья мне не в помощь (остальные князья мне не помогают): худо времена обернулись. И вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир (Глебович Переяславский) под ранами (полученными им под Переяславлем при обороне его от вторгшихся на Русь вслед за поражением Игоря половцев). Горе и тоска сыну Глебову (Владимиру Глебовичу)!»

На этом заканчивается «золотое слово» Святослава, и сам автор, как бы продолжая «золотое слово», начинает призывать князей на защиту Руси. Автор обращается к Всеволоду Юрьевичу Владимирскому с призывом выступить за Русскую землю

Великий князь Всеволод (Всеволод Юрьевич Владимиро-Суздальский)! (Неужели) и мысленно тебе не прилететь издалека (из Владимира-Суздальского), отцов золотой престол поблюсти (поблюсти киевский престол, на котором когда-то сидел отец Всеволода — Юрий Долгорукий)? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать (у тебя столько воинов, что ты легко можешь завоевать всю Волгу), а Дон шлемами вычерпать (ты не только можешь «испить из Дону воды», то есть завоевать земли по Дону, но ты можешь вычерпать его весь). Если бы ты (только) был (здесь — на юге), то была бы (продавалась бы) невольница (половецкая) по ногате (по мелкой монете), а раб (половчин) — по резани (по еще более мелкой монете; так велики были бы последствия твоего пребывания здесь). Ты ведь можешь посуху живые копья метать — удалых сыновей Глебовых! (Князьями рязанскими — сыновьями Глеба Ростиславича. Рязанских князей, княживших на юг от города Владимира, автор «Слова» сравнивает с копьями — оружием первой стычки в бою.)

Автор обращается к Рюрику и Давыду Ростиславичам с призывом выступить за Русскую землю

Ты, буйный Рюрик (Ростиславич), и Давыд (Ростиславич)! Не ваши ли воины золочеными шлемами по крови плавали (следовательно: не вам ли отомстить за своих воинов)? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями калеными на поле незнаемом (в земле Половецкой; не ваша ли дружина рвется в бой отомстить за свои раны)? Вступите (же), господа, в золотые стремена (выступите в поход) за обиду сего времени (отомстите за поражение Игоря), за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Автор обращается к Ярославу Владимировичу Галицкому с призывом выступить за Русскую землю

Галицкий (князь) Осмомысл Ярослав! Высоко (на горе в галичском кремле) сидишь ты на своем златокованом престоле, подпер (ты) горы венгерские (Карпаты) своими железными полками, загородив королю (венгерскому) путь (проходы в Карпатах), затворив Дунаю (странам и народам по Дунаю, подвластным Византии) ворота (своей земли; то есть крепко оберегая границы своей земли и от венгерского короля и от Византии), меча тяжести через облака (Ярослав обычно посылал войска в далекие походы, не сопровождая их сам), суды творя до Дуная (верша суд, управляя землями до самого Дуная). Грозы твои по странам текут (страны боятся тебя), (ты) отворяешь Киеву ворота (Киев тебе покорен), стреляешь с отцова золотого стола (с престола, доставшегося тебе по наследству от отца) салтанов за землями (сидя на своем наследственном престоле и не выступая сам в поход, посылаешь войска против салтана Саладина). (Так) стреляй (же), господин, в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Автор обращается к Роману Мстиславичу Волынскому и к Мстиславу (Пересопницкому или Городенскому) с призывом выступить за Русскую землю

А ты, буйный Роман (Мстиславич Волынский), и Мстислав (Ярославич Пересопницкий или другой князь — Мстислав Всеволодович Городенский)! Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко паришь (ты, Роман) на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремясь птицу в смелости одолеть. Ведь у вас железные подвязи под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие страны — Хинова (восточные народы), Литва, Ятвяги, Деремела (литовские племена)

и половцы копья свои повергли (потерпели поражение, бросили оружие), а головы свои подклонили под те мечи булатные (были перебиты мечами).

Предшествующее обращение к волынским князьям осталось незаконченным. Под влиянием воспоминаний о победах Романа вновь возникает тема поражения Игоря. Павших воинов не воскресить!

Но уже (но теперь, в противоположность тем победам над половцами), о князь Игорь, померк солнца свет, а дерево не добром листву сронило: по Роси и по Суле города (русские) поделили (половцы между собою). А Игорева храброго полка не воскресить (не вернуть дружины Игоря)! (Помнишь, князь Игорь, что ты говорил:) «Дон тебя, князь (Игорь), кличет и зовет князей на победу!» (Вот) ольговичи, храбрые князья, (и) поспели на брань... (За год до своего похода Игорь и Всеволод не поспели принять участие в победоносном походе объединенных русских сил под предводительством Святослава Киевского; теперь же, захотев одни «испить Дону», они поспешили лишь к своему поражению.)

Возобновляя свое обращение к волынским князьям, автор перечисляет Ингваря и Всеволода Ярославичей и Мстиславичей: Романа, Святослава и Всеволода. Он призывает их выступить за Русскую землю и отомстить за раны Игоря Святославича

Ингварь (Ярославич), и Всеволод (Ярославич), и все трое Мстиславичей (Роман, Святослав и Всеволод — князья волынские)! Не худого гнезда соколы (не плохой вы выводок соколов), (но) не по праву побед расхитили (добыли) себе владения! Где же ваши золотые шлемы, и копья польские, и щиты (на что употребляете вы ваше оружие)? Загородите (же) полю ворота (замкните русские границы со степью) своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Обращаясь к полоцким князьям, автор прежде всего указывает на общую беззащитность от «поганых» южных (по Суле) и западных (по Двине — у Полоцка) границ Руси. Он напоминает о безнадежной попытке Изяслава Васильковича Полоцкого одному защитить свои границы от врагов Руси и о его одинокой кончине на поле битвы

Уже ведь (пограничная река) Сула не течет серебряными струями для города Переяславля (не служит для Переяславля-Южного защитой от нападений половцев) и Двина (другая пограничная река — на северо-западе) болотом течет для тех грозных полочан (не служит защитой для жителей Полоцка) под (боевым) кликом поганых (литовцев; иными словами: пограничная Сула и пограничная Западная Двина как бы превратились в болотистые речушки, не служат преградами, на них не оказывается сопротивление). Один (только) Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шлемы литовские (вступил в сражение с литовцами), прибил славу деда своего Всеслава (потерпев поражение, погубил тем самым славу своего предка Всеслава Полоцкого — славу Полоцкого княжества), а сам под (своими) красными щитами на кровавой траве был прибит на (пролитую) кровь мечами литовскими (вместе) со своим любимцем (любимым песнотворцем), а тот и изрек: «Дружину твою, князь, птица (хищная, питающаяся мертвечиной) крыльями приодела, а звери кровь (павших и раненых) полизали!» Не было тут (в этой битве) ни брата (его) Брячислава (Изяславича), ни другого (брата) — Всеволода. Так, в одиночестве, изронил (он) жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселие, трубы трубят городенские (в знак сдачи города).

Описав слабость полоцких князей в защите своих собственных границ, автор обращается с призывом ко всем князьям полоцким — потомкам Всеслава и ко всем остальным русским князьям — потомкам Ярослава Мудрого прекратить взаимную вражду, признать, что обе стороны потерпели в этом междоусобии поражение и погубили славу, перешедшую к ним от дедов

Ярослава (Мудрого) все внуки и (внуки) Всеслава (Полоцкого. Две ветви князей, постоянно враждовавшие)! Уже склоните стяги свои (в знак вашего поражения) и вложите (в ножны) свои поврежденные (в междоусобных битвах) мечи. Ибо лишились вы (подлинной боевой) славы ваших дедов. Ибо вы своими крамолами стали наводить язычников на землю Русскую (на владение ярославичей), на достояние Всеслава (на Полоцкую землю). Из-за (вашей) усобицы ведь настало насилие от земли Половецкой.

Безнадежность усобиц автор показывает на примере неприкаянной судьбы родоначальника полоцких всеславичей — Всеслава Брячиславича Полоцкого

На седьмом (на последнем) веке (языческого бога) Трояна (то есть напоследок языческих времен) кинул Всеслав жребий о девице ему милой (попытал счастья добиться Киева). Он хитростями оперся на коней (которых потребовали восставшие киевляне) и скакнул (из подгороднего «поруба», где он сидел в заключении, наверх) к городу Киеву и коснулся древком (копья) золотого (княжеского) престола киевского (добыв его ненадолго не по праву наследства и не «копием», то есть не военной силой, а древком копия — как в столкновениях между своими). Скакнул от них (от восставших киевлян — своих союзников) лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей (ночною) мглою, добыл счастья; с трех попыток (тремя приступами) отворил ворота Новгорода, расшиб славу (основоположника новгородских вольностей) Ярослава

(Мудрого), скакнул волком до (реки) Немиги от Дудуток (возможно — место под Новгородом). На Немиге (не мирно трудятся) — снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были посеяны — посеяны костьми русских сынов (вместо мирного труда — война на Немиге).

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил (властвуя, следовательно, и над простыми людьми и над князьями), а сам (не имея пристанища) ночью (как тогда, когда бежал из Белгорода) волком рыскал: из Киева дорыскивал ранее (пения) петухов до Тмуторокани, великому Хорсу (богу солнца) волком путь перерыскивал (до восхода перебегая ему дорогу). Для него в (его престольном городе) Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве (в заключении) звон (тот принужден был) слышать. Хоть и вещая душа (была у него) в храбром теле, но часто (он) от бед страдал. Ему вещий Боян давно (еще) припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать» (как ни «горазд» был Всеслав, но вся его неприкаянная жизнь была как бы возмездием, «судом божьим», за его усобицы).

В лирическом отступлении автор вспоминает первых русских князей, их многочисленные походы на врагов Руси и противопоставляет их современным ему несогласиям между братьями Рюриком и Давыдом в сборах на половцев

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена (еще до Всеслава Полоцкого) и первых князей (очевидно, Олега, Игоря, Святослава, Владимира)! Того старого Владимира (Святославича) нельзя было пригвоздить к горам киевским (так часто он ходил в походы на недругов Русской земли); вот ведь (и) теперь встали стяги (приготовившись к походу) Рюрика (Ростиславича) и другие (его брата) Давыда (Ростиславича), но врозь у них развеваются полотнища знамен

(нет между ними согласия. Забыты, следовательно, походы первых русских князей на врагов Руси; в нынешних походах нет между князьями согласия). Копья поют (слышатся звуки битвы)!

Возвращаясь к повествованию об Игоре, автор передает плач жены Игоря — Ярославны

На Дунае Ярославнин (жены Игоря — дочери Ярослава Осмомысла) голос слышится (голос Ярославны долетает до крайних границ Руси — до берегов Дуная), кукушкою безвестною рано (она) кукует. «Полечу,— говорит,— кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке (где потерпел поражение Игорь), утру князю (Игорю) кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале (на переходах городских стен), приговаривая: «О ветер, ветрило! Зачем ты, господин, веешь навстречу (русским полкам)? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего милого? Разве мало тебе было в вышине под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет в Путивле-городе на забрале, приговаривая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы (в местах днепровских порогов) сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы (Святослава Всеволодовича Киевского) насады (суда с «насаженными», надшитыми бортами) до стана Кобякова (до стана половецкого войска хана Кобяка, разбитого Святославом за год до похода Игоря). Прилелей (же), господин, ко мне моего милого, чтобы не слала рано я к нему слез на море» (там, где у моря, в местах постоянных кочевий половцев в приазовских степях, находился в плену Игорь).

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «Светлое и трижды светлое солнце! Для всех ты тепло

и прекрасно: к чему (же), господине, простерло (ты) горячие свои лучи на воинов моего милого? В поле безводном жаждою им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло» (в трехдневном бою воины Игоря жестоко страдали от жажды).

Как бы в ответ на мольбу Ярославны, «богъ путь кажетъ» Игорю на Русскую землю

Прыснуло море в полуночи, идут смерчи тучами. Игорю-князю бог путь указывает (этими приметами) из земли Половецкой в землю Русскую, к отчему золотому столу (в Чернигове).

Описание бегства Игоря

Погасли вечером зори. Игорь спит, Игорь бодрствует, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. Коня в полночь Овлур (крещеный половец — друг Игоря) свистнул за рекою, велит князю разуметь: князю Игорю не оставаться (в плену)! (Овлур) кликнул, застучала земля (под копытами коней), зашумела (потревоженная) трава, вежи половецкие задвигались (половцы заметили бегство Игоря). А Игорь-князь поскакал горностаем к (прибрежному) тростнику и белым гоголем на воду. Вскочил на борзого коня и соскочил с него серым волком. И побежал к излучине Донца, и полетел соколом под облаками, сбивая гусей и лебедей к завтраку, и обеду, и ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, стряхивая собою студеную росу: (оба) ведь надорвали своих борзых коней.

Разговор Игоря с рекой Донцом

Донец говорит: «Князь Игорь, немало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!»

Игорь говорит (в ответ): «О Донец! Немало тебе величия за то, что ты лелеял князя (Игоря) на волнах, стлал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева; ты стерег его (Игоря)

гоголем на воде (чуткий к приближению человека гоголь предупреждал его об опасности), чайками на струях (чайки, поднимаясь с воды, предупреждали его о приближении погони), чернядями на ветрах (чуткими к приближению человека чернядями). Не такова-то,— говорит (он, Игорь),— река Стугна: мелкое теченье имея, поглотив чужие (с половецкой стороны текущие) ручьи и потоки, широкая (полноводная) к устью, (когда-то) юношу князя Ростислава (брата Владимира Мономаха) заключила (утопила во время бегства от половцев после поражения). На темном берегу Днепра плачет мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. (Тогда) уныли цветы от жалости, и дерево с тоской к земле приклонилось».

Погоня за Игорем. Разговор Гзака и Кончака о том, как удержать Игоря в плену

То не сороки застрекотали — по следу Игоря едут (разговаривая — «стрекоча») Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали (в противоположность помощи Игорю гоголей, чаек, чернядей — вороны, галки и сороки молчали), полозы (степные змеи) ползали только. Дятлы стуком (в зарослях деревьев в глубоких долинах степных рек) кажут путь к реке (Игорю), да соловьи веселыми песнями рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол (Игорь) к гнезду (на родину) летит, расстреляем соколенка (сына Игоря, Владимира, оставшегося в плену) своими золочеными стрелами».

Говорит Кончак Гзаку: «Если сокол к гнезду летит, то мы соколенка опутаем красною девицею (женим его на половчанке)».

И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы (оба уйдут на Русь), и станут нас птицы (соколы — русские) бить в степи Половецкой (русские вновь пойдут походом в наши степи, если упустим заложника)».

Все то говорили Гзак с Кончаком, а вот что сказали Боян с Ходыной о Русской земле, когда в ней нет князя

Сказали Боян и Ходына — песнотворцы Святославовы (Святослава Ярославича) старого времени Ярослава, Олега-князя (Олега Святославича — «Гориславича») любимцы: «Тяжко голове без плеч, беда телу без головы», (так и) Русской земле без Игоря.

Исполнилось все не так, как говорили Гзак и Кончак. Игорь вернулся на Русь

«Солнце светится на небе, (а) Игорь-князь в Русской земле»: (это русские) девицы поют (славу Игорю) на Дунае,— вьются голоса (их) через море до (самого) Киева. (То) Игорь (вернувшись из плена) едет (в Киев) по Боричеву (подъему) к (церкви) святой богородицы Пирогощей (возблагодарить богородицу — покровительницу плененных). Села рады, города веселы. (Вся Русская земля, до далеких дунайских русских поселений, радуется возвращению Игоря.)

Заключительная слава князьям — участникам похода и дружине

Певши песнь (славу) старым (заслуженным) князьям, потом (следует) и молодым петь; (итак): «Слава (старым князьям) Игорю Святославичу, буй туру Всеволоду, (а также и молодому князю) Владимиру Игоревичу!» (Будьте) здравы, князья и дружина, борясь за христиан против поганых (половецких) полков!

Князьям слава и дружине! Аминь.

Д. Лихачев

КОММЕНТАРИИ

Древнерусский список текста «Слова о полку Игореве» не сохранился. В настоящее время мы располагаем лишь воспроизведениями рукописи «Слова»: первым изданием 1800 г., осуществленным А. И. Мусиным-Пушкиным и известными в то время знатоками древнерусской письменности, архивистами и археографами Н. Н. Бантышом-Каменским и А. Ф. Малиновским; Екатерининской копией — списком с древнерусского текста, который был сделан по поручению А. И. Мусина-Пушкина для Екатерины II в начале 90-х гг. XVIII в.; выписками из древнерусского текста «Слова» Н. М. Карамзина и А. Ф. Малиновского[1]. Сопоставление первого издания, Екатерининской копии и выписок из «Слова» Карамзина и Малиновского говорит о том, что древнерусский текст памятника был в первом издании воспроизведен для своего времени достаточ-

[1] Древнерусский текст «Слова о полку Игореве» по первому изданию с подведением к нему всех разночтений как Екатерининской копии, так и выписок Н. М. Карамзина и А. Ф. Малиновского (не только в написании слов, но и в расстановке знаков препинания) см.: Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследования. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 257—266. Здесь же см. историю первого издания «Слова», описание и публикацию всех материалов, связанных с первым изданием, и описание 60; известных в 1960 г., экземпляров первого издания «Слова о полку Игореве».

но точно. Вместе с тем, на основании этих же материалов, мы видим, что ни первое издание, ни Екатерининская копия абсолютно точными признаны быть не могут.

В Древней Руси текст писался в сплошную строку. При передаче его с делением на слова могут быть допущены ошибочные прочтения. Целый ряд таких ошибок есть и в первом издании и в Екатерининской копии. Изучение издательских принципов, которыми руководствовались первые издатели «Слова», подготавливая к печати другие древнерусские произведения, показало, что они вносили изменения в написание отдельных слов в соответствии с нормами современного им правописания («і» вместо «и», постановка конечного «ъ» в тех случаях, когда в рукописи его нет, написание «ѣ» вместо «е» и наоборот и т. п.). Древнерусские тексты писались с употреблением выносных букв — написанием отдельных букв не в составе слова, в строке, а над строкой, иногда в виде условных значков. При воспроизведении текстов выносные буквы могли определяться не верно, вообще пропускаться. В древнерусских рукописях многие написания не всегда могут быть определены с достаточной точностью, в их расшифровке может иметь место ошибочное толкование и т. д. На основе высказываний лиц, видевших рукопись, грамматического анализа текста исследователи пришли к заключению, что рукопись «Слова о полку Игореве», которой располагал А. И. Мусин-Пушкин, следует датировать XVI веком. Значит, это уже был список с более ранней рукописи памятника и в нем могли иметься ошибки, накопившиеся в результате переписывания текста древнерусскими книжниками. Наконец, и первыми издателями, и писцами, готовившими для них тексты набело, и типографскими работниками при наборе первого издания могли быть сделаны чисто механические ошибки.

Все это учитывается при современных изданиях древнерусского текста «Слова о полку Игореве». Прежде всего, текст первого издания, там где это необходимо, исправляется по

Екатерининской копии, в которой, в ряде случаев, более точно переданы написания рукописи «Слова» (об этом мы судим на основе данных истории древнерусского языка). Исправлены все ошибочные деления текста на слова, имевшие место в первом издании. Внесены существенные изменения в расстановке знаков препинания. В первом издании их расстановка определялась осмыслением текста памятника первыми издателями, и здесь были допущены как явные ошибки, так и неверные трактовки оригинала. Наконец, в каждое современное издание древнерусского текста «Слова о полку Игореве» вносятся конъектурные поправки.

Конъектурными поправками называются такие исправления, при которых вносятся изменения в написание отдельных слов, добавляются или опускаются отдельные слова. Необходимость конъектурных исправлений в «Слове» диктуется бесспорным наличием в нем тех ошибок, о которых говорилось выше. Обоснованными конъектурами считаются только такие, смысл которых оправдан окружающим контекстом и текстом всего памятника в целом. Каждое исправление принимается лишь в том случае, если вносимые изменения подтверждаются палеографическими данными (т. е., если иное прочтение того или иного слова в тексте объясняется особенностями написания этого слова в древнерусских рукописях), если вновь предлагаемое прочтение является таким словом, которое существует в русском языке XII в., и его форма соответствует грамматическим нормам времени создания произведения. Многие из предложенных исследователями конъектур стали общепризнанными и бесспорными. Но в «Слове о полку Игореве» есть так называемые «темные места»— такие отрывки текста, смысл которых остается до сих пор не до конца выясненным. В этих случаях предлагается либо предположительное прочтение-толкование «темных мест», либо они опускаются совсем.

В этой книге древнерусский текст «Слова о полку Игореве» дается в прочтении академика Д. С. Лихачева. За осно-

ву взят текст первого издания, в который внесены исправления по Екатерининской копии и выпискам Карамзина и Малиновского, а также необходимые конъектуры.

Кроме научно-поэтического перевода «Слова о полку Игореве» Д. С. Лихачева, параллельного древнерусскому тексту памятника, в книге напечатан его же «Объяснительный перевод», который помогает читателю глубже вникнуть в содержание «Слова», понять намеки и иносказания, встречающиеся в тексте произведения. Однако «Объяснительный перевод» не может заменить комментариев, без которых и при наличии этого перевода многое останется для современного читателя неясным. В предлагаемых читателю комментариях мы стремились в возможно сжатой форме отразить современные представления об упоминаемых в произведении исторических лицах, географических понятиях, исторических реалиях восьмисотлетней давности, раскрыть тот подтекст памятника, который без комментариев остается для современного читателя скрытым.

Комментирование «Слова о полку Игореве» началось с первого издания и продолжается до наших дней. Накопился огромный и ценнейший материал, представляющий интерес не только для понимания этого произведения, но и древнерусской истории, культуры и литературы вообще. Читателю, которого заинтересуют более подробные комментарии к «Слову о полку Игореве», который захочет узнать об истории его комментирования, о различных толкованиях «темных мест», мы рекомендуем обратиться к изданию «Слова» в академической серии «Литературные памятники» («Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950). Здесь на с. 375—466 помещен обширный «Комментарий исторический и географический» Д. С. Лихачева. Большой сводный материал по комментированию «Слова» собран в изд.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова. Первый выпуск этого издания вышел в свет в 1965 г., последний, шестой,

выпуск — в 1984 г. Подробные очерки о жизни и деятельности героев «Слова о полку Игореве» читатель найдет в книге академика Б. А. Рыбакова: «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

* * *

Слово.— В древнерусской письменности «словами» назывались произведения разного жанра, как церковно-учительные, так и повествовательные. В самом тексте автор называет свое сочинение и «повестью» («Почнемъ же... повѣсть сию...») и «песнью» («Начати же ся тъй пѣсни...»).

Плъкъ — полк. В древнерусском языке «полк» означало: войско, поход, сражение, война. В заглавии значение — «поход» (произведение повествует и о предшествующих битве Игоря с половцами событиях, и о последующих), в тексте встречается и в значении «поход»: «были плъци Олговы», и в значении «войско»: «наведе своя храбрыя плъкы».

Игорь — Игорь Святославич (1151—1202), сын черниговского князя Святослава Ольговича, внук Олега Святославича Черниговского («Гориславича» в «Слове о полку Игореве» — см. комм. на с. 202). В 1179 г., после смерти старшего брата Олега, Игорь получил в удел Новгород-Северское княжество. С 1198 г. по год смерти был князем черниговским.

...по былинамь сего времени...— Слово «былина» в древнерусских текстах встречается только в «Слове о полку Игореве» и в «Задонщине», где оно восходит к «Слову». «Былины сего времени» противопоставляются «замышлению Бояню»— значит, слово «былина» в древнерусском языке означало «правда», «быль».

Боян — певец-поэт, пользовавшийся в Древней Руси большой славой. В «Слове» перечисляются князья, деяния которых воспевал Боян: «старый Ярослав» (ум. в 1054 г.), «храбрый Мстислав» (ум. в 1036 г.), «красный Роман Святославич»

(ум. в 1079 г.). Приводится припевка Бояна Всеславу Полоцкому (ум. в 1101 г.): «Ни хытру, ни горазду... суда божиа не минути». В конце «Слова» Боян назван песнотворцем Святослава и любимцем Олега Святославича (Святослав — сын «старого Ярослава», ум. в 1076 г., Олег — сын Святослава и родной брат «красного Романа», ум. в 1115 г.). Таким образом Боян был тесно связан с предками Игоря и, судя по упоминаемым рядом с его именем князьям, жил и творил в середине XI — самом начале XII в. Имя собственное «Боян» встречается в надписи (граффито), датируемой концом XI—XII вв., на колонне Софийского собора в Киеве и в трех новгородских берестяных грамотах XI—XII вв.

...старому Ярославу... — Ярослав Владимирович Мудрый (978—1054). В 1015 г. умер великий князь киевский Владимир Святославич («Владимир красное солнышко» русских былин). За Киевское княжение началась борьба между наследниками. Одолев Святополка, захватившего киевский престол, Ярослав вокняжился в Киеве в 1019 г. В борьбу с ним вступил его брат Мстислав Тмутороканский. После битвы при Листвене в 1024 г., в которой победу одержал Мстислав, братья по договору 1026 г. поделили Киевскую Русь: к Мстиславу отошли земли по левому берегу Днепра (он становится князем черниговским), а Ярославу правый берег. После смерти Мстислава в 1036 г. Ярослав становится единовластным правителем Киевской державы. При нем Киевская Русь обретает политическое единство и достигает наивысшего расцвета. Укрепляются ее границы, ведется успешная борьба с внешними врагами — печенегами, в 1037 г. создается киевская митрополия, а в 1051 г. митрополичий стол занимает первый митрополит из русских — Иларион, упорядочивается судебно-правовая деятельность, ведется большое строительство как в Киеве, так и в других древнерусских городах, усиливаются международные связи, интенсивно развивается культура — при Ярославе зарождается летописание, высокого мастерства достигает ораторское искусство, много

внимания уделяется книжному делу. Поэтому эпитет «старый» дан автором «Слова» Ярославу не только потому, что тот дожил до 76 лет и время его жизни от времени создания «Слова» было отдалено полуторавековой давностью, но и как обозначение мудрости, величия Ярослава.

...храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми...— О Мстиславе, князе тмутороканском и черниговском, см. в предыдущем комментарии. В данном случае имеется в виду сражение Мстислава с касожским князем Редедей (касоги — название одного из племен, населявших земли Северного Кавказа). Об этом же сражении 1022 г. подробно рассказывает «Повесть временных лет». Перед битвой князь Редедя предложил Мстиславу выйти на поединок. О самом поединке летописец рассказывает так: «...и яста ся (и схватились князья) бороти (биться) крепко, и надолзе борющемася има, нача изнемагати Мьстислав: бе бо (ибо был) велик и силен Редедя. И рече Мьстислав: «О пречистая богородице! помози ми. Аще бо одолею сему, съзижу церковь во имя твое». И серек (и сказав это) удари им о землю (поверг Редедю на землю) и вынзе (вынул) ножь и зареза Редедю».

...красному Романови Святъславличю.—Роман Святославич, князь тмутороканский, внук Ярослава Мудрого, сын Святослава Ярославича, старший брат Олега Святославича Черниговского. Год рождения неизвестен, в 1079 г. был убит половцами. Краткий рассказ летописи о гибели Романа завершается фразой: «Суть кости его и доселѣ тамо лежаче, сына Святославля, внука Ярославля». Некоторые исследователи полагают, что фраза эта, резко отличающаяся по стилю от окружающего ее текста, может быть, является отголоском какой-то Бояновой поэмы-песни о Романе.

Боянъ же, братие... своя вѣщиа пръсты на живая струны въскладаше...— Исполнение своих песен-поэм Боян сопровождал игрой на музыкальном инструменте. Большинство исследователей считает, что это были гусли.

...отъ стараго Владимера...— Имеется в виду Владимир I Святославич (ум. в 1015 г.), при нем в 980-х гг. официальной религией страны было признано христианство.

...на землю Половѣцькую... — Половцы — степной народ тюркского происхождения — впервые появились на Руси в 1054 г. (в восточных источниках они называются кыпчаками, а в западноевропейских — куманами). В XI—XII вв. половцы представляли большую и серьезную опасность для Киевской Руси. Особенно ожесточенный характер борьба с ними приобретает во второй половине XII в. Половецкая земля в конце XI и в XII в. занимала причерноморские степи между Дунаем и Волгой, крымские степи и берега Азовского моря.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты.— Здесь рассказывается о солнечном затмении, которое на самом деле произошло 1 мая 1885 г., на девятый день похода Игоря (из Новгорода-Северского он выступил 23 апреля). Сообщая о солнечном затмении в самом начале своего повествования, автор подчеркивает мужество и отвагу Игоря, пренебрегщего этим зловещим предзнаменованием, как бы предупреждавшим его от необдуманного похода в Половецкую степь, который он предпринимает, не посоветовавшись с великим князем киевским.

...бръзыя комони...— Борзый — эпитет быстроты и резвости боевого коня, часто встречающийся в памятниках древнерусской литературы.

Хощу... копие приломити...— В воинском обиходе Древней Руси это выражение означало — «вступить в единоборство», «начать битву».

...испити шеломомь Дону... — Эта фраза, как и предыдущая, имела символическое значение: пить шлемом из реки — значит завоевать ту местность, где эта река протекает.

...рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.— Вероятнее всего, Троян в «Слове» — языческий бог: в пантеоне языческих

богов Древней Руси существовал бог с таким именем (в апокрифе «Хождение богородицы по мукам» говорится — «Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша»). В «Слове» еще три раза упоминается Троян: «были вѣчи Трояни», «на землю Трояню» и «на седьмомъ вѣцѣ Трояни». Смысл всех фраз, где назван Троян, раскрыт в «Объяснительном переводе» (см. с. 167, 171, 173, 182).

Пѣти было пѣснь Игореви, того внуку... — Из текста не ясно, кто имеется в виду под внуком. Первые издатели посчитали, что Игорь, и вставили, в скобках,— «Олгу». Но в отрывке говорится о том, как воспел бы поход Игоря Боян, а ниже Боян назван внуком Велеса, поэтому «того внуку» есть достаточно веское основание толковать, как «внуку Велеса», т. е. Бояна. Велес-Волос — древнерусский языческий бог, покровитель скотоводства (в договоре русских с греками 971 г. сказано — «...веруем в Перуна и въ Волоса, скотья бога...»). Судя по «Слову о полку Игореве», Волос считался также покровителем певцов-поэтов, был богом поэтического искусства.

Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Кыевѣ... — Сула — левый приток Днепра, наиболее близкая к Киеву граница с половцами. Смысл этой фразы, передающей поэтическую манеру Бояна, который прославлял победы русского оружия, раскрыт в «Объяснительном переводе» (см. с. 167).

...трубы трубять въ Новѣградѣ... — Имеется в виду стольный город Северского княжества Новгород-Северский, расположенный на реке Десне. Эти слова характеризуют, в поэтической манере Бояна, готовность войск Игоря выступить в поход.

...стоять стязи въ Путивлѣ! — Путивль — город на реке Сейме, расположенный в Северской земле на юг от Новгорода-Северского. В нем княжил сын Игоря Владимир. Эти слова обозначают готовность выступить в поход войск Владимира Игоревича.

Игорь ждетъ мила брата Всеволода.— Всеволод Святославич (род. ок. 1155 г.), родной брат Игоря, князь трубчевский и курский. Среди Ольговичей (потомков Олега Святославича Черниговского) Всеволод отличался особой храбростью и мужеством. Рассказывая о его смерти в 1196 г., летописец написал: «...во Олговичех всих удалее рожаем и воспитаемь и возрастом и всею добротою и мужьственою доблестью» (Ипатьевская летопись). Игорь ожидал Всеволода два дня на реке Осколе, так как «тот бяше шел инемь путем ис Курьска» (Ипатьевская летопись).

...буй туръ...— Буй — отважный, сильный, храбрый, гордый. Турами в Древней Руси называли два вида диких быков— первобытных быков, настоящих туров, и зубров. В Древней Руси тур являлся символом мужества, отваги и силы.

...у Курьска...— Курск расположен в верховьях Сейма, на берегах рек Тускори и Кура. Город этот находился недалеко от Половецкой степи и имел пограничное значение. Поэтому куряне и характеризуются как особо опытные воины.

...свѣдоми къмети...— Первые издатели слово «къмети» передали двумя словами «къ мети» и перевели это словосочетание как «в цель стрелять знающи». Уже Н. М. Карамзин обратил внимание на эту ошибку первых издателей. Къметь — воин, дружинник — слово, часто встречающееся в древнерусских текстах.

...луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени...— Лук с натянутой тетивой (обычно она держалась расслабленной и натягивалась перед боем), раскрытый колчан, наточенная сабля — все это должно подчеркнуть сиюминутную готовность воинов-курян к сражению, хотя они только еще готовятся пойти на поле брани.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень... — Слова «вступить в стремя» символически обозначали начало похода. В выражении «золотое стремя» соединение реалии и фольклорного образа: предметы княжеского обихода были золотыми или

позолоченными, «золотой»— широко распространенный в фольклоре эпитет.

...свистъ звѣринъ въста, збися дивъ... — Вопрос о том, кто такой «див», до сих пор вызывает споры и различные толкования. Большинство исследователей «Слова» считает, что это какое-то мифическое существо (вроде лешего или вещей птицы), враждебное русским.

...велить послушати — земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскый блъванъ!— Земля незнаемая — чужая земля, земля половцев; Поморие — побережье Азовского и Черного морей; Посулие — земли по реке Суле (о ней см. комм. на с. 196); Сурож — современный Судак в Крыму, важный торговый центр средневековья; Корсунь — греческая колония Херсонес в Крыму (в 2—3 км от Севастополя); болван — истукан, статуя. Большинством исследователей признается гипотеза, согласно которой здесь имеется в виду одна из статуй, воздвигнутых на Таманском полуострове божествам Санергу и Астарте за 300 лет до н. э., остатки которых сохранялись до XVIII в. Среди других толкований заслуживает внимания предположение, что, возможно, имелся в виду маяк: в эллинистическую эпоху многие маяки сооружались со статуями наверху. До нашего времени остатков тмутороканского маяка не сохранилось, но по характеру береговой полосы есть основание полагать, что в древности в этом районе должен был стоять маяк (гипотеза Г. Ф. Корзухиной). Тмуторокань (греч. Таматарха) — город на Таманском полуострове и прилегающая к нему область. Впервые Тмуторокань упоминается в «Повести временных лет» под 988 г., где говорится о распределении земель между сыновьями Владимира I Святославича. Тмуторокань была большим, богатым торговым городом, имевшим и важное стратегическое значение. В XI в. он принадлежал Руси и был тесно связан с Черниговом — им управляли черниговские князья. Не случайно поэтому киевские бояре, сообщая великому киевскому князю Святославу о по-

ходе Игоря, говорят, что он, с братом Всеволодом, пошел «поискати града Тьмутороканя». Игорь мог ставить целью своего похода возвращение захваченной во второй половине XI в. половцами Тмуторокани как наследственного удела черниговских князей.

...крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци, лебеди роспущени.— Исследователь естественно-биологических и географических реалий «Слова» Н. В. Шарлемань связывает этот образ с представлением об определенной породе лебедей: «Лебедь-кликун прославился своим мелодичным криком — «лебединой песней». Одно из научных названий этого вида лебедя — Cygnus musicus отмечает его крик... Осенью, когда лебеди-кликуны тысячами летят зимовать на Черное или отчасти на Азовское моря, темными ночами от криков этих могучих птиц и в наше время порою нельзя уснуть в приморских селах, над которыми лебеди пролетают» (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве».— Труды Отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР, т. VI. М.—Л., 1948, с. 113).

...чрълеными щиты.— Щиты русских воинов (в XII в. они были миндалевидной или овальной формы) окрашивались черленью — яркой розово-красной краской, которая приготовлялась из особого насекомого — червеца.

О Руская земле! уже за шеломянемъ еси! — Первые издатели слово «шеломянем» поняли как название селения, пограничного с Половецкой степью, и дали написание его с прописной буквы. На самом деле «шеломя»— холм, возвышенность, слово, часто встречающееся в древнерусских текстах. Возможно, автор «Слова» имел в виду определенное место — Изюмский курган — возвышенность, находившуюся как раз на границе с Половецкой степью.

Съ зарания въ пятокъ потопташа поганыя плъкы половецкыя...— Первая битва Игоря, происшедшая в пятницу на реке Сюурлий, окончилась победой над половцами. О значении

военного термина Древней Руси «потоптать» см. в «Объяснительном переводе» (с. 169). Слово «поганые» в данном контексте современного эмоционально-оценочного значения не имеет, здесь оно означает — «язычники» (от л а т. «paganus» — языческий, нечистый).

...красныя дѣвкы половецкыя...— Здесь эпитет «красные», как и в словосочетании «красному Романови Святъславличю», значит — красивые, прекрасные, красавицы.

...паволокы, и драгыя оксамиты.— Паволока — шелковая ткань, оксамит (от г р е ч. «гексамит»—«шестинитчатый») — бархатная ткань красного и фиолетового тонов, украшенная орнаментом (обычно изображались фантастические звери и птицы в круглых медальонах). Ткани эти выделывались в Византии и очень высоко ценились и на Востоке и в Европе.

...и кожухы... и всякыми узорочьи половѣцкыми.— Кожухи — верхняя одежда из меха или подбитая мехом. Узорочье — обобщенное обозначение драгоценностей, здесь — ценные ткани, украшенные узорами.

...чрьлена чолка — бунчук: конский хвост на древке, окрашенный черленью, знак власти.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.— «Ольговым гнездом» автор «Слова» называет князей — участников похода Игоря: все они потомки Олега Святославича (см. комм. на с. 202). После первой удачной битвы Игорь предлагал сразу же возвращаться из степи назад, но на это не согласились Святослав Ольгович и Всеволод Святославич, и было решено переночевать в поле.

...Гзакъ... Кончакъ — половецкие ханы Гзак (Кза) Бурнович и Кончак Отракович. Особенно энергичным был Кончак, не раз возглавлявший походы на Русь. Вместе с тем Кончак неоднократно выступал союзником того или другого русского князя во время их междоусобиц. Был одно время в союзнических отношениях с Игорем. Летописец называет Кончака «окаянным, богостудным, безбожным, треклятым».

...чръныя тучя съ моря идутъ... — Черная туча — символ вражеского войска. С моря — половцы двигались со стороны Азовского моря, где находились их зимние кочевья.

...хотятъ прикрыти 4 солнца... — Четыре солнца — князья, участники похода: Игорь, его брат Всеволод, сын Игоря — Владимир (1170—1208) и Святослав Ольгович Рыльский (племянник Игоря и Всеволода).

...на рѣцѣ на Каялѣ... — На какой реке произошло сражение Игоря с половцами, до сих пор не установлено (на этот счет существует множество гипотез). «Каяла»— поэтическое обозначение этой реки, происходящее от глагола «каяти» (жалеть, сожалеть, оплакивать) — река скорби, гибели, плача.

Се вѣтри, Стрибожи внуци... — Стрибог — один из языческих русских богов: «(Владимир в Киеве) постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь» («Повесть временных лет»). Судя по «Слову», Стрибог — бог ветров.

...своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая... — Княжеские шлемы орнаментировались различными украшениями и золотились. Сохранившийся до нашего времени шлем Ярослава Всеволодовича (нач. XIII в.) дает наилучшее представление об этом виде княжеского вооружения.

Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя... — Глагол «поскепать» (расколоть, рассечь) более подходит, если речь идет о деревянном предмете. Здесь он употреблен потому, что половецкие шлемы составлялись из деревянных лубков, скрепленных железными ребрами, связанными наверху металлическим шишом. «Оварские» от «авары»: народность, известная по летописи под именем «обры». (Авары появились на северных берегах Черного моря в V в., в IX в., по словам летописца, авары полностью исчезли.)

Глѣбовна — жена Всеволода Ольга Глебовна, дочь Глеба Юрьевича (родной брат Всеволода Юрьевича, к которому автор

«Слова» ниже обращается с призывом встать на защиту Русской земли), внучка Юрия Долгорукого.

...были плъци Олговы, Ольга Святьславлича. — Олег Святославич — родоначальник «Ольгова хороброго гнезда», сын Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого. Здесь имеются в виду междоусобные войны Олега Святославича. В 1078 г. вместе с двоюродным братом Борисом Вячеславичем (оба они находились в Тмуторокани), заключив союз с половцами, Олег выступил против черниговского князя Всеволода (брат Святослава Ярославича, дядя Олега). В битве на реке Сож победу одержал Олег, Всеволод бежал к брату Изяславу Ярославичу, княжившему в Киеве. Изяслав, с сыном Ярополком, и Всеволод, с сыном Владимиром Мономахом, во главе большого войска пошли из Киева на Чернигов и взяли его. Олег и Борис, которых во время этих событий в Чернигове не было, собрали дружину и направились к городу. Сражение произошло, как сообщает летописец,— «у села на Нежатине Ниве». В этом сражении был убит великий князь киевский Изяслав, пал и союзник Олега — Борис. Олег снова бежал в Тмуторокань, на киевский великокняжеский стол сел Всеволод, а в Чернигове стал княжить сын Всеволода — Владимир Всеволодович Мономах. Олег был взят в плен хазарами, но со временем он из плена бежал и снова пошел на Чернигов. Владимир Мономах добровольно уступает Олегу Чернигов. Происходило это в 1094 г. С 1096 г. начинается длительная и ожесточенная борьба Олега с Мономаховичами — Владимиром Мономахом и его сыновьями, в которой Олег в конце концов был вынужден уступить своим соперникам. Умер Олег 1 августа 1115 г.

Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ, той же звонъ слыша давный великый Ярославь, а сынъ Всеволожь, Владимиръ...— Имеются в виду междоусобные битвы Олега, о которых рассказано в предыдущем комментарии. Ярослав — Ярослав Мудрый, Владимир — Владимир Мономах. Смысл

этого отрывка «Слова» раскрыт в «Объяснительном переводе» (см. с. 171).

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на Канину зелену паполому постла... — О Борисе Вячеславиче см. в комм. на с. 202, к словам: «...были плъци Олговы...». В летописном рассказе о битве у Нежатиной Нивы говорится, что когда Олег убедился в превосходстве сил Изяслава и Всеволода, то он предложил Борису Вячеславичу в бой не вступать. На это Борис ответил Олегу, что если Олег не хочет сражаться, то пусть уходит, а он, Борис, будет биться один и разобьет соперников. Первым был убит Борис. «На судъ».— В Древней Руси битва (в особенности поединок, междоусобное сражение) трактовалась как «суд божий» — тот, кто будет побежден, того осудил бог. Канина — по-видимому, река, протекавшая около Чернигова, где происходило сражение.

Съ тоя же Каялы Святоплъкь полелья отца своего... — «С той Каялы» (т. е. с той реки скорби и плача, где произошла битва Олега и Бориса с Изяславом и Всеволодом) сын Изяслава Святополк, находившийся во время этих событий в Киеве, приказал перевезти тело отца в Киев для погребения в храме Софии.

...междю угорьскими иноходьцы... — Иноходец — лошадь, бегающая иноходью, когда одновременно выносятся сначала обе правые ноги, а затем обе левые. Иноходцев использовали для перевозки раненых и мертвых на носилках, прикрепленных на длинных шестах к следующим друг за другом, гуськом, коням. В древности особенно ценились венгерские иноходцы.

...при Олзѣ Гориславличи — т. е. при Олеге Святославиче. Большинство исследователей считает, что прозвище «Гориславич», данное автором Олегу, носит осудительный характер, он осуждает родоначальника Ольговичей за принесенное им горе русскому народу междоусобными войнами, во время которых Олег часто выступал в союзе с половцами. Но в данном прозвище можно видеть и оттенок сочувствия — ведь

автор «Слова» говорит, что Борис Вячеславич погиб «за о б и д у Ольгову».

...Даждьбожа внука...— Даждьбог — один из древнерусских языческих богов (ср. комм. на с. 201, к словам: «Се вѣтри, Стрибожи внуци»).

Что ми шумить, что ми звенить — далече рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ... — Здесь имеется в виду такой эпизод битвы. Первыми обратились в бегство наемные отряды коуев (см. комм. на с. 209, к словам «Съ черниговьскими былями...»), находившиеся в войске Игоря. Игорь на коне — «зане (так как) ранен бяше»— бросился за убегавшими воинами, чтобы вернуть их, но успеха не достиг, когда же Игорь стал возвращаться к войску, то был схвачен половцами. «Держим же Игорь виде брата своего Всеволода крепко борющася и проси души своей смерти, яко да бы не видил падения брата своего» (Ипатьевская летопись).

Въстала обида въ силахъ Даждьбожа внука... въсплескала лебедиными крылы... — Лебедь в народной традиции символизирует несчастье. Образ девы-лебеди часто встречается в народных причитаниях.

...упуди жирня времена.— В первом издании вместо «упуди» было «убуди». Глагол «убудить» значил — «пробудить», «поднять», что не соответствует смыслу контекста, глагол же «упудити» значит — «гнать», «прогонять».

За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. — Первые издатели думали, что Карна и Жля — имена половецких ханов. Однако эти имена в источниках не встречаются. В настоящее время большинство исследователей считает, что Карна и Жля не собственные, а нарицательные имена, обозначающие символически-обобщающие образы печали, плача, скорби. Карна — от глагола «карити»— причитать по покойному, в народных говорах есть существительное карна — мука, скорбь. Жля — то же, что и «желя»— плач, скорбь, печаль. Смага — жар,

пламя, но употребляется в говорах и в переносном значении — горе, тоска. Возможно, слова «смагу... мычючи...» имеют в виду какой-то погребальный обряд.

...уже лжу убудиста которою, ту бяше успилъ отецъ ихъ — Святъславь... — Святослав Всеволодович (ок. 1125—1194), сын Всеволода Ольговича, двоюродный старший брат Игоря и Всеволода. Назван их отцом как их феодальный сюзерен и самый старший среди Ольговичей в 1185 г. В это время он вообще был самым старым из всех русских князей. Святослав княжил в Турове, Пинске, Владимире-Волынском, Новгороде-Северском. В 1164 г., после смерти Святослава Ольговича, отца Игоря и Всеволода, Святослав овладевает Черниговом, после чего начинается его борьба с двоюродным братом Олегом (старшим родным братом Игоря и Всеволода, ум. в 1179 г.). С 1180 г. Святослав Всеволодович садится на киевский стол. Но ему подвластен только Киев, остальные же города Киевского княжества были подчинены его соправителю, князю из рода Мономаховичей — Рюрику Ростиславичу (подробнее о нем см. ниже). Совместно с Рюриком Святослав осуществил несколько успешных походов против половцев.

А поганаго Кобяка изъ луку моря... яко вихръ, выторже: и падеся Кобякъ... въ гридницѣ Святъславли. — Во время похода 1184 г. на половцев русские взяли семь тысяч пленных, был пленен хан Кобяк Карлыевич с сыновьями и еще несколько знатных половцев. Гридницей (происходит от слова «гридь» — дружинник) назывался большой зал, в котором собиралась дружина. Очевидно, гридница была отделенной от дворца постройкой и в военное время она использовалась для помещения пленных.

Уныша бо градомъ забралы... — Забрало — часть крепостной стены — помост, идущий по верху стены, защищенный с внешней стороны рубленым или тесовым заграждением — «забороломъ». Сам образ унывающих городских забрал объясняется и их особой ролью в жизни средневекового города, и исклю-

чительно важным значением в средневековье крепостной стены. На забралах собирались жители, встречая или провожая князя, с них велись переговоры с неприятелем, на них размещались силы, обороняющие город во время осады. Городская стена была основной защитой, и ее разрушение, как правило, вело к гибели города. Не случайно поэтому, что сходный образ с унывшими забралами «Слова о полку Игореве» встречается в народной поэзии:

А тут плакала не душа красна девушка,
А тут плакала стена да городовая,
Она ведает над Киевом несчастьицо,
Она ведает над Киевом великое.
(Былина о Василии Игнатьевиче и Батыге)

...въ Киевѣ на горахъ.— Резиденция киевского князя была расположена на возвышенном месте Киева, у храма святой Софии.

Си ночь съ вечера одѣвахуть мя... на кроваты тисовѣ...— Тис — кедр, дерево драгоценной породы. В русском фольклоре «тисовый» заменился словом «тесовый», что было понятнее и ближе к крестьянскому быту.

...сыпахуть ми... великый женчюгь...— По народным поверьям видеть во сне жемчуг — плохая примета, знак того, что придется проливать горькие слезы. В Древней Руси жемчуг высоко ценился и был широко распространен: украшения из него на одеждах (в том числе и на мужских), на чехлах для оружия, на конском убранстве и т. п.

Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ.— Кнес — «конек» или «князек»— продольный верхний брус крыши, или же «матица»— брус, на котором держатся доски потолка. В Древней Руси разрушенный «князек» дома символизировал его гибель. Видеть во сне сломанный «князек»— примета ожидающего дом несчастья. Таков смысл и этой фразы в «Слове»,— князь Святослав видит княжеский дом без

«кнеса»: дом Ольговичей постигло несчастье — поражение Игоря. См. также еще один нюанс истолкования этого образа в «Объяснительном переводе» (с. 175).

...у Плѣсньска...— В Галицком княжестве, недалеко от Владимира-Волынского находился город Плесеньск. Но едва ли здесь имеется в виду он. Вероятно, это название какой-то местности под Киевом, отличающейся плоским ландшафтом.

...на болони бѣша дебрь Кияня и несошася къ синему морю.— Эта фраза, являющаяся одним из так называемых «темных мест» «Слова» (отрывков, смысл которых остается недостаточно ясным до сих пор), с конъектурной правкой, в первом издании вместо «Кияня»— «Кисаню», а вместо «несошася»— «не сошлю». Болоньем (от «болонь»— низина, плоское место) называлось свободное, незастраиваемое, пространство перед городскими стенами, чтобы подошедшему к городу врагу негде было укрыться и чтобы это место могло свободно простреливаться с городских стен. Смысл всей этой фразы раскрыт в «Объяснительном переводе» (см. с. 175).

...се бо два сокола слѣтѣста...— Два сокола — Игорь и Всеволод Святославичи.

...два солнца помѣркоста... и съ нима молодая мѣсяца — Олегъ и Святъславъ...— Два солнца — Игорь и Всеволод. Олег — сын Игоря, которому в 1185 г. было 10 или 11 лет. Святослав — племянник Игоря, князь Рыльский, ему было 19 лет. В Ипатьевской летописи участником похода Игоря назван только его сын Владимир. В Лаврентьевской летописи сказано, что Игорь пошел в поход с двумя сыновьями, но по именам они не названы. В Древней Руси князья в военных походах принимали участие с очень юного возраста.

...и великое буйство подаста хинови.— Слово «хинови» встречается только в «Слове о полку Игореве» и в «Задонщине», где оно, вероятнее всего, восходит к тексту «Слова». Это слово либо общее название восточных народов, кочевни-

ков, либо название какого-то, неведомого нам восточного племени. Некоторые исследователи считают, что «хинами» названы гунны.

...акы пардуже гнѣздо.— Гепарды (в Древней Руси их называли «пардусами») — хищные, но легко приручающиеся звери, отличающиеся быстротой бега. На Руси они не водились, их привозили с юго-востока и дрессировали как охотничьих зверей.

Се бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю...— Имеются в виду крымские готы или готы тетракситы, жившие в XII в. на Таманском полуострове и по берегу Черного моря. Очевидно, они имели торговые связи с половцами, и часть добычи, которую захватывали последние в боях с русскими, попадала и к ним. Кроме того, готы, жившие в районе Тмуторокани и находившиеся в дружеских отношениях с половцами, должны были опасаться победы русских. Поэтому-то готские девушки радуются поражению Игоря и «звенят русским золотом».

...поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. — Бус, по-видимому, антский князь Бос или Бооз, побежденный в 375 г. готским королем Винитаром (анты — предки восточных славян). Римский историк (гот по происхождению) Иордан рассказывает, что Винитар распял Боза с сыновьями и семьюдесятью старейшинами. Шарукан — половецкий хан, враг Руси. В 1068 г. Святослав Ярославич Черниговский нанес поражение половцам и пленил его, а в 1107 г. Шарукан был разгромлен объединенными силами русских князей: «...(русские князья) — идоша на половци к Лубну, и в 6 час дне бродишася (перешли вброд) чрес Сулу, и кликнуша на них (ринулись с криком на половцев). Половци же ужасошася, от страха не възмогоша ни стяга поставити, но побегоша, хватающе кони, а друзии пеши побегоша. Наши же почаша сечи, женущи я (настигая их), а другые руками имати, и гнаша ноли (даже) до Хорола. Убиша же Таза Бонякова брата, а Сугра яша (взя-

ли в плен) и брата его, а Шарукан едва утече» («Повесть временных лет»). Не менее жестокое поражение потерпел в борьбе с Владимиром Мономахом сын Шарукана Отрок. И вот в 1185 г. хан Кончак, сын Отрока и внук Шарукана, отомстил за бесславие отца и деда, разбив войско Игоря и взяв князя в плен. Поэтому-то готские девы и воспевают жестокую расправу над Бозом — древним предком русских и лелеют месть за Шарукана.

...Святъславъ изрони злато слово с слезами смѣшено...— В летописной повести о походе Игоря также говорится, что, узнав о поражении Игоря, Святослав «то слышав и вельми воздохнув, утер слез своих и рече...». В летописной повести, как и в «Слове», Святослав укоряет Игоря за необдуманный поступок и сочувствует ему: «Да како жаль ми бяшеть на Игоря (как я досадовал только что за содеянное Игорем), тако ныне жалую болми по Игоре, брате моемь» (Ипатьевская летопись).

...и многовоя брата моего Ярослава...— Ярослав Всеволодович Черниговский (1140—1198), родной брат Святослава Киевского. Ярослав принимал активное участие во многих походах Святослава, но в 80-е гг. XII в. его действия противоречат политике Святослава по отношению к половцам: в 1183 г. он отговаривает Святослава и Рюрика от похода в Половецкую степь и отказывается от участия в походе на половцев в 1184 г. В 1187 г. по его вине сорвалось намеченное выступление против половцев.

...съ черниговьскими былями... и съ ольберы.— Были, могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги и ольберы — названия тюркских племен, которые, осев в пределах Черниговского княжества, выступали на стороне русских князей. Из них собирались полки, носившие название «коуев».

Засапожникы — особый вид боевого ножа, который держался за голенищем сапога и пускался в ход во время рукопашной схватки. Очевидно, именно таким ножом Мстислав

Тмутороканский зарезал Редедю — «И вынзе ножь, и зареза Редедю».

Коли соколъ въ мытехъ бываетъ...— Н. В. Шарлемань об этом обороте «Слова» пишет: «Выражение «въ мытехъ» и до настоящего времени сохранилось кое-где среди охотников; этим термином обозначают линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, т. е. достигает половой зрелости. Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой прогоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута» (Н. В. Шарлемань, указ. соч., с. 112).

Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами.— Первые издатели «у Римъ» передали одним словом «Уримъ» и посчитали, что это «один из воевод или из союзников князя Игоря». На самом деле имеется в виду захват половцами города Римова. После поражения Игоря ханы Гзак и Кончак пошли на Русь. Гзак осадил Путивль, города взять не смог и разорил Посемье. Кончак пошел на Переяславль-Русский (Южный), но был отбит переяславским князем Владимиром Глебовичем (1157—1187). На обратном пути Кончак захватил Римов, разграбил город и с большим полоном ушел в степь. Во время осады половцами Переяславля князь Владимир Глебович Переяславский на вылазке мужественно сражался впереди всех «и обступиша и́ (его) мнозии половце. Тогда прочии, видивше князя своего крепко бьющеся, выринушася из города и тако отъяша князя своего язьвена суща (сильно раненного) треми копьи». Ранение это действительно было «тугой и тоской» для Владимира: во время похода на половцев в 1187 г. он заболел в пути и вскоре умер.

Великый княже Всеволоде!— Всеволод Юрьевич (1154—1212), князь Владимиро-Суздальский, сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха. В 80-х гг. XII в. это был один из самых могучих князей на Руси. Всеволод вел непримиримую борьбу с местным боярством за укрепление единодержавной

власти. Он первым из владимирских князей принял титул великого князя. Его боялись и слушались князья других русских княжеств. Во время его княжения во Владимире продолжается начатое его братом, Андреем Юрьевичем Боголюбским, строительство. При нем возводится новый княжеский дворец с знаменитым Дмитриевским собором. Княжил он 36 лет (с 1176 по 1212 г.). Всеволод Юрьевич стремился утвердить за Владимиром значение центра Руси и не интересовался Киевом. Но автор «Слова» не случайно обращается к нему со словами об «отнем столе»: Киевский княжеский стол был для Всеволода отчим столом: на нем сидел его дед Владимир Мономах, а его отец Юрий Долгорукий всю жизнь добивался Киева, в конце концов достиг этого и умер там.

Ты бо можеши Волгу веслы раскропити... — Эти слова не только поэтическая гипербола многочисленности войск Всеволода, они имеют в виду и конкретное историческое событие. В 1183 г. Всеволод осуществил успешный поход на волжских болгар. Им была взята столица Волжско-Болгарского царства и потоплено много неприятельских судов.

...чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. — Чага — рабыня, невольница, кощей — раб, невольник. Ногата и резана — очень мелкие денежные единицы: ногата — двадцатая часть гривны, резана — пятидесятая. Этот образ означает: Всеволод захватил бы так много пленников, что они продавались бы за бесценок.

Шереширы — название оружия, нам неизвестного, возможно, вид какого-то копья.

...удалыми сыны Глѣбовы — сыновья рязанского князя Глеба Ростиславича — Роман, Игорь, Владимир, Всеволод, Святослав, принимавшие участие в походе Всеволода на волжских болгар в 1183 г. Рязанское княжество в 80-х гг. XII в. политически зависело от Всеволода.

Ты, буй Рюриче, и Давыде! Не ваю ли вои... — Рюрик и Давид (Давыд) — сыновья Ростислава Мстиславича, внуки Мстислава Владимировича, правнуки Владимира Мономаха.

Рюрик Ростиславич всю жизнь провел в сражениях с половцами, в междоусобных бранях. Это был один из деятельных и энергичных князей Древней Руси, испытавший самые различные превратности судьбы. До 1180 г. он боролся со Святославом Всеволодовичем за Киев. В 1180 г., несмотря на победу над Ольговичами, Рюрик добровольно уступает Святославу Киев как самому старшему в то время по возрасту князю, но за собой оставляет всю Киевскую землю. Вместе со Святославом Рюрик принимает активное участие в борьбе с половцами. После смерти Святослава в 1194 г. он становится единовластным правителем Киевского княжества. В 1202 г. Роман Мстиславич Владимиро-Волынский и Галицкий, зять Рюрика, выгоняет его из Киева. Через год Рюрик в союзе с Ольговичами захватывает Киев и подвергает город страшному разгрому. В 1205 г. он, уже в союзе с Романом Мстиславичем, совершает удачный поход на половцев; на обратном пути из-за дележа добычи между ним и Романом происходит ссора, Роман насильно постригает Рюрика в монахи, а его сыновей увозит в Галич. Но в том же году Рюрик оставляет монашество и садится на киевский стол, который в 1210 г. он, по-видимому, добровольно уступает Всеволоду Чермному, а сам уходит в Чернигов, где княжит до конца своих дней в 1215 г. Рюрик покровительствовал зодчим, при нем и по его инициативе составлялся летописный свод 1200 г. — одна из интереснейших русских летописей раннего периода, дошедшая до нас в составе Ипатьевской летописи. Давид Ростиславич (1140—1197) княжил в Смоленске, одном из значительных княжеств в то время. См. также комм. на с. 217, к словам: «...сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы...»

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! — Ярослав Владимирович Галицкий (1130—1187), тесть Игоря (отец жены Игоря Ярославны). Галицкое княжество было одним из могущественнейших русских княжеств. Ярослав занимал галицкий стол с 1153 по 1187 г. Он пользовался большим авторитетом и

влиянием среди русских князей, но внутри своего собственного княжества ему приходилось вести ожесточенную борьбу с местными боярами, и он не раз был вынужден смиряться перед ними. Прозвище «Осмомысл», известное только по «Слову о полку Игореве», имеет самые различные толкования: у него восемь мыслей, т. е. у него много забот военных и политических; он очень мудр — умен за восьмерых и т. п. Летописец так охарактеризовал Ярослава Осмомысла: «Бе же князь мудр и речен языком (красноречив), и богобоин (богобоязнив), и честен в землях и славен полкы» (Ипатьевская летопись).

Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ... — Кремль Галича (город расположен на реке Днестре) находился на высокой горе. Эпитет княжеского стола «златокованый» подчеркивает богатство Галицкого княжества.

...горы Угорскыи... — Венгерские горы (т. е. Карпаты) были границей Галицкого княжества с Венгрией.

...заступивъ королеви путь... — Имеется в виду венгерский король. Венгерские короли, современники Ярослава,— Гейза II (ум. в 1161 г.), Стефан III (ум. в 1173 г.) и Бела III. Смысл фразы: галицкий князь загораживает венгерским королям путь на Русь.

...затворивъ Дунаю ворота... — Нижнее течение Дуная, от реки Серет до устья, т. е. до самых «ворот» реки, входило во владения Галицкого княжества; по этой части Дуная шла самая окраинная, южная граница Галицких земель.

...стрѣляеши... салътани за землями. — Смысл фразы толкуется предположительно: Ярослав Галицкий собирался предоставить свои войска подготавливаемому с 1185 г. третьему крестовому походу против султана Саладина (поход состоялся в 1189—1192 гг.).

...буй Романе, и Мстиславе! — Роман Мстиславич, князь Владимиро-Волынский и Галицкий (1150—1205), один из самых энергичных и деятельных князей XII в. Во времена, воспетые «Словом о полку Игореве», Роман Мстиславич княжил

во Владимире-Волынском. В 1199 г. он объединяет Галицкое и Волынское княжества. В 1202 г. происходит его ссора с тестем, Рюриком Киевским (см. комм. на с. 211, к словам: «Ты, буй Рюриче, и Давыде!»). Роман Мстиславич прославился своими походами на половцев и на пограничные с юго-западной Русью владения — главным образом на Литву. Летописец дает этому князю такую характеристику: «Устремил бо ся бяше на поганыя яко и лев, сердит же быст яко и рысь, и губяше яко и коркодил, и прехожаше землю их яко и орел, храбър бо бе яко и тур, ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганыя измалтяны, рекомыя половци...» (Ипатьевская летопись). Роман погиб во время похода на Польшу.

Кто такой Мстислав — неясно. С Романом были близко связаны два Мстислава: Мстислав Всеволодович Городенский и Мстислав Ярославич Пересопницкий. Первый, княжество которого соседствовало с западными землями, неоднократно воевал, как и Роман, с литовскими племенами, не раз выступал союзником Романа в походах последнего на половцев. Второй — двоюродный брат Романа, принимавший участие во многих его походах.

Ятвязи, деремела— названия литовских племен.

Сулица — короткое метательное копье, дротик.

...по Рси...— Рось — правый приток Днепра, впадает в Днепр ниже Киева, пограничная с Половецкой степью река.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи...— Ингварь и Всеволод — сыновья Ярослава Изяславича Луцкого, князья волынские. Три Мстиславича: сыновья Мстислава Изяславича — Роман, Всеволод и Святослав. Они двоюродные братья Ингваря и Всеволода и также были князьями волынскими. Поэтому-то автор «Слова» и обращается ко всем им вместе, хотя раньше он уже и обращался к одному из них — «буйному Роману».

...не худа гнѣзда шестокрилци!— Вот что пишет о слове «шестокрилци» Н. В. Шарлемань: «Шестокрилци, по-видимому,

тоже соколы, у которых, обычное для большинства птиц... деление оперения крыла на три части, особенно ясно видно во время парения. Таким образом, весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей, отсюда — шестокрилци» (Н. В. Шарлемань, указ. соч., с. 113).

...и сулицы ляцкыи и щиты? — Оружие Мстиславичей названо «ляцким» — польским не случайно: по матери они были полуполяками (внуки польского короля Болеслава Кривоустого), а кроме того, волынские князья часто пользовались военной помощью поляков.

...Изяславъ, сынъ Васильковъ...— В летописях говорится о полоцких князьях Брячиславе Васильковиче, Всеславе Васильковиче и их отце Васильке Рогволодовиче. О Изяславе Васильковиче нам ничего не известно. Вообще об этой ветви князей наши сведения очень скудны.

...дѣду своему Всеславу...— Имеется в виду Всеслав Полоцкий. Всеслав Брячиславич, сын Брячислава Изяславича, внук Изяслава Полоцкого (Изяслав Полоцкий — сын Владимира I от Рогнеды). Вся жизнь Всеслава Полоцкого насыщена междоусобными распрями с Ярославичами (потомками Ярослава Мудрого). Еще при жизни он пользовался славой чародея, вещего человека. В 1067 г. Всеслав занял Новгород, против него выступила коалиция князей — Ярославичей (Изяслав, Святослав и Всеволод). На реке Немиге (небольшой реке, на которой стоял Минск и которой теперь нет) произошла битва, окончившаяся поражением Всеслава. Обманом Всеслав был схвачен князем Изяславом и, вместе с сыновьями, заточен в поруб (земляную тюрьму) в Киеве. В 1068 г., после поражения русских князей от половцев на реке Альте, в Киеве вспыхнуло восстание, Изяслав бежал в Польшу, а Всеслав был освобожден горожанами, провозглашен киевским князем. В 1069 г. Изяслав, в союзе с Болеславом Польским, пошел против Всеслава на Киев. Всеслав выступил навстречу им и остановился в Белгороде (городок недалеко от Киева). Однако,

не дождавшись прихода Изяслава, тайно бежал в Полоцк. Вскоре Изяслав изгнал его и оттуда. В 1071 г. Всеслав вернул себе Полоцкое княжество и княжил в Полоцке до своей смерти (14 апреля 1101 г.).

...и с хотию на кров, а тъи рекъ...— Это одно из «темных мест» «Слова», и здесь дается один из вариантов прочтения этой сложной фразы. В первом издании деление на слова иное: «И схоти ю на кровать, и рекъ».

Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода.— О Брячиславе см. комм. на с. 215, к словам: «...Изяславъ, сынъ Васильковъ», о Всеволоде, как и об Изяславе Васильковиче, нам ничего не известно.

...изрони жемчюжну душу... чресъ злато ожерелие.— Круглый или квадратный вырез ворота княжеской рубахи обшивался золотом и драгоценными камнями, эта кайма, облегавшая плечи и шею, называлась «оплечьем» или «ожерельем». Считалось, что, когда человек умирал, его душа вылетала из тела через горло и уста, отсюда и данный образ «Слова»— изронил душу через золотое ожерелье.

Ярославли вси внуце и Всеславли!— Эта фраза с конъектурной правкой, в первом издании — «Ярославе, и вси внуце Всеславли». Без конъектурной правки не ясно, какого Ярослава имеет в виду автор «Слова». При внесении же этой конъектуры (предложенной Д. С. Лихачевым) смысл фразы соответствует и данному отрывку «Слова» и содержанию всего текста произведения: автор призывает к примирению потомков Ярослава Мудрого и Всеслава Полоцкого — между ветвями этих княжеских родов шла вековая вражда, которая, как говорит автор ниже, способствовала набегам «поганых» «на землю Рускую».

На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ любу. ...скочи... въ плъночи изъ Бѣлаграда... — В этом отрывке имеются в виду обстоятельства вокняжения Всеслава в Киеве, его бегство из Белгорода в Полоцк. См.

комм. на с. 215, к словам: «...дѣду своему Всеславу». Смысл всех иносказаний в этом отрывке «Слова» раскрыт в «Объяснительном переводе» (см. с. 182).

...отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.— Здесь имеется в виду захват Всеславом Новгорода и его битва с Ярославичами на реке Немиге. См. комм. на с. 215, к словам: «...дѣду своему Всеславу». Смысл слов «разшибе славу Ярославу» раскрыт в «Объяснительном переводе» (см. с. 182). Дудутки — по-видимому, местность под Новгородом.

...великому Хръсови...— Хорс — один из языческих русских богов, по-видимому, бог солнца (ср. комм. на с. 201, к словам: «Се вѣтри, Стрибожи внуци»).

Тому в Полотьскѣ позвониша... а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.— Смысл этой фразы «Слова», в которой имеется в виду пребывание Всеслава в заключении в Киеве, раскрыт в «Объяснительном переводе» (см. с .183).

Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевьскымъ...— Имеется в виду Владимир I Святославич, совершивший много походов на внешних врагов Русской земли.

...сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нъ розно ся имъ хоботы пашутъ.— Здесь имеется в виду следующее. Против половцев, ринувшихся на Русь после поражения Игоря, выступили Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич. В этих действиях должен был принять участие и брат Рюрика Давид (см. комм. на с. 211, к словам «Ты, буй Рюриче и Давыде!»). Однако, дойдя со своими силами до Треполя, он вернулся назад в Смоленск, сорвав тем самым намечавший ся поход против половцев. Стяги Владимира, победоносно реявшие в его борьбе с внешними врагами Руси, теперь, у его потомков, развеваются в разные стороны — согласия, необходимого для успешной борьбы, нет.

На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ... — Ярославна. дочь Ярослава Осмомысла (см. комм. на с. 212) —

жена Игоря. Имя Ефросинья источниками не подтверждено. Ниже говорится, что Ярославна плачет на городской стене Путивля. Форма «слышитъ» в древнерусском языке могла означать и «слышится» — плач Ярославны долетает из Путивля до Дуная. Дунай же называется потому, что по Дунаю проходила самая дальняя граница Галицкого княжества — родины Ярославны (здесь даже была уже не столько Галицкая земля, сколько земли Днестровско-Дунайского междуречья, зависящие от Галицкого княжества). Кроме того, Дунай — в славянском фольклоре эпическое название реки вообще.

...зегзицею незнаема рано кычеть... — Слово «зегзица» встречается только в «Слове о полку Игореве», но оно близко к наименованию кукушки в других древнерусских текстах — «зогзица», «зогзуля», сходные со словом «зегзица» наименования кукушки встречаются и в русских народных говорах.

...омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны... — До недавнего времени общепринятым было считать, что «бебрянъ рукавъ» — это бобровая опушка рукава. Но оказалось (это установил Н. А. Мещерский), что в древнерусском языке слово «бебряный» значит — «шелковый». В древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия слова греческого оригинала текста «в шелковых одеждах» переведены — «в ризах бъбрянах». В Древней Руси рукава верхней одежды делались очень длинными, и обычно их подбирали кверху, укрепляя специальными запястьями. Поэтому за поэтическим образом «Слова» стоят реалии эпохи.

...въ Путивлѣ... — Стольным городом Игоря был Новгород-Северский, Путивль — город старшего сына Игоря Владимира. Но Путивль был более неприступен и лучше защищен. Поэтому Ярославна, из-за половецкой опасности, могла перейти из Новгорода-Северского в этот город.

...О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы... — Славутич — славный, прославившийся. В украинских песнях

Днепр часто именуется с эпитетом «Славутич». Каменные горы — днепровские пороги.

Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова.— Имеется в виду поход Святослава Всеволодовича в Половецкую степь в 1184 г. (см. комм. на с. 205, к словам: «А поганаго Кобяка изъ луку моря...»). Насад — ладья с «насаженными» бортами (цельное большое дерево, выдолбленное в форме ладьи и «надшитое» досками с бортов), палубным перекрытием, с приподнятой носовой частью. Насад — тип речного судна, но русские ходили на этих судах и по морю.

...Овлуръ свисну за рѣкою...— Половец Овлур (в летописи он назван Лавром или Лавором), помогший бежать Игорю из плена. Русский историк XVIII в. Татищев в третьей книге своей «Истории Российской», основываясь на неизвестных нам источниках, рассказывает, что Овлур (Лавр) «был муж твердый, но оскорблен от некоторых половцев, мать же его была русская из области Игоревы». По сообщению Татищева, Игорь, вернувшись из плена, «Лавра же учинил вельможею и, крестя его, выдал за него дочь тысецкого Рагуила, и многим имением наградил, которого дети ныне суть вельможами в Северской земли».

...на своихъ сребреныхъ брезѣхъ...— Донец прорезает меловые горы, и часть мела уносится его водами. Когда вода спадает, то покрытые осевшим мелом берега в лучах солнца кажутся серебряными.

...стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ.— Перечисляемые здесь птицы (гоголь и чернеть — нырковые утки, глубоко ныряющие и водящиеся на глубоководных водоемах) отличаются особой чуткостью и осторожностью. По их поведению Игорь, скрывавшийся в приречных зарослях, мог определять — следует за ним погоня или нет.

Не тако ти, рече, рѣка Стугна... ростренa къ устью, уношу князю Ростиславу затвори.— Стугна — небольшая, мелковод-

ная река, впадающая в Днепр с правой стороны, немного южнее Киева. Ростислав — младший брат Владимира Мономаха. В 1093 г., во время битвы русских с половцами у Треполя, русские потерпели поражение и стали отступать, во время переправы через Стугну Ростислав утонул на глазах у брата, пытавшегося, но не смогшего его спасти. Смысл этой фразы «Слова» раскрыт в «Объяснительном переводе» (см. с. 186).

...плачется мати Ростиславля...— О плаче матери Ростислава по сыне рассказывает и летописец: «Ростислава же искавше обретоша в реце; и веземше принесоша и Киеву, и плакася по немь мати его, и все людье пожалища си по нем повелику, уности его ради» («Повесть временных лет»).

...сорокы не троскоташа, полозие ползаша только.— Полозы — крупные змеи, водящиеся в степи. Автор создает этим описанием впечатление особой тишины и настороженности сочувствующей Игорю природы. Умолкли как раз те птицы, которые своим криком могут выдать скрывающегося беглеца, ползание же беззвучных змей, если бы они и хотели в силу своего коварства выдать Игоря, не страшно: даже в такой тишине преследователи не могут услышать их.

Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ...— Реальный смысл этой фразы Н. В. Шарлемань объясняет так: «В степи деревья растут только в балках — долинах речек. Издали не видно речки, запрятавшейся в ложбине, не видно и деревьев, растущих по ее берегам, однако издали слышен стук, издаваемый дятлами. Понимая значение этого признака присутствия деревьев, а следовательно, и реки, Игорь во время бегства из плена легко находил путь к воде, к зарослям, в которых можно укрыться» (Н. В. Шарлемань, указ. соч., с. 115).

«Аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею».— «Опутать»— термин свадебных песен: опутать — значит оженить, засватать. Сын Игоря Владимир женился в плену на дочери хана Кончака. На Русь он вернулся в 1187 г. вместе с женой и ребенком, здесь был совершен хри-

стианский обряд венчания. В. Н. Татищев сообщает в своей «Истории государства Российского», что Кончаковна перед венчанием была крещена и названа Свободой.

Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣснотворца... Ольгова коганя хоти... — Это одно из «темных мест» «Слова»; фраза с конъектурной правкой, в первом издании вместо «Ходына» — «ходы на», вместо «пѣснотворца» — «пѣстворца». Из множества предложенных гипотез истолкования данного места эта наиболее убедительна. Существование еще какого-то песнотворца, современника Бояна, вполне допустимо. Каганами назывались хазарские и аварские владыки, иногда этот титул в X—XI вв. применялся и к русским князьям.

...дѣвици поютъ на Дунаи... — Упоминание Дуная здесь обозначает не только то, что весть об освобождении Игоря долетела до самых дальних пределов Руси, но, видимо, связано и с плачем Ярославны, который долетал до берегов Дуная (ср. комм. на с. 217, к словам: «На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ»).

Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй богородици Пирогощей. — Боричев взвоз — подъем от днепровской пристани на гору к центру Киева. Пирогощая — название церкви в Киеве, которая была основана в 1132 г. Названа так по находившейся в ней иконе богородицы, «Пирогощей», привезенной на Русь из Византии.

Аминь — истинно, да будет так. «Аминем» заканчиваются не только церковные, но и многие литературные памятники Древней Руси.

СОДЕРЖАНИЕ

С48 **Слово о полку Игореве** / Вступ. ст. и подготовка древнерус. текста Д. Лихачева; Сост. и коммент. Л. Дмитриева; Худож. В. А. Фаворский. — М.: Худож. лит., 1987. — 222 с. (Классики и современники. Поэтич. б-ка).

В книгу вошли древнерусский текст «Слова о полку Игореве», прозаический и объяснительный переводы «Слова» Д. Лихачева и поэтические переложения памятника В. Жуковского и Н. Заболоцкого. Тексты предваряет вступительная статья Д. Лихачева, а также статья Л. Дмитриева о поэтической жизни замечательного произведения древнерусской письменности в истории русской литературы.

С $\frac{4702010100-016}{028(01)-87}$ 33-87

ББК 84Р1

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННИКИ

Поэтическая библиотека

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Редактор
Ю. Розенблюм

Художественный редактор
В. Серебряков

Технический редактор
Л. Платонова

Корректоры
О. Стародубцева и М. Чупрова

ИБ № 4813

Подписано в печать с диапозитивов 17.11.86. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетн. № 2. Гарнитура «Латинская». Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,07. Усл. кр.-отт. 18,48. Уч.-изд. л. 9,33. Изд. № 1-2397. Тираж 1 000 000 экз. (2-й завод 300 001—600 000). Заказ 193.
Цена 55 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Художественная литература».
107882, ГСП, Москва, Б-78,
Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

55 к.

Поэтическая библиотека

